СМОЛЕНСКЪ

ДОРОГОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ ЦАРСТВА РУССКАГО

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1894.

СМОЛЕНСКЪ

ДОРОГОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ ЦАРСТВА РУССКАГО

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

СОСТАВИЛЪ

1-го пѣхотнаго Невскаго Его Величества Короля Эллиновъ полка

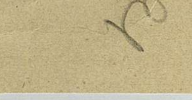
поручикъ А. К. Ильенко.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1894.

Типографія А. Бенке, Новый переулокъ, д. № 2.

Немного городовъ у насъ на Руси, которые бы такъ много пережили на своемъ вѣку, какъ Смоленскъ. «Дорогимъ ожерельемъ Царства Русскаго» прозвали его наши лѣтописцы, и справедливо это прозвище! Сначала главный городъ Кривичей, затѣмъ стольный градъ Великаго Княжества Смоленскаго, занимавшаго мѣстность на верховьяхъ Западной Двины, Днѣпра, Волги и Ловати, т. е. узелъ главнѣйшихъ естественныхъ путей земли Русской, Смоленскъ по немногу росъ и возвеличивался; его знаютъ не только по всей Руси православной, но знаетъ и Царьградъ, и Хозары, и Булгары; торговля его все расширяется и расширяется; къ XIII вѣку онъ уже входитъ въ составъ Великаго Ганзейскаго союза, дѣлается полноправнымъ членомъ въ обществѣ крупнѣйшихъ передовыхъ городовъ Западной Европы, и развѣ только одинъ Великій Новгородъ можетъ сравняться съ нимъ по многолюдству, богатству и образованности. Погромъ татарскій, раззорившій восточную Европу, повлекъ за собою объединеніе мелкихъ разрозненныхъ русскихъ княжествъ: на Востокѣ растетъ Великое Княжество Московское, на Западѣ Великое Княжество Литовско-Русское. Смоленскъ, занявшій срединное мѣсто между ними, дѣлается предметомъ исканій своихъ сосѣдей. Кто владѣетъ Смоленскомъ, тотъ владѣетъ и естественными путями, ведущими въ области своего противника; очевидно, что ни Москва, къ которой тяготѣли Смольяне, ни Литва не могутъ добровольно отказаться отъ Смоленска, и вотъ онъ въ продолженіи цѣлыхъ трехъ столѣтій, вплоть до 1654 года, является постояннымъ театромъ

военныхъ дѣйствій между Русью и Литвою, а въ послѣдствіи Польшею, пока наконецъ окончательно не входитъ въ составъ Царства Русскаго. Много славныхъ дѣлъ видѣли за это время стѣны Смоленскія, а боевые подвиги Смольянъ, въ памятное для Руси смутное время, навсегда останутся примѣромъ той гражданской и военной доблести, на которую способенъ лишь русскій человѣкъ. Но вотъ расширилось Царство Русское; Смоленскъ пересталъ быть окраиннымъ городомъ, настало и для него мирное время, и забыли православные его заслуги былыя. Прошло болѣе ста лѣтъ. Насталъ 1812 годъ. Пронеслась надъ Русью гроза лютая и вновь заставила православныхъ преклониться предъ Смоленскомъ, раздавленнымъ, сожженнымъ, но не сдавшимся врагу царства Русскаго. Много крови было пролито французами, прежде чѣмъ удалось имъ овладѣть развалинами «дорогого ожерелья».

Но годы идутъ; прошлое забывается; забывается прошлое и «дорогого ожерелья».

Попытаемся-же хотя въ краткихъ чертахъ вспомнить о томъ что пережилъ Смоленскъ за время своего болѣе чѣмъ тысяче-лѣтняго существованія.

Глава I.

Смоленскъ съ древнѣйшихъ временъ до нашествія татаръ.

Много вѣковъ тому назадъ на верховьяхъ Днѣпра, въ странѣ Славянскаго племени Кривичей, среди дремучихъ лѣсовъ появляется поселокъ. Жители этого поселка, расположившагося на верховьяхъ многоводной рѣки, входившей въ систему великаго воднаго пути между берегами Балтійскаго и Чернаго морей, гнали смолу и деготь, продавали ее проѣзжавшимъ мимо ихъ торговымъ людямъ и получили прозвище Смольянъ, а поселокъ ихъ — названіе Смоленскъ. Развиваясь все болѣе 1.
и болѣе, Смольяне не ограничиваются мѣстною торговлею; заводятъ торговыя сношенія съ Царьградомъ, съ жителями прибалтійскихъ береговъ и быстро богатѣютъ.

Трудно опредѣлить, хотя приблизительно, время возникновенія Смоленска: есть историки (напр. Булгаринъ), предполагавшіе, что онъ существовалъ уже въ первомъ вѣкѣ по Р. Х.; не будемъ разбирать, насколько вѣроятно это предположеніе. Для насъ несомнѣнно лишь одно: Смоленскъ ни только не уступаетъ по своей древности Великому Новгороду, Старой Русѣ и Кіеву, т. е. древнѣйшимъ городамъ земли русской, но значительно превосходитъ ихъ. 2.

Во время призванія Князей, Смоленскъ былъ вольный, богатый, торговый городъ, о существованіи котораго знали уже Греки. Есте- 3.
ственно, что предпріимчивый «вѣщій Олегъ» не могъ не обратить на него своего особеннаго вниманія, и въ 882 году Смоленскъ входитъ въ число городовъ, подчиненныхъ храброму Князю. Смольяне входятъ 4.

въ составъ дружины Олеговой и участвуютъ вмѣстѣ съ ней во всѣхъ
дальнѣйшихъ походахъ, какъ Олега, такъ и Князей Игоря и Святослава.

Въ борьбѣ Владиміра Св. съ Ярополкомъ изъ за Великокняжескаго
престола Смоленскъ играетъ выдающуюся роль: во время битвы, про-
изошедшей между дружинами означенныхъ Князей подъ стѣнами Смо-
ленскими, жители послѣдняго становятся на сторону Владиміра и содѣй-
ствуютъ въ занятіи Кіева и Великокняжескаго престола. Исторія не
сохранила намъ имени Князя Смоленскаго, содѣйствовавшаго Владиміру,
но тѣмъ не менѣе въ это время уже существуетъ Смоленское Княже-
ство, занимавшее площадь нынѣшней Смоленской и частей Витебской,
5. Псковской, Московской и Калужской губерній.

Возсѣвшій при помощи Смольянъ на великокняжескомъ престолѣ
Владиміръ принимаетъ Св. Крещеніе, и Великое Княжество Кіевское,
озаренное свѣтомъ Христіанскаго ученія, растетъ и возвеличивается.

Смольяне, живущіе на берегахъ той же рѣки, въ водахъ которой
крестились Кіевляне, одни изъ первыхъ принимаютъ христіанство, тѣсно
связующее ихъ съ Кіевомъ, центромъ православія, просвѣщенія и силы
тогдашней земли русской.

Послѣ смерти Ярослава Мудраго Смоленское Княжество достается
6. въ удѣлъ сыну его Вячеславу: между Смоленскомъ и Кіевомъ является
новое связующее звено — родство ихъ Князей; и съ этихъ поръ неодно-
кратно Князья Смоленскіе, на правахъ старшихъ въ родѣ, занимаютъ
7. Великокняжескій Кіевскій престолъ.

Года идутъ. Русь Кіевская, достигшая при Владимірѣ Мономахѣ
апогея своего величія, по смерти его начинаетъ падать. Междоусобицы
Князей, набѣги Кочевниковъ, войны съ западными сосѣдями терзаютъ
южную Русь. Смоленскъ-же, далекій отъ кочевниковъ, жившій въ мирѣ
съ своими сосѣдями, почти не видѣлъ у себя враговъ, кромѣ слабыхъ
8. Полочанъ, не могшихъ быть ему опасными, и подъ мудрымъ правле-
ніемъ такихъ Князей, какъ Владиміръ Мономахъ, Ростиславъ Мстисла-
вовичъ, Мстиславъ Давидовичъ и другіе, богатѣетъ, обстраивается и
развивается. Его политическое и торговое значеніе растетъ все больше
9. и больше. Княжество Смоленское уже носитъ титулъ Великаго. Крѣпко
связанный съ Кіевомъ общностью своихъ интересовъ, религіею и кров-
ными узами Князей, Смоленскъ является не только его постояннымъ,
вѣрнымъ союзникомъ, но какъ бы резервомъ боевыхъ и жизненныхъ
силъ, всегда готовымъ поддержать слабѣющій Кіевъ. Дружина Смо-
ленская, всегда готовая на защиту Великокняжескаго престола, уча-
ствуетъ почти во всѣхъ войнахъ, веденныхъ Кіевлянами: не разъ ходила

противъ Половцевъ, усмиряла буйный Новгородъ, воевала съ Полочанами, Вятичами, съ дикой Литвой, съ Венграми, а въ братоубійственныхъ распряхъ Олеговичей съ Мономаховичами храбро стояла за послѣднихъ, отличаясь всегда мужествомъ и преданностью своимъ Князьямъ. **10.**

Наступаетъ страшный для всѣхъ русскихъ 1222 годъ: изъ глубины степей Монгольскихъ надвигаются на Русь татары. Русскіе Князья соединились съ Половцами и встрѣтили общаго врага на берегахъ р. Калки.

Войско Смоленское со своимъ Княземъ Владиміромъ Рюриковичемъ храбро бьется съ Монголами, но союзники наши, Половцы, не выдержали, дрогнули и побѣжали; воодушевившіеся татары одолѣваютъ русскую рать; напрасны всѣ усилія Князей остановить варваровъ: убитъ Князь Кіевскій Мстиславъ, съ нимъ семь другихъ Князей. Смоленскій Князь, весь израненный, едва успѣваетъ спастись съ остатками своей дружины. Татары повернули назадъ и скрылись въ своихъ степяхъ. **11.**

Гроза миновала. Князья Русскіе попрежнему предались распрямъ да междоусобицамъ; и не чуяли сердца ихъ, что не далеко то время, когда вновь нагрянетъ грозная туча, но уже не грозою мимолетною разразится надъ Русью, а на долгіе, долгіе годы окутаетъ ее бѣдную въ безпросвѣтную тьму рабства, да злой неволи татарской.

Смоленскъ передъ татарскимъ погромомъ достигъ высокой степени развитія. Это была пора его расцвѣта, самый блестящій періодъ за все время его болѣе чѣмъ тысячелѣтняго существованія.

Великое Княжество Смоленское, какъ мы уже упомянули раньше, занимало площадь теперешнихъ губерній: Смоленской и частей Витебской, Псковской, Московской и Калужской, т. е. какъ разъ ту мѣстность, которая является водораздѣломъ главнѣйшихъ водныхъ путей земли русской. Верховья Западной Двины, Днѣпра, Волги, Ловати и ихъ притоковъ сближали Смоленское Княжество не только со всѣми древне-русскими областями, но и съ Греціей, съ нѣмецкими землями, съ Скандинавіею, Булгарами и Хозарами. Если же мы примемъ во вниманіе, что въ тѣ далекія времена, про которыя мы говоримъ, рѣки были единственными путями сообщенія, то очевидно, какое большое значеніе должно было имѣть Смоленское Княжество, занявшее сосредоточіе означенныхъ путей. Отсюда ясны причины того вліянія, которымъ пользовались Князья Смоленскіе во времена удѣльнаго періода; ясны причины и послѣдующихъ непрерывныхъ войнъ Литвы съ Москвою изъ за обладанія областью Смоленскою, бывшею ключемъ ко всѣмъ русскимъ областямъ.

*

Результатомъ такого исключительнаго положенія Смоленскаго Княжества явилось то, что здѣсь вмѣстѣ съ быстрымъ ростомъ населенія развивается и торговля, и благосостояніе, и образованность. Наиболѣе ярко всѣ эти черты проявились конечно въ главномъ городѣ Княжества — въ Смоленскѣ.

Въ началѣ XIII вѣка Смоленскъ, вмѣщавшій въ себѣ до 40 т.
населенія, застроенный 10 каменными церквами, Княжескими теремами,
множествомъ гостиныхъ дворовъ, лавокъ и другими зданіями, преры-
ваемыми тамъ и сямъ фруктовыми садами, а по окраинамъ города
огородами и капустниками, оживленный массою торговыхъ судовъ,
12. снующихъ по Днѣпру,—представлялъ собою чрезвычайно красивый видъ.
Главнѣйшая часть города, раскинувшаяся на живописномъ нагорномъ
лѣвомъ берегу Днѣпра, была окружена со временъ еще Владиміра
Мономаха высокимъ землянымъ валомъ съ деревяннымъ тыномъ по
13. верху. Валъ этотъ тянулся по нагорной сторонѣ города и спускался за
14. церковью Іоанна Богослова къ самому берегу Днѣпра. Помимо вала
сама природа, казалось, сдѣлала все, чтобы укрѣпить эту главнѣйшую
часть города: два глубокіе крутобережные оврага, берущіе свое начало
на южной сторонѣ города близь Старой Кіевской дороги, расходясь
вправо и влѣво, охватываютъ городъ съ восточной и западной сторонъ
и упираются въ Днѣпръ; по дну этихъ овраговъ текутъ ручьи: Чури-
ловка по западному, и Рачевка по восточному. Благодаря этимъ овра-
гамъ, валу и цѣлому ряду овраговъ внутри городской стѣны, обра-
зующимъ нѣсколько отдѣльныхъ возвышенностей (горъ: Аврааміевская,
Соборная, Воскресенская, Казанская), Смоленскъ представлялъ изъ себя
15. твердыню, которою невозможно было овладѣть открытою силою.

Находившіяся внѣ вала предмѣстья — Рачевское и Смядынское, нынѣ
бѣдныя слободы, въ тѣ времена кипѣли жизнью, въ особенности послѣд-
нее, извѣстное теперь подъ именемъ «Свирская слобода». Масса нахо-
димыхъ здѣсь остатковъ построекъ, относящихся къ XIII вѣку, дока-
зываетъ намъ, что въ то время мѣстность эта была особенно богата
и населена. Изъ письменныхъ источниковъ и изъ произведенныхъ рас-
копокъ извѣстно, что здѣсь, кромѣ существующей до настоящей поры
16. церкви во имя Архистратига Михаила, существовала другая во имя Св.
17. Косьмы и Даміана; по близости высился Борисоглѣбскій монастырь, а
между церковью Архистратига Михаила и упомянутымъ монастыремъ
18. красовались Княжескіе терема. Здѣсь же была пристань, гдѣ останав-
ливались купеческія суда, здѣсь взималась съ нихъ пошлина, товары
разгружались и сохранялись въ стоящихъ по близости монастыряхъ —

Спасскомъ и Троицкомъ, отъ которыхъ въ настоящее время остались
печальные остатки фундаментовъ, да кучи сору. 19.

Насколько былъ оживленъ и богатъ лѣвый берегъ Днѣпра, настолько
же малолюденъ и бѣденъ правый—низменный, заливаемый въ половодье
водою, ограниченный дальше къ сѣверу возвышенностями, поросшими
лѣсомъ и пересѣченными оврагами и топкими ручьями. На этомъ берегу
жили бывшіе Княжескіе рабы и «изгои», занимавшіеся нѣкогда исклю-
чительно тетеревиною ловлею и содержаніемъ тетеревиныхъ садковъ. 20.
Князь Смоленскій Ростиславъ Мстиславовичъ въ 1146 году построилъ
для нихъ церковь во имя Св. Петра и Павла, сохранившуюся, хотя и въ
значительно измѣненномъ видѣ, до настоящаго времени; въ 1150 году 21.
этотъ «тетеревникъ за Днѣпромъ» былъ отданъ Княземъ въ вѣчное
владѣніе епископу Мануилу. Если мы упомянемъ еще про Крестовоз- 22.
движенскій монастырь, возвышавшійся на Покровской горѣ, на томъ
самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ церковь во имя Св. Гурія, Самона и
Авивы, то вотъ и всѣ населенные въ то время пункты праваго берега Днѣпра. 23.

Въ административномъ отношеніи Смоленскъ дѣлился на четыре
конца, изъ коихъ исторія сохранила намъ названія только двухъ: Пят-
ницкаго на западѣ и Клирошанскаго на востокѣ. Какъ въ Новго-
родѣ, такъ и здѣсь каждый конецъ, каждая улица составляли отдѣль-
ную въ своемъ внутреннемъ управленіи самостоятельную общину, съ
своими выборными тысяцкими, старостами, сотскими, съ Кончанскимъ
и Уличанскимъ вѣчемъ. На этихъ общинахъ лежала между прочимъ
обязанность заготовленія на случай войны оружія, снарядовъ и воен-
ныхъ припасовъ. Въ военное время всѣ кончанскія и уличанскія общины
организовали свой земскій полкъ, состоящій изъ тысячи ратниковъ, ко-
торый шелъ на войну и сражался подъ предводительствомъ своихъ же
земскихъ: тысяцкаго и сотскихъ, независимо отъ Княжескаго полка.
Лѣтописи сохранили намъ имена нѣкоторыхъ тысяцкихъ: такъ при Князѣ
Ростиславѣ Мстиславовичѣ былъ тысяцкій Внѣздъ, при сынѣ его Да-
видѣ-Водило, въ 1195 году Смоленскимъ тысяцкимъ является нѣкто
Михалко.

Благодаря исключительнымъ географическимъ условіямъ, объ коихъ 24.
мы уже упомянули раньше, въ Смоленскѣ съ давнихъ поръ процвѣ-
тала торговля, достигшая въ XIII вѣкѣ особеннаго развитія: въ это
время Смоленскъ дѣлается членомъ Великаго Ганзейскаго союза. Союзъ 25.
Ганзейскій, къ которому принадлежали кромѣ Смоленска болѣе трид-
цати нѣмецкихъ и русскихъ городовъ, представлялъ изъ себя общину,
юридически поставленную въ совершенно независимое положеніе, съ

своимъ собственнымъ управленіемъ, ввѣряемымъ старостамъ и тысяцкимъ, съ собственнымъ судомъ. Отъ Брюгге и Лондона до Риги, Новгорода, Смоленска и Суздаля вся торговля была въ рукахъ этого могущественнаго союза, средоточіемъ котораго былъ г. Висби на островѣ Готландѣ. Здѣсь былъ главный рынокъ и главное управленіе для членовъ союза, здѣсь заключались договоры съ управителями, какъ русскихъ, такъ и нѣмецкихъ областей, обезпечивающіе права и безопасность предпріимчивыхъ Ганзейцевъ. Сюда для этой цѣли не разъ прибывали и представители Смоленска; такъ напр. въ началѣ весны 1228 года, по иниціативѣ Смоленскаго Князя Мстислава Давидовича, въ Ригу и на островъ Готландъ было отправлено посольство изъ трехъ лицъ: «сотскаго умна мужа Пантелея, лучшаго попа Еремѣя» и нѣмецкаго купца, жившаго въ Смоленскѣ, Тумана; цѣлью этого посольства было заключеніе съ Ганзою торговаго договора, какъ существовало «издавна». Въ г. Висби ими былъ заключенъ съ представителями общаго Ганзейскаго союза, прибывшими изъ г. Любека, Сеста, Бремена, Мюнстера, Гренингена, Дортмунда и Риги, договоръ, дошедшій до нашего времени, прекрасно рисующій положеніе тогдашней торговли, уголов-
26. наго и гражданскаго права. Не будемъ однако останавливаться на разборѣ этого драгоцѣннаго документа, содержаніе главнѣйшихъ пунктовъ котораго читатель можетъ найти въ приложеніяхъ, и перейдемъ къ торговлѣ нѣмецкихъ купцовъ въ самомъ Смоленскѣ.

Согласно одной изъ статей договора 1228 года, Западная Двина отъ истоковъ до устья признавалась свободной для обоюдной безпошлинной торговли. Смольяне имѣли право свободно и безпошлинно торговать не только по всему теченію Западной Двины, но и дальше по берегамъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей до Любека и р. Травы; нѣмцы съ своей стороны изъ Двины на тѣхъ же условіяхъ могли идти волокомъ въ Днѣпръ до Смоленска, гдѣ нѣмецкій гость «можетъ купить,
27. продать товаръ или ѣхать съ онымъ изъ Смоленска въ другіе города».

Нѣмцы обыкновенно отправлялись въ путь по Западной Двинѣ цѣлыми флотиліями «въ учанахъ» или же берегомъ обозами на лошадяхъ. Изъ Западной Двины шли по р. Касплѣ до волока, находившагося близъ нынѣшней деревни Гаврики въ Порѣчскомъ уѣздѣ, отсюда
28. около 30 верстъ по сушѣ до Днѣпра.

Прибывъ въ Смоленскъ, нѣмецкій гость останавливался обыкновенно или въ устьѣ р. Смядынки, у Борисоглѣбскаго монастыря, или нѣсколько дальше внизъ по теченію, у Троицкаго. Между двумя этими монастырями Днѣпръ дѣлаетъ излучину, образуя обширную, ровную

площадь, заливаемую при разливахъ рѣки, но въ остальное время чрезвычайно удобную для разгрузки судовъ и для торга. Три монастыря: Борисоглѣбскій съ востока, Троицкій съ запада и Спасскій съ юга, какъ бы три форта охраняли это торжище. Снабженные обширными каменными подвалами и кладовыми, монастыри эти были приспособлены
для складовъ и храненія привозимыхъ товаровъ. Разгрузивъ свои то- 29.
вары, купецъ уплачивалъ торговую пошлину-мытъ въ пользу Князя, дарилъ Княгинѣ кусокъ полотна, а Княжескому тіуну волокскому, который сопровождалъ обыкновенно торговые караваны отъ границы до Смоленска и заботился о всѣхъ нуждахъ нѣмецкихъ гостей,—«перчатки Готскія». Затѣмъ товары или складывались здѣсь же въ кладовыя одного изъ монастырей, или же везлись въ городъ на нѣмецкій дворъ. Для перевозки товаровъ къ услугамъ торговыхъ людей были извозчики, заселявшіе посадъ, тянувшійся отъ церкви Св. Архистратига
Михаила до подъема на гору у церкви Іоанна Богослова. 30.

Привозя въ Смоленскъ самые разнообразные предметы производства чуть не всѣхъ странъ свѣта, Ганзейскіе купцы вывозили изъ него, главнымъ образомъ, медъ, воскъ, мѣха; послѣ Татарскаго нашествія — лошадей. Изъ Торопца кромѣ того привозили для продажи въ Смоленскъ «убрусы», скатерти, полотна и другіе предметы женскаго кустарнаго производства. За правильностью торговли наблюдало, помимо Княжескихъ тіуновъ, духовенство, которому было поручено храненіе
образцовыхъ вѣсовъ; самыя церкви были приспособлены къ торговлѣ: 31.
въ притворахъ вѣшался товаръ, въ подвалахъ церковныхъ сохранялся. Священники Смоленскіе не разъ были выбираемы отъ народа представителями для заключенія съ Ганзою договоровъ. Нѣмецкіе купцы въ Смоленскѣ, какъ русскіе въ нѣмецкихъ городахъ, являлись равноправными гражданами: нѣмцы имѣли въ Смоленскѣ даже собственную церковь во имя Св. Маріи; отдѣльныя личности изъ нихъ пользовались нерѣдко исключительнымъ уваженіемъ горожанъ и самого Князя, какъ напр. купцы Лудольфъ и Туманъ при Князѣ Мстиславѣ Давидовичѣ. Съ другой стороны, приблизительно въ это же время, мы видимъ въ г. Любекѣ, въ числѣ первѣйшихъ членовъ городскаго управленія, рус-
скаго купца Якова Плескова. 32.

Благодаря такому живому общенію съ Западною Европою въ XIII вѣкѣ, а раньше такому-же общенію съ Византіею, умственное развитіе Смоленска стояло необыкновенно высоко сравнительно съ послѣдующими вѣками, а въ особенности съ темнымъ періодомъ XVI и XVII вѣковъ.

Смоленское Княжество, стоя на перепутьѣ дорогъ, ведущихъ какъ
въ Южную Русь такъ и на Западъ, сосредоточивало въ себѣ, какъ въ
фокусѣ, всѣ зачатки нарождающагося умственнаго движенія. Извѣстія
XII вѣка показываютъ, что въ развитіи книжнаго образованія Смо-
ленскъ шелъ въ ряду первыхъ русскихъ городовъ. Уже Ростиславъ
Мстиславовичъ (1125—1159), Смоленскій Князь-просвѣтитель, вмѣстѣ
съ постройкой церквей въ Смоленскѣ и въ другихъ городахъ, отовсюду
собиралъ латинскія и греческія рукописи, имѣлъ около себя перевод-
чиковъ и переписчиковъ, занятыхъ переводомъ и перепиской сокро-
вищъ древней эллинской и болгарской мудрости. Будучи самъ человѣ-
комъ недюжиннаго ума, любя бесѣды съ умными людьми, онъ не
могъ конечно уживаться съ невѣжествомъ Смольянъ и началъ прежде
всего съ своихъ собственныхъ сыновей, которымъ постарался дать бле-
стящее по тому времени образованіе, и достигъ въ этомъ самыхъ благо-
пріятныхъ результатовъ. Про одного изъ его сыновей, Романа, лѣто-
писцы пишутъ, что это былъ Князь, отличавшійся мирными, кроткими
свойствами, презиравшій пышность и богатство, обращавшій исключи-
33. тельное вниманіе на развитіе въ Смоленскѣ образованія. Любя самъ
науки, онъ первый заводитъ въ городѣ училища, въ которыхъ обу-
чали русскому, латинскому и греческому языкамъ; строго слѣдитъ за
тѣмъ, чтобы въ духовный санъ посвящались люди исключительно обра-
зованные. Отличаясь самою искреннею набожностью, онъ строитъ
церкви и, заботясь о красотѣ ихъ, способствуетъ въ то же время раз-
витію искусства. Одна изъ построенныхъ имъ церквей, а именно во
имя Іоанна Богослова, сохранившаяся до настоящаго времени, отли-
чалась, по словамъ лѣтописцевъ, особенно своею красотою и была укра-
34. шена внутри золотомъ и финифтью.

Строя церкви и учреждая на свои собственныя средства школы,
Князь Романъ Ростиславовичъ не щадилъ на поддержаніе ихъ денегъ
и этимъ до такой степени истощилъ свою казну, что когда онъ умеръ,
то не было на что похоронить его. Благодарные Смольяне, проникну-
тые любовью къ своему кроткому Князю, собравъ сумму, превышав-
шую доходъ цѣлаго года со всего Смоленскаго Княжества, хоронятъ
35. его на собственныя средства. Такою же любовью къ просвѣщенію отли-
чался и другой сынъ Ростислава Мстиславовича — Давидъ. Стремленія
этихъ Князей просвѣтить Смольянъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ: съ
этихъ поръ въ лѣтописяхъ и торговыхъ договорахъ мы нерѣдко встрѣ-
чаемъ такіе эпитеты, прилагаемые къ нѣкоторымъ Смольянамъ, какъ
напр. «умные мужи», «лучшіе люди» и пр. Про схимника Климента

Смольянина, жившаго еще при Ростиславѣ Мстиславовичѣ въ монастырѣ Зарубинскомъ, въ Никоновой лѣтописи читаемъ, что онъ «книжникъ и философъ, такъ яко же въ русской землѣ не бяшетъ...... и много писанія написавъ предаде». Еще большею славою пользовался знаменитый **36.**
Смоленскій Просвѣтитель Св. Авраамій. Въ монастыряхъ Зарубинскомъ **37.**
и Селищенскомъ, гдѣ долго жилъ Св. Авраамій, заводятся богатыя книгохранилища. Въ Смоленскѣ по инициативѣ уже частныхъ лицъ устраиваются многочисленныя училища. Изящныя искусства, въ особен- **38.**
ности живопись, находятъ въ Смоленскѣ самыя благопріятныя условія для своего развитія: выписываются иностранные мастера, учреждается школа писцовъ и живописцевъ. Храмы, построенные въ концѣ XII сто- **39.**
лѣтія, Іоанна Богослова и Архистратига Михаила, отличаются такою красотою, что о нихъ идетъ далеко слава, и любители церковнаго благолѣпія нарочно ѣдутъ въ Смоленскъ, чтобы насладиться ихъ видомъ. О церкви Архистратига Михаила у лѣтописца мы читаемъ: «Такое же, т. е. церкви, нѣсть въ полунощной странѣ и всимъ приходящимъ къ ней дивитися изряднѣй красотѣ ея, иконы златомъ, и сребромъ, и жемчугомъ, и каменемъ драгимъ украшены». **40.**

Таковъ былъ Смоленскъ передъ татарскимъ погромомъ: сильный своимъ богатствомъ, многолюдностью, торговлею и образованностью, обладавшій зданіями, «такое-жъ нѣсть въ полунощной землѣ» и воспитывавшій такихъ мужей, «яко же въ русской землѣ не бяшетъ».

Глава II.

Паденіе Смоленска и присоединеніе его къ Литвѣ.

После погрома Калкскаго, несчастіе за несчастіемъ посыпались на бѣдную Русь: неурожай, естественное послѣдствіе его — голодъ, моровая язва, слѣдуетъ одно за другимъ. Двухлѣтній подъ-рядъ неурожай въ Княжествѣ Смоленскомъ вызываетъ, по словамъ лѣтописца, такой голодъ, что «мнози своего брата рѣжуще ядяху, а иніи мертвое трупіе ядяху, друзіи конину, и псину, и кошки, а иніи мохъ, и сосну, и илемъ,
1. и листъ». Естественнымъ послѣдствіемъ этого несчастія была страшная смертность: «толико бѣ множество мертвыхъ, яко не бысть кому погребати ихъ». Въ самомъ Смоленскѣ, по лѣтописнымъ источникамъ, за недостаткомъ мѣстъ на кладбищахъ, были устроены четыре «скудельницы» (общія, братскія могилы); въ этихъ четырехъ скудельницахъ въ
2. продолженіи одного лишь 1230 г. было погребено 32,000 труповъ.

Но Смоленскъ былъ еще въ сравнительно лучшихъ условіяхъ: Ганзейскій союзъ не оставилъ въ бѣдѣ своего собрата—«прибѣгоша Нѣмцы
3. изъ заморія и много добра сотвориша», говоритъ лѣтописецъ. Что же должно было испытывать населеніе другихъ русскихъ областей, лишенныхъ возможности получить поддержку извнѣ?

И всѣ эти несчастія, обрушившіяся на злосчастную Русь, были лишь началомъ готовившагося ей еще болѣе страшнаго испытанія.

Настали 1236 годъ: дикія полчища татарскія, предводимыя свирѣпымъ Батыемъ, вторгаются въ землю Русскую; славныя нѣкогда княжества падаютъ одно за другимъ; богатые, многолюдные города — Рязань, Суздаль, Владиміръ, Москва, Переяславль, Черниговъ и самъ стольный градъ Кіевъ гибнутъ въ пламени, залитые кровью православ-

ныхъ. Развалины городовъ и селъ да несмѣтное множество труповъ— обозначили слѣды Батыева нашествія. Печальные остатки населенія, спасшагося отъ меча, поголовно переписаны татарскими баскаками, обложены данью, и Ханы татарскіе—вершители судебъ земли русской.

Къ довершенію всего, Князья наши, вмѣсто того, чтобы объединиться въ общей бѣдѣ да облегчить участь своихъ подданныхъ, думаютъ лишь о томъ, какъ-бы имъ заручиться любовью Ханской, чтобы властвовать надъ другими; и непримиримыя распри возникаютъ между ними, тяжелымъ бременемъ ложась на ихъ подданныхъ, и такъ уже изнуренныхъ злой неволей татарской.

Цѣлое столѣтіе изнываетъ Русь подъ игомъ татарскимъ, да подъ управленіемъ своихъ неразумныхъ, многочисленныхъ и враждебныхъ другъ другу Князей, пока, наконецъ, въ половинѣ 14 вѣка, когда все казалось погибало, среди всеобщаго разстройства не возвысила свою главу Москва. Русь Восточная спасена. Повинуясь съ этихъ поръ одному уму, одной волѣ, она начинаетъ сосредоточивать свои силы: окружавшія Москву Княжества понемногу входятъ въ составъ областей, подчиненныхъ одному Великому Князю Московскому; начинаетъ обнаруживаться и явное стремленіе къ независимости. Но, увы, много еще лѣтъ должно пройти, прежде чѣмъ объединенной, возстановленной Руси Восточной удастся, собравшись съ силами, сбросить съ себя ненавистное иго татарское и твердою ногою стать на путь дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія.

Раньше чѣмъ успѣла подняться и окрѣпнуть Москва, на Западѣ со сказочною быстротою выростаетъ молодое, сильное и славное Государство Литовское.

Литовцы, жившіе въ дремучихъ лѣсахъ, покрывавшихъ всю мѣстность между Западною Двиною и Нѣманомъ, съ давнихъ поръ были извѣстны намъ, какъ дикое и бѣдное племя. При Ярославѣ Мудромъ они платили намъ дань вѣниками и лыкомъ. До половины 13 столѣтія Литовцы не имѣли городовъ и управлялись своими многочисленными, мелкими Князьками - Кунигасами. Огражденные отъ сосѣдей своихъ дремучими лѣсами, они долго оставались въ полномъ смыслѣ слова дикарями, чуждыми понятія о религіи христіанской, не имѣвшими ни письменности, ни законовъ гражданскихъ. Въ XII вѣкѣ на берегахъ Балтійскаго моря появляются рыцарскіе духовные Ордена Тевтоновъ и Меченосцевъ; быстро подчинивъ себѣ жившія на берегахъ Балтійскаго моря Литовскія и Финскія племена (Чудь, Ливовъ, Леттовъ, Корсь, Жмудь, Пруссовъ), они начинаютъ тѣснить и собственно Литовцевъ, жившихъ въ мѣст-

ности, занятой нынѣ Виленскою губерніею. Взявъ на себя высокую миссію распространенія христіанства, эти рыцари, вооруженные крестомъ и мечемъ, вмѣсто того, чтобы съ любовью знакомить слѣпыхъ дикарей съ кроткимъ ученіемъ Христа, съ жестокостью варваровъ начинаютъ вырѣзывать населеніе и жечь цѣлые поселки, не пожелавшіе почему либо принять предлагаемой имъ религіи, наивно думая достичь такими
4. мѣрами блестящихъ результатовъ.

Литовцы, у коихъ религія языческая достигла такого развитія, какъ ни у одного изъ Славянскихъ народовъ, жрецы коей пользовались въ народѣ громаднымъ значеніемъ, естественно не могли не возмутиться дѣйствіями нѣмцевъ и энергично начинаютъ имъ противодѣйствовать. Война, считавшаяся нѣкогда у Литовцевъ позорнымъ дѣломъ, теперь становится святою и благородною обязанностью. Въ борьбѣ съ Тевтонами и Меченосцами за свою самостоятельность и религію, Литовцы вырабатываютъ въ своемъ характерѣ упорство и силу воли. Подъ вліяніемъ войны же развиваются и хищническія наклонности—начинаются набѣги на своихъ сосѣдей Полочанъ и Смольянъ; значеніе Князя усиливается, и къ 13 вѣку въ Литвѣ начинаетъ развиваться самодержавіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и стрем-
5. леніе къ расширенію границъ Государства.

Миндовгъ, одинъ изъ Литовскихъ Князей, отчасти силою, отчасти коварствомъ, успѣваетъ подчинить своей власти почти всю Литву и захватить нѣкоторыя русскія области, ослабленныя татарскимъ погромомъ, какъ напр. землю Городенскую или Гродненскую.

По смерти Миндовга въ Литвѣ наступаетъ смутный періодъ борьбы Великихъ Князей съ удѣльными изъ за единодержавія, который блистательно разрѣшается въ началѣ 14 вѣка знаменитымъ Гедеминомъ, положившимъ начало новому, быстрому возвышенію Литвы. Необыкновенно умный и предпріимчивый, онъ искусно воспользовался слабостью и неустройствомъ Юго-Западной Руси, чтобы отчасти подчинить, отчасти подготовить это подчиненіе; такъ, съ помощью родственныхъ связей и договоровъ, онъ присоединилъ область Витебскую и подготовилъ соединеніе съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ земли Волынской.

Населеніе западныхъ русскихъ областей, перенесши въ ужасные для земли русской годы 13 и 14 столѣтій цѣлый рядъ неурожаевъ, голодовокъ и повальныхъ болѣзней, охотно признавало надъ собою владычество Литвы, освобождавшее ихъ отъ тяжкаго ига татарскаго и отъ не менѣе тягостныхъ для населенія распрей Княжескихъ. Кротко управляя вновь присоединенными областями, Гедеминъ оставилъ имъ въ полной неприкосновенности, какъ религію православную, такъ и ихъ внутрен-

нее гражданское устройство; православному духовенству сохранилъ ихъ древнія права и предоставилъ самое широкое поприще для распространенія среди своихъ собственныхъ подданныхъ православія; его сыновья принимаютъ святое крещеніе и строятъ въ Вильнѣ и Новогрудкѣ православные храмы; языкъ русскій дѣлается официальнымъ языкомъ Великаго Княжества Литовско-Русскаго; Литовское населеніе, слѣдуя примѣру своихъ Князей, вступаетъ съ русскими въ браки, и двѣ разноплеменныя народности, забывъ прежнюю вражду, готовы слиться въ одно цѣлое.

При сынѣ Гедемина, Ольгердѣ, въ составъ Литовскаго Княжества входятъ отнятыя у Татаръ земли: Кіевская, Черниговская, Сѣверская и Подолія. Напрасно южно-русскіе Князья стремились противодѣйствовать захвату Литвою ихъ родовыхъ вотчинъ, напрасно пытались сохранить свою призрачную власть: не находя поддержки въ истомленномъ населеніи, нуждавшемся во власти болѣе сильной, чѣмъ представляли изъ себя ихъ Князья, послѣдніе должны были искать спасенія въ бѣгствѣ или гибнуть въ неравномъ бою съ сильнымъ противникомъ, разъ не желали признать надъ собою его власти.

Таково было въ общихъ чертахъ положеніе вещей въ Восточной и въ Западной Руси въ теченіи 13 и 14 столѣтій; посмотримъ, что пришлось пережить въ это время Смоленску. **6.**

Нашествіе Татарское, погубившее Русь, почти не коснулось Княжества Смоленскаго: за все время владычества татаръ на Руси, Смольяне всего три раза видѣли ихъ полчища въ своихъ предѣлахъ.

Въ 1239 г., послѣ разгрома Чернигова, отдѣльный отрядъ татарскій вторгся въ область Смоленскую и остановился близъ мѣстечка Долгомостье, въ 25 верстахъ отъ Смоленска. Смольяне, воодушевленные Св. Меркуріемъ, напали на нихъ и, разбивъ на голову, заставили обратиться въ бѣгство. Памятниками этой битвы остались — рядъ кургановъ близъ Долгомостья, да хранящіеся нынѣ въ Смоленскомъ соборѣ желѣзные шишакъ и туфли, бывшіе въ день битвы на Св. Меркуріи. **7.**

Въ 1275 г. Князья Русскіе соединились съ Татарами, дабы напасть на Литву, но возникшія между ними несогласія помѣшали имъ довести до конца это предпріятіе; татары же, возвращаясь изъ подъ Новогрудка обратно чрезъ Смоленское Княжество, раззорили наши села и деревни, забирая на правахъ союзниковъ у поселянъ скотъ, хлѣбъ и одежду. **8.**

Въ 1339 г. Смоленскій Князь Іоаннъ Александровичъ замыслилъ совершенно освободиться изъ подъ власти Монгольской. Ханъ Узбекъ объявилъ его мятежникомъ, отправилъ къ Смоленску татарское войско подъ начальствомъ Тавлубія и далъ повелѣніе Русскимъ Князьямъ идти

туда же Союзная рать подъ начальствомъ Великаго Князя Іоанна Дани-
ловича собралась у стѣнъ Смоленскихъ. Казалось, что погибъ Смоленскъ.
Но Богъ спасъ его. Не рѣшились Князья Русскіе лить кровь православ-
ныхъ по приказу Ханскому; татарина-жъ Тавлубія смирили Смольяне
богатыми дарами, и рать вражеская отступила отъ города. Смоленскъ
9. остался цѣлъ и невредимъ.

Вотъ и всѣ тѣ три случая, при которыхъ Смольяне видѣли у себя
Татаръ; и Князья Смоленскіе, единственные изъ Князей русскихъ, ни-
когда не ѣздили въ Орду, не преклонялись и не заискивали передъ
10. Ханами.

На Смоленскъ обрушились другія бѣды: неурожай, голодъ, поваль-
ныя болѣзни въ продолженіи всего 14 столѣтія одна за другой потря-
саютъ городъ. Просматривая исторію Смоленска, составленную Г. Мурза-
кевичемъ (издан. 1804 г.), или Г. Никитинымъ (изд. 1847 г.) читатель
невольно поражается однимъ перечисленіемъ этихъ несчастій: 1308 г.—
голодъ и моръ; смертность такъ велика, что умиравшихъ не успѣваютъ
хоронить, и всѣ улицы завалены трупами; 1313—1314 г.г.—голодъ и
моръ; 1322 г.—голодъ; 1340 г.—пожаръ, уничтожившій всѣ постройки
городскія; 1352—черная смерть,—цѣлыя семьи вымираютъ одна за другой,
на кладбищахъ нѣтъ мѣста, погребаютъ за городомъ, въ лѣсахъ; 1364,
1377, 1386 г.г. — моровая язва развиваетъ все большую и большую
смертность; на слѣдующій, т. е. 1387 годъ въ опустошенномъ болѣзнью
Смоленскѣ остается всего 5 человѣкъ, нашедшихъ въ себѣ еще силы
выйти изъ зачумленнаго, заваленнаго трупами города и закрыть за
собою ворота городскія; 1390 г.—моръ; черезъ 10 лѣтъ, два года подъ
рядъ 1401 и 1402—моръ.

Каково должно было быть моральное состояніе уцѣлѣвшаго насе-
ленія, и мыслимо ли ему было при этихъ невзгодахъ сохранить въ себѣ
столько силъ, чтобы противодѣйствовать посягавшему на его самостоя-
тельность сильному Великому Княжеству Литовскому?!

Смольяне, близкіе сосѣди Литовцевъ, ведя обширную торговлю
издавна были знакомы съ Литвою, откуда они вывозили медъ, воскъ
11. и мѣха. Это мирное знакомство рушится въ XII вѣкѣ, когда у Литов-
цевъ пробуждаются воинственныя хищническія наклонности, и начи-
наются ихъ набѣги на сосѣдей. Впервые пришлось Смольянамъ увидѣть
ихъ въ своихъ предѣлахъ въ 1171 году, когда дикая, безпорядочная
толпа ихъ вторглась въ Княжество Смоленское, пограбила и пожгла
села и деревни и, захвативъ богатую добычу, скрылась въ своихъ лѣсахъ
12. также быстро, какъ и появилась.

Проходитъ больше пятидесяти лѣтъ, и вотъ, зимою 1225 г. опять увидѣло Смоленское Княжество дикую Литву: 7 тысячъ человѣкъ ихъ грабятъ окрестности Смоленска и завоевываютъ уже цѣлую область Торопецкую. Смольяне, потерявшіе свою боевую рать въ только что бывшемъ сраженіи съ татарами (при Калкѣ), не въ силахъ бороться. На помощь къ нимъ является Князь Ярославъ Всеволодовичъ Переяславльскій и изгоняетъ Литовцевъ. **13.**

Послѣ погрома татарскаго, когда наши западные сосѣди, пользуясь слабостью раззоренныхъ Русскихъ Княжествъ, обрушились на наши окраины, и Литовцы, объединенные Миндовгомъ, вновь нападаютъ на Смоленскъ; захватываютъ его въ свои руки, овладѣваютъ Друцкомъ и Рославлемъ. Лишь благодаря энергіи Великаго Князя Владимірскаго Ярослава Всеволодовича, быстро явившагося на помощь Смольянамъ удалось послѣднимъ освободиться и изгнать изъ своихъ предѣловъ, смѣлаго врага. **14.**

Съ воцареніемъ въ Литвѣ Гедемина, отношенія между Смоленскомъ и Литвою рѣзко мѣняются: неудачныя по большей части стремленія Литовцевъ расширить свою территорію путемъ насильственнаго захвата земель своихъ сосѣдей, отходятъ въ область преданій. Гедеминъ и его наслѣдники изъ враговъ дѣлаются друзьями и союзниками сосѣднихъ имъ русскихъ Княжествъ: защищаютъ ихъ отъ враговъ, роднятся съ русскими Князьями, въ случаѣ распрей между ними являются посредниками и примирителями и пріобрѣтаютъ такими путями все бóльшую и бóльшую популярность среди населенія ближайшихъ къ Литвѣ русскихъ Княжествъ.

Первымъ Смоленскимъ Княземъ, искавшимъ союза съ Литвою, былъ честолюбивый Іоаннъ Александровичъ, замыслившій окончательно освободить свое Княжество изъ подъ ига татарскаго. Попытка эта, какъ мы видѣли уже раньше, окончилась неудачею: Князья русскіе, подъ предводительствомъ Великаго Князя Іоанна Даниловича, по приказу ханскому, явились предъ стѣнами Смоленскими и заставили Смольянъ признать всю несостоятельность ихъ попытки. **15.**

Вскорѣ послѣ этого событія, сынъ Іоанна Калиты, Симеонъ Гордый, занявшій великокняжескій престолъ по смерти отца, женится на одной изъ дочерей Князя Смоленскаго, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отправляетъ свою супругу, безъ всякихъ уважительныхъ причинъ, обратно къ ея отцу. Возникаютъ недоразумѣнія, и Великій Князь Симеонъ Гордый съ войскомъ двигается въ области Смоленскія. Ольгердъ, Великій Князь Литовскій, еще раньше заключившій дружескій союзъ

съ Іоанномъ Александровичемъ, предлагаетъ послѣднему свои услуги
16. въ качествѣ примирителя и успѣшно достигаетъ этой цѣли. Естественно,
что подобныя событія не могли содѣйствовать сближенію Смоленска
съ Москвою, тѣмъ болѣе, что Князья Московскіе, стремясь увеличить
и обезопасить свое Княжество, не разъ прибѣгаютъ къ способу насиль-
ственнаго захвата цѣлыхъ областей Княжества Смоленскаго. Такъ въ
началѣ XIV столѣтія Князь Юрій Даниловичъ завоевываетъ и присоеди-
няетъ къ Москвѣ Можайскъ, что имѣло громадное значеніе для Москов-
скаго Княжества, ибо съ этихъ поръ рѣка Москва всѣмъ своимъ тече-
17. ніемъ вошла въ составъ Княжества.

Въ 1360 г. Великій Князь Московскій Дмитрій Константиновичъ
вторгается въ землю Смоленскую, овладѣваетъ городами Бѣлымъ,
Мстиславлемъ, Ржевомъ и осаждаетъ, хотя и неудачно, самый Смоленскъ.
Ольгердъ вступается за своего союзника Князя Смоленскаго, и начи-
нается продолжительная и кровопролитная война между Москвою и
Литвою, въ которой принуждены участвовать и Смольяне подъ предво-
18. дительствомъ своего Князя.

Союзъ Князей Смоленскихъ съ Гедеминомъ и Ольгердомъ сбли-
зилъ эти два Княжескихъ дома настолько, что когда, по смерти
Ольгерда, въ Литвѣ возникаетъ междоусобица, то Князь Смоленскій
Святославъ Іоанновичъ, связанный искренней дружбою съ Княземъ
Полоцкимъ Андреемъ Ольгердовичемъ, узнавъ, что послѣдній лишенъ
власти, рѣшается помочь своему другу въ бѣдѣ: вторгается съ войскомъ
въ Литву, громитъ ее и осаждаетъ Мстиславль. Походъ этотъ, озна-
менованный жестокостью со стороны Святослава, окончился для него
весьма печально. Князья Литовскіе Скиригелла и Витовтъ въ кровопро-
литной битвѣ на берегахъ Вихры на голову разбили Смоленскую рать:
Князь Святославъ Іоанновичъ убитъ, его сыновья и множество бояръ
взято въ плѣнъ. Противники, преслѣдуя бѣгущихъ Смольянъ, подошли
къ Смоленску, взяли съ него откупъ и посадили на престолъ княже-
скій сына погибшаго Князя — Юрія Святославича, но уже какъ под-
19. властнаго Литвѣ данника.

Съ восшествіемъ на престолъ Литовскій Витовта, славнаго своимъ
умомъ, мужествомъ, силою и твердостію своего характера, междоусо-
бицы въ Литвѣ прекращаются, и населеніе наслаждается покоемъ. Не то
происходитъ въ Смоленскомъ Княжествѣ: Юрій Святославичъ, тяготясь
ролью подвластнаго Литвѣ Князя, мечтая о независимости, разъѣзжаетъ
по Руси, отыскивая себѣ союзниковъ и убѣждая ихъ поддержать его,
между тѣмъ какъ братья его, оставшіеся въ Смоленскѣ, продолжаютъ

ссориться и враждовать изъ за удѣловъ, вооружая противъ себя населеніе. Витовтъ, зная, что истомленное цѣлымъ рядомъ всевозможныхъ испытаній населеніе Смоленскаго Княжества не можетъ оказать сильнаго противодѣйствія, рѣшилъ воспользоваться враждою князей Смоленскихъ, чтобы окончательно присоединить Княжество къ Литвѣ. 20.

Укрѣпленный природою и окруженный стѣнами, Смоленскъ представлялъ изъ себя твердыню, которую невозможно было взять открытою силою. Витовтъ прекрасно это зналъ, а потому рѣшается прибѣгнуть къ хитрости. Лѣтомъ 1395 г. онъ собираетъ большое войско, распускаетъ слухъ, что идетъ войною противъ Тамерлана и... совершенно неожиданно для Смольянъ является подъ стѣнами ихъ города. Смоленскій Князь Юрій Святославичъ находился въ это время въ Рязани у тестя своего Олега; братья его, оставшіеся въ Смоленскѣ, по обыкновенію ссорятся изъ за удѣловъ.

Узнавъ о прибытіи Витовта съ войскомъ къ Смоленску, старшій братъ, Глѣбъ Святославичъ, вздумалъ обратиться къ нему съ жалобой на своихъ младшихъ братьевъ. Неразумный этотъ поступокъ, какъ нельзя болѣе, былъ на руку Литовскому Князю. Онъ ласково, какъ близкаго друга, встрѣчаетъ Глѣба Святославича, выражаетъ свое сожалѣніе, что между братьями породилось недоразумѣніе, и предлагаетъ имъ себя въ посредники. Святославичи повѣрили его искренности и съ готовностью откликнулись на предложеніе прибыть къ нему въ станъ для совмѣстнаго разрѣшенія спорныхъ вопросовъ.

28 Сентября 1396 г. Святославичи, окруженные боярами и дружиною, съ богатыми дарами довѣрчиво явились въ Литовскій лагерь. За ними толпою двинулись Смольяне, желая увидѣть знаменитаго Литовскаго героя, задумавшаго сразиться съ самимъ Тамерланомъ. Ворота опустѣвшаго города остались открытыми и никѣмъ не охраняемыми. Лишь только Князья вступили въ шатеръ Витовта, какъ увидѣли себя окруженными Литовскими ратниками. Витовтъ объявляетъ ихъ своими плѣнниками и отдаетъ приказаніе Литовцамъ занять городъ. Изумленные такою неожиданностью, Смольяне безмолвствуютъ. Витовтъ торжественно вступаетъ въ городъ, объявляетъ себя Смоленскимъ Княземъ, а Святославичей отправляетъ плѣнниками въ Литву.

Присоединивъ такимъ образомъ къ своимъ владѣніямъ Княжество Смоленское, Витовтъ вернулся обратно въ Литву, оставивъ въ Смоленскѣ своимъ намѣстникомъ Литовскаго Князя Ямонта и тысяцкаго Василія Борейкова.

Свергнутый съ престола Князь Смоленскій Юрій Святославовичъ очевидно не можетъ примириться съ своею участью и дѣятельно изыскиваетъ средства вернуть обратно свое Княжество: обращается за помощью къ Великому Князю Василію Дмитріевичу и къ тестю своему Олегу Рязанскому — все напрасно. Ни тотъ, ни другой не рѣшается вступить въ борьбу съ сильною, могущественною Литвою. Прошло три года. Въ 1399 г. Витовтъ приступилъ къ выполненію давно лелѣянной имъ мечты — сокрушить владычество Тамерлана. Собравъ сильное войско, Витовтъ выступилъ въ походъ и въ Августѣ мѣсяцѣ встрѣтился съ татарами на берегахъ рѣки Ворсклы. Но на этотъ разъ счастіе отвернулось отъ него: въ кровавой битвѣ 12 Августа онъ потерялъ все свое войско, и самъ едва спасся бѣгствомъ.

Князь Юрій не замедлилъ воспользоваться пораженіемъ Витовта, чтобы попытаться вернуть свой престолъ; убѣдившись въ сочувствіи Князя Московскаго, Юрій и тесть его Олегъ Рязанскій собрали рать и въ 1401 г. осадили Смоленскъ. Въ городѣ образовались двѣ партіи: одна требовала сдачи города Юрію, другая настаивала на оборонѣ и на вѣрности Витовту. Въ концѣ концовъ первая восторжествовала: ворота городскія были открыты, и Князь Юрій торжественно въѣхалъ въ городъ. Къ сожалѣнію, это торжественное и для него, и для Смоленска событіе было затемнено цѣлымъ рядомъ кровавыхъ казней. Ослѣпленный местью, Князь Юрій казнилъ намѣстника Смоленскаго, Князя Романа Брянскаго, и множество бояръ Смоленскихъ, державшихъ передъ тѣмъ сторону Литвы. Эта крайняя мѣра озлобила народонаселеніе, и стоило Витовту появиться вскорѣ послѣ этого у стѣнъ Смоленскихъ, какъ среди населенія возникло волненіе, и Литовская партія начала требовать сдачи города Витовту. Новый рядъ казней остановилъ это движеніе, и Литовцы отступили, но не надолго. Въ 1403 году Витовтъ опять стоитъ подъ Смоленскомъ и громитъ стѣны его изъ пушекъ; семь недѣль продолжается осада, но зорко смотритъ Юрій за своими подданными, не допуская измѣны, и войско Литовское принуждено вновь снять осаду, лишній разъ убѣдившись, что нельзя взять Смоленскъ открытою силою. Литовцы отступили. Юрій, увѣренный, что Витовтъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока не овладѣетъ Смоленскомъ, и чувствуя свою собственную слабость, рѣшается воспользоваться этимъ перерывомъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, чтобы съѣздить въ Москву и еще разъ попытаться убѣдить Князя Московскаго поддержать его. Поѣздка эта погубила все дѣло. Забылъ Юрій, что половина бояръ Смоленскихъ озлоблена на него за смерть своихъ родственниковъ, что

истомленное населеніе жаждетъ покоя, котораго онъ не въ силахъ дать, что только своимъ личнымъ присутствіемъ удалось ему удержать Смольянъ въ своихъ рукахъ во время послѣдней осады; и горько пришлось ему раскаяться въ своей забывчивости. Тотчасъ же по его отъѣздѣ, въ городѣ вновь возникло движеніе въ пользу Литовскаго Князя, приверженцы коего не медлили, и вскорѣ Витовтъ получилъ извѣщеніе, что если онъ явится въ Смоленскъ немедленно, то ворота городскія будутъ ему открыты безъ сопротивленія. Витовтъ не замедлилъ, и 26 іюня 1404 г. Литовскіе полки свободно вступили въ городъ, обезоружили воиновъ и взяли подъ стражу немногихъ бояръ, оставшихся еше вѣрными послѣднему Князю Смоленскому Юрію Святославовичу. Изъ гражданъ никто не пострадалъ: весь переворотъ произошелъ съ замѣчательною тишиной и спокойствіемъ. «Такъ было послѣднее плѣненіе Смоленска отъ Витовта», говоритъ лѣтописецъ, заканчивая свое повѣствованіе о паденіи Смоленска. **27.**

Глава III.

Смоленскъ подъ Литвою и присоединеніе его къ Москвѣ.

Литва съ присоединеніемъ къ ней Княжества Смоленскаго достигла апогея своего величія; но, къ сожалѣнію, это славное, могущественное государство, простиравшееся отъ береговъ Балтійскаго моря до береговъ Чернаго на югъ и до рѣки Угры на востокъ, носило
1. уже въ себѣ зачатки разложенія.

Не надо забывать, что собственно Литовское племя представляло изъ себя лишь одну двѣнадцатую часть всего населенія Княжества, остальная же масса была единоплеменная православная Русь, имѣвшая уже свою письменность, сравнительно богатую литературу, основательно выработанные законы гражданскіе. У языческаго, дикаго племени Литовскаго ничего этого не было; естественно, что окруженные болѣе культурною русскою народностью, Литовцы воспринимаютъ готовыя уже формы гражданскаго устройства, письменность, въ значительной степени языкъ и религію. Не явись посторонняго вліянія, безъ сомнѣнія, не замедлило бы послѣдовать полнѣйшее сліяніе этихъ двухъ народностей, и тогда дальнѣйшее процвѣтаніе и развитіе Великаго Княжества Литовскаго было бы упрочено окончательно. Судьба судила иначе. У Литовцевъ, помимо русскихъ областей, былъ еще другой сосѣдъ — Королевство Польское, государство съ единоплеменнымъ намъ населеніемъ, но воспринявшее религію, цивилизацію, формы правленія, законы гражданскіе отъ феодальнаго католическаго Запада и тѣмъ рѣзко отличавшееся отъ Руси. Съ теченіемъ времени въ Польшѣ вырабатывается чрезвычайно оригинальное государственное устройство,

построенное на двухъ прямо противоположныхъ началахъ — анархіи и деспотизма. Цѣлый рядъ внутреннихъ смутъ и неурядицъ, естественный результатъ подобнаго устройства, велъ это государство къ постепенному, но неминуемому разложенію. Сознаніе этой неминуемой опасности заставляетъ правительство Польши серьезно подумать о средствахъ поддержать ея существованіе, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ ней въ началѣ XIV вѣка выростаетъ сильное, могущественное государство Литовское, готовое поглотить ихъ уже слабѣющее отечество. У Польскихъ магнатовъ является мысль предложить Польскую корону, вмѣстѣ съ рукою молодой ихъ Королевы Ядвиги, Великому Князю Литовскому Ягелло и, такимъ образомъ, соединивъ подъ единымъ скипетромъ дряхлѣющую Польшу съ молодою, полною силъ Литвою, поддержать свою теряющую въ постоянныхъ смутахъ силы отчизну.

Великій Князь Литовскій Ягелло, сынъ Ольгерда и Тверской Княжны Юліаніи, рожденный и воспитанный въ православіи (подъ именемъ Якова), прельщенный Королевскою властью, измѣняетъ своей религіи, ѣдетъ въ Краковъ, принимаетъ католичество и вмѣстѣ съ рукою Ядвиги получаетъ корону Польскую. Тѣ Литвины, кои оставались еще язычниками, принуждены креститься въ католичество; мало того, Ягелло стремится заставить и православныхъ измѣнить своей религіи. Тогда населеніе Великаго Княжества Литовскаго, усматривавшее въ союзѣ съ Польшею потерю своей самостоятельности, возстаетъ противъ Ягелло. Этимъ движеніемъ пользуется Витовтъ; захватываетъ въ свои руки власть и объявляетъ себя Великимъ Княземъ Литовскимъ. Самостоятельность Княжества была спасена, но въ немъ появилась уже одна изъ причинъ будущаго разложенія — рознь религій. Съ этихъ поръ на престолѣ Великокняжескомъ сидятъ Князья, исповѣдующіе вѣру Католическую, и Княжество Смоленское, присоединенное къ Литвѣ, подпало уже подъ власть Князя — католика. **2.**

Долгое время эта рознь религій не играла почти никакой роли въ политической жизни Княжества Литовскаго: Литовское племя было слишкомъ малолюдно, и горсть католиковъ терялась среди православной массы, тѣмъ болѣе, что престолъ Великокняжескій окружали русскіе православные Князья, стойко охранявшіе религію своихъ единовѣрцевъ — единоплеменниковъ.

Болѣе сильная опасность заключалась въ самомъ сближеніи съ Польшею, въ неизбѣжномъ знакомствѣ съ ея внутренними распорядками; а сближеніе это не замедлило произойти. Борьба съ Тевтонами, занявшими Жмудь, старую вотчину Князей Литовскихъ, заставила

Витовта заключить союзъ съ Польшею для совмѣстнаго дѣйствія противъ рыцарей. Открылись военныя дѣйствія, и въ кровопролитной битвѣ, разыгравшейся между деревнями Гринвальдъ и Танненбергъ,
3. въ которой особенно отличился своимъ мужествомъ Смоленскій полкъ, сила Тевтоновъ была сокрушена навсегда. Это общее дѣло подало поводъ къ сближенію Литвы съ Польшею. Черезъ три года послѣ битвы при Гринвальдѣ, Ягелло съ Польскими панами и Витовтъ съ знатнѣйшими Литвинами съѣзжаются уже на общій сеймъ въ Гродно (на рѣкѣ Бугѣ). Здѣсь представителями обоихъ народовъ было постановлено и впредь для выбора Польскихъ Королей и для другихъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ съѣзжаться на общіе сеймы. Здѣсь же Литвины-католики получили права и привилегіи Польской шляхты. Главныя преимущества шляхтича были: право голоса на сеймѣ, т. е. право голоса въ выборѣ Короля и въ рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, и право безотчетнаго владѣнія своею землею и, главное, населявшими ее крестьянами.

4. Означенныя привилегіи, будучи чрезвычайно заманчивыми для шляхетства, были ненавистны для остального населенія и гибельны для государственнаго строя.

Не надо забывать, что въ бывшихъ Русскихъ Княжествахъ, вошедшихъ въ составъ государства Литовскаго, а въ особенности въ Смоленской области, населеніе пользовалось полнѣйшимъ полноправіемъ: бояринъ-ли, крестьянинъ-ли, всѣ судились однимъ судомъ, подвергались однимъ наказаніямъ, пользовались одинаковыми правами. Судилъ на Княжескомъ дворѣ либо самъ Князь, либо его тіунъ; запутанные вопросы разрѣшались двѣнадцатью выборными гражданами. Русская Правда, служившая кодексомъ уголовныхъ законовъ, отличалась поразительною гуманностью: не только смертная казнь, но даже тѣлесныя наказанія были не извѣстны. Бояре являлись нерѣдко собственниками большихъ земельныхъ участковъ, но крестьяне, населявшіе эти земли, были вполнѣ свободны: имѣли свои выборныя власти и каждую данную минуту могли покинуть своего помѣщика, разъ были имъ чѣмъ нибудь недовольны. Городское населеніе управлялось въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ вѣчемъ и пользовалось громаднымъ вліяніемъ на пригороды и сельское населеніе: «Новгородцы, Смольяне, Кіевляне и Полочане, какъ на думу на вѣчѣ сходятся, и на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ», говоритъ лѣтописецъ. Князья нерѣдко сами созывали на вѣче лучшихъ гражданъ и совѣтовались съ ними въ затруднительныхъ слу-

чаяхъ. Такимъ образомъ, въ старыхъ Русскихъ Княжествахъ послѣ 5.
Князя городское и сельское населеніе пользовалось наибольшимъ значеніемъ. Бояре же могли имѣть вліяніе на государственныя дѣла лишь косвенное, какъ ближайшіе совѣтники Князя и какъ собственники крупныхъ земельныхъ участковъ. Престолъ Княжескій былъ по большей части наслѣдственный, какъ напримѣръ въ Смоленскомъ Княжествѣ, и у дворянства старо-русскаго не было никакого основанія претендовать на привилегію самимъ сажать на престолъ Государей; Князьямъ-же не было причинъ заискивать и преклоняться передь дворянствомъ, какъ было въ Польшѣ, гдѣ шляхта не иначе сажала на престолъ Короля, какъ выговоривъ себѣ предварительно тѣ или другія привилегіи.

Съ присоединеніемъ Смоленской области къ Литвѣ, всѣ эти порядки должны были измѣниться. Съ тѣхъ поръ, какъ Литвины — католики получили права и привилегіи Польской шляхты, этихъ-же правъ начинаетъ добиваться и остальная православная аристократія Княжества Литовскаго и такъ или иначе достигаетъ своей цѣли. Получивъ право голоса на сеймѣ, они добиваются и права собственности, права неограниченнаго господства надъ крестьянами, заселявшими ихъ обширныя владѣнія. Такимъ образомъ явилось крѣпостное право, явилась рознь между населеніемъ и аристократіей, явилось тяготѣніе народной массы къ Москвѣ, гдѣ было еще неизвѣстно это право сильнаго, и на престолѣ которой сидѣли владыки, единовѣрные массѣ населенія Литовскаго, владыки, для которыхъ и дворянство и народъ были одинаково близки. 6.

Въ самомъ Смоленскѣ эта рознь между народной массой и аристократіей дѣлается замѣтной почти тотчасъ-же по присоединеніи княжества къ Литвѣ, въ особенности же ярко она проявилась въ періодъ смутъ, вызванныхъ смертью Витовта, когда престолъ Великаго Княжества Литовскаго занялъ родной братъ Ягелло, Свидригайло. Питая непримиримую вражду къ брату и Полякамъ, заслужившій всеобщую любовь русскихъ, видѣвшихъ въ немъ защитника своей вѣры и независимости, Свидригайло былъ ярымъ противникомъ сліянія Литвы съ Польшею. Ягелло, усматривая въ его дѣйствіяхъ угрожавшую для Польши опасность отдѣленія Литвы, выставляетъ тогда другого претендента на Великокняжескій престолъ Литовскій, Сигизмунда, брата Витовта, и въ
Литвѣ разгорается междоусобная война. Смольяне принимаютъ сто- 7.
рону Свидригайло и храбро бьются съ приверженцами Сигизмунда. Борьба эта окончилась печально для Свидригайло: онъ былъ разбитъ и бѣжалъ въ Валахію; престолъ Великокняжескій остался за Сигиз-

8. мундомъ. Во время этой междуусобной войны въ Польшѣ умеръ Ягелло,
и престолъ занялъ сынъ его Владиславъ III-й, претендовавшій, подобно
отцу и на престолъ Литовскій. Но напрасно стремился онъ привлечь
на свою сторону русское населеніе Княжества, напрасно писалъ онъ
имъ въ своей грамотѣ 1435 г., что «теперь въ имѣніяхъ своихъ и по-
быткахъ да имутъ русняки свободу и волю свою непреслѣдованну и
ненасилуему и судятся въ нихъ отъ самихъ себя, а въ судіи земскіе и
градскіе избираютъ судей и урядниковъ вольными голосами по правамъ
своимъ и статутамъ, якіе утверждаемъ и заховуемъ на вѣчныя времена
9. и за поссесоровъ нашихъ о нихъ ручаемся». Населеніе русское не вѣ-
рило обѣщаніямъ Короля Польскаго и, страшась сліянія съ Польшею,
рѣшилось лучше признать власть несимпатичнаго имъ Сигизмунда и
сохранить свою самостоятельность, чѣмъ быть подъ управленіемъ Ко-
10. роля Польскаго.

Смольяне послѣ продолжительной борьбы также принуждены
были признать своимъ Княземъ Сигизмунда, Государя, отличавшагося
жестокостью и грубостью своего нрава, вооружившаго противъ себя
11. все населеніе княжества. Сигизмундъ посадилъ въ Смоленскѣ своимъ
намѣстникомъ Андрея Саковича, воеводу, вздумавшаго управлять горо-
домъ въ духѣ своего Государя. Очевидно, что Смольяне, въ продол-
женіи многихъ вѣковъ управлявшіеся своимъ вѣчемъ, не могутъ отно-
ситься хладнокровно къ деспотическому правленію Саковича: лишь
только дошла до Смоленска вѣсть о смерти Сигизмунда, убитаго въ
1440 г. собственными подданными, возмущенными слишкомъ ужъ крайними
его поступками, какъ Смольяне возстали противъ Саковича. Напрасно
послѣдній пытался оружіемъ усмирить это движеніе: пролитая кровь
еще больше озлобила народную массу, и Саковичъ принужденъ былъ
бѣгствомъ спасать свою жизнь. Бояре Смоленскіе были на сторонѣ
Саковича и, когда вѣче призвало къ себѣ въ правители Князя Дорого-
бужскаго Андрея Димитріевича, то часть ихъ отправилась съ жалобою
на Смольянъ къ Великому Князю Литовскому, другіе-же просто не
хотѣли признавать власть избраннаго народомъ правителя. Народъ
выбираетъ тогда другого правителя, Князя Юрія Мстиславскаго.
Послѣдній, прибывъ въ Смоленскъ и разсмотрѣвъ дѣло, находитъ
справедливымъ недовольство народа Саковичемъ и шляхтою и, возму-
щенный образомъ дѣйствія послѣдней, однихъ изъ нихъ казнитъ, дру-
12. гихъ заточаетъ въ тюрьмы. За шляхту вступается Литовское прави-
тельство, и завязывается продолжительная борьба Смольянъ съ Кня-
земъ Литовскимъ. Три года продолжалась эта борьба, но право силь-

наго всегда должно взять верхъ, и въ концѣ концовъ Смольяне должны были смириться и подчиниться требованіямъ Великаго Князя Литовскаго Казимира. Князь Юрій Мстиславскій, принужденный покинуть 13.
Смоленскъ, уѣхалъ въ Москву, куда съ нѣкоторыхъ поръ стремятся многіе Князья русскихъ областей, вошедшихъ въ составъ Княжества Литовскаго, тѣ Князья, которые, подобно народной русской массѣ, не могли примириться съ новыми распорядками, съ ролью и значеніемъ нарождающейся новой западно-русской шляхты. Недовольство этихъ 14.
Князей Литовскимъ правительствомъ, стремленіе ихъ къ Москвѣ подъ власть единовѣрнаго и единокровнаго Государя, подало въ концѣ концовъ поводъ къ цѣлому ряду войнъ между Великими Княжествами Литовскимъ и Московскимъ.

Великое Княжество Московское къ концу 15-го столѣтія было уже не то слабое Государство, которое нѣкогда не могло поддержать Князя Смоленскаго, которое когда-то страшилось Литвы. За послѣдніе сто лѣтъ оно выросло и объединилось: свергнуто иго татарское, сломано своеволіе Великаго Новгорода, нѣтъ больше удѣловъ, лишь Псковъ да Рязань доживаютъ послѣдніе дни своей уже призрачной самостоятельности. 15.

Великій Князь Московскій Іоаннъ III обращаетъ уже свои взоры на Русь западную, подпавшую во времена невзгодъ земли русской подъ власть Литовскую, управляемую нынѣ иновѣрными намъ Князьями, чуждыми русскому человѣку законами, и Литва страшится Москвы. Мелкіе пограничные съ Московскимъ Княжествомъ Князья Черниговско-Сѣверской области — Ольшанскій, Бѣльскій, Олельковичъ — правнуки Ольгерда, вмѣстѣ со своими родовыми вотчинами, добровольно переходятъ подъ власть Москвы; ихъ примѣру слѣдуютъ Одоевскіе, Воротынскіе и другіе. Напрасно требуетъ Казимиръ, чтобы Іоаннъ не принималъ ихъ въ свое подданство: Москвѣ уже не страшна Литва и ея угрозы. Государи и Великіе Князья Московскіе не только продолжаютъ принимать подъ свою высокую руку тѣ области, кои стремятся подъ власть ихъ, но торжественно объявляютъ, что и вся западная Русь, подвластная дому Гедимина, есть древнее достояніе дома Мономаха, и что они намѣрены «добывать» Смоленскъ, Кіевъ и другіе ихъ города. 16.

Великій Князь Литовскій Казимиръ, чувствуя слабость своего Государства, не рѣшался начинать войны и ограничивался лишь принятіемъ оборонительныхъ мѣръ. Смоленскъ, какъ передовой пунктъ, на который прежде всего могла обрушиться Москва, былъ укрѣпленъ и

снабженъ сильнымъ гарнизономъ; въ 1482 г. гарнизонъ этотъ прости-
17. рался до 10 тысячъ человѣкъ. Долго тянулось это обостренное отно-
шеніе между двумя сосѣдними Княжествами, но пока былъ живъ
Казимиръ, дѣло не доходило еще до полнаго разрыва. Въ 1493 году
Казимиръ умеръ; Литовское дворянство, заполучившее, по примѣру
польскаго, право выбора себѣ Князя, собралось на сеймъ; сеймъ по
обыкновенію сопровождался смутами и неурядицами; безпорядками
этими воспользовалась Москва и, прежде чѣмъ Александръ, сынъ Кази-
мира, выбранный сеймомъ въ Князья, успѣлъ принять бразды, правленія,
отряды Московскихъ войскъ вторглись въ Литовскіе предѣлы. Погра-
ничные города, одинъ за другимъ, покоряются Іоанну III и пере-
18. ходятъ подъ власть Москвы. Александръ дрожитъ за участь Смоленска:
сосредоточиваетъ въ немъ войско, пишетъ «наказныя рѣчи» и «до пана
Юрія Глѣбовича, намѣстника Смоленскаго», и «до Владыки Смо-
ленскаго, и до окольничихъ Смоленскихъ, и до Князей и бояръ,
и мѣщанъ и всѣхъ людей земли Смоленскоѣ», убѣждая ихъ быть
вѣрными ему въ случаѣ прихода войскъ Московскихъ и оборо-
няться стойко, чтобы «ижъ, дали Богъ, замокъ нашъ Смоленскъ
19. былъ въ цѣлости захованъ». Къ счастію Литовскаго Князя, Москви-
тяне не рѣшались еще приступать къ Смоленску, снабженному силь-
нымъ гарнизономъ, укрѣпленному и искусствомъ и самой природой;
Александръ же, боясь дальнѣйшихъ успѣховъ своего противника, по-
спѣшилъ заключить перемиріе, уступивъ Іоанну занятые имъ города,
20. въ томъ числѣ Мстиславль, Рославль и Вязьму. Граница Государства
Московскаго, и раньше не далекая отъ Смоленска, теперь еще больше
приблизилась: меньше ста верстъ отдѣляло теперь Смольянъ отъ
единовѣрнаго, единоплеменнаго Государства Московскаго. Эта близость
границъ Московскаго Княжества къ Смоленску страшитъ Литовское
правительство. Живой примѣръ тяготѣнія пограничныхъ городовъ къ
Москвѣ, тяготѣнія, окончившагося полнѣйшимъ отдѣленіемъ ихъ отъ
Литвы — у нихъ предъ глазами. Необходимость заручиться располо-
женіемъ Смольянъ очевидна для Великаго Князя Литовскаго, и стоитъ
съ этихъ поръ Смольянамъ предъявить правительству тѣ или другія
требованія, и они немедленно исполняются. Такъ стоило имъ по-
просить, напримѣръ, объ освобожденіи ихъ отъ платежа мыта, Але-
ксандръ съ готовностью исполняетъ ихъ желаніе, и мѣщане Смолен-
скіе грамотою Короля отъ 8 Августа 1500 г. освобождаются на 15
лѣтъ отъ платежа мыта на всемъ пространствѣ Государства Литов-
21. скаго.

Милость эта была тѣмъ болѣе необходима, что на другой же годъ отношенія съ Москвою вновь обострились, и вновь открылись военныя дѣйствія. Въ Смоленскѣ опять сосредоточивается Литовско-Польское войско, подъ начальствомъ воеводы Королевскаго, Станислава Кошки, и намѣстника Смоленскаго, Сологуба. На этотъ разъ цѣлью 22.
Московскихъ войскъ былъ уже самъ Смоленскъ. Рать Московская, подойдя къ Смоленскимъ стѣнамъ, обложила городъ; началась осада томительная и для города и для самихъ осаждающихъ. Отдѣльные русскіе отряды, высланные къ Березинѣ и Двинѣ, завладѣли Оршей, выжгли окрестности Витебска, Полоцка, Мстиславля; масса плѣнныхъ была уведена въ Россію. Польско-Литовскія же войска, занявшія Смоленскъ, безопасныя за его крѣпкими валами, обезпеченныя продовольствіемъ, стойко выдерживали осаду; а время шло своимъ чередомъ; наступила осень, распутица, и обнаруживавшійся въ русскомъ станѣ недостатокъ продовольствія заставилъ русскихъ воеводъ прекратить военныя дѣйствія и отступить къ своимъ границамъ. Опять заключили перемиріе; Смоленскъ остался за Литвою, но граница русскихъ владѣній еще ближе пододвинулась къ нему: Дорогобужъ перешелъ уже подъ власть Москвы. 23.

Какъ держали себя жители Смоленска во время послѣдней осады, за неимѣніемъ источниковъ трудно выяснить, но, во всякомъ случаѣ, война эта далеко не способствовала сближенію русскаго населенія города съ Польско-Литовскимъ гарнизономъ. Польскіе жолнеры беззастѣнчиво грабили жителей, и послѣдніе принуждены были обратиться за защитою къ Королю Александру и просить его освободить городъ отъ Польскихъ войскъ. Александръ не только выводитъ послѣднихъ, но, въ возмѣщеніе убытковъ Смольянъ, грамотою своею отъ 16-го Августа 1502 г. освобождаетъ Смоленскихъ мѣщанъ на 6 лѣтъ отъ какихъ-бы то ни было платежей и сборовъ въ казну. 24.
Вскорѣ послѣ этой грамоты Александръ жалуетъ Смоленску другую, представляющую для насъ особенный интересъ, такъ какъ она краснорѣчиво рисуетъ намъ причины розни между Смоленскимъ населеніемъ и Литовскимъ правительствомъ. Не считая себя въ правѣ утомлять читателя, приведемъ лишь главнѣйшіе пункты этой грамоты, сохраняя по возможности современный тому времени языкъ и орѳографію.

Королю Польскому Александру, «били челомъ владыка Смоленскій Іосифъ, и окольничій Смоленскій, и вси Князи, и панове, и бояре, и мѣщане, и черные люди, и все поспольство мѣста и земли Смоленскоѣ» и просили, чтобъ Государь подтвердилъ имъ тѣ права и привилегіи

которыя были дарованы еще Витовтомъ. Очевидно, если тѣ или другія права нуждаются въ подтвержденіи, значитъ, они нарушаются или, по крайней мѣрѣ, оспариваются; никто не будетъ просить подтвержденій правъ, которыхъ и такъ никто не затрогиваетъ. Посмотримъ, какихъ же это именно правъ и привилегій боялись лишиться Смольяне? что именно обѣщалъ сохранить имъ Александръ? «На первѣй, штожъ намъ христіанства Греческаго закону не рушити, налоги имъ на ихъ вѣру не чинити»... вотъ чего больше всего боялись Смольяне. Дальше: «въ церковныя земли и воды не вступатися, також въ монастыри и въ отмерщины не вступатися. А по смерти мужней жоны зъ дому не двигнути и по неволи замужъ ихъ не давати. А кто отходя съ того свѣта кому прикажетъ свой статокъ, того не рушити... а корчмы въ городѣ Смоленску не держати»... «А боярамъ Смоленскимъ въ закладни людей своихъ не казалъ его милость пріймати»... «А што волости держали бояре Смоленскіе, то таки имъ держати по старому, какъ пожалуемъ котораго боярина Смоленскаго которою волостью... А которое право далъ его милость Княземъ и панамъ и боярамъ Литовскимъ, тожъ право далъ его милость Княземъ, панамъ, боярамъ Смоленскимъ».

Далѣе, въ этой грамотѣ останавливаютъ на себѣ вниманіе мѣры ограниченія высшаго Смоленскаго дворянства и духовенства, которыя, слѣдуя, очевидно, примѣру Польскихъ магнатовъ и духовенства, нерѣдко злоупотребляли своимъ положеніемъ и своевольно вводили различныя новшества, тяжелымъ гнетомъ ложащіяся на низшій классъ населенія. Такъ «Панъ Миколай Радзивиловичъ», когда былъ Смоленскимъ намѣстникомъ, «хотѣлъ имъ новины вводить тые: коли зъ города Смоленска ѣзживалъ по дворамъ Смоленскимъ, а либо въ ловы, тогды съ нихъ подводы бировалъ зъ смѣста подъ себѣ и подъ свои рѣчи, и окольничіи Смоленскіе, и намѣстникъ, и слуги пана Миколаевы такожъ съ нихъ подводы бировали.... такожъ коли самъ мѣшкивалъ въ городѣ въ Смоленску, тогда велѣлъ имъ сторожи давати на свой дворъ со всего мѣста, чогожъ зъдавна за Великаго Князя Витовта и за Жикгимонта и за отца нашего Короля его милости николи не бывало... Такожъ слуги Пана Миколаевы, и владычины и окольничихъ слуги, дѣцкованья почали было много на нихъ брати, не потому какъ передъ тымъ бирано... а коли который человѣкъ впадетъ у вину, а либо на которомъ человѣкѣ заплату присудятъ кому, и въ иншихъ малыхъ дѣлѣхъ, слуги Пана Миколаевы и владычины и окольничихъ слуги ихъ въ доводню сажаютъ, а напоруку не даютъ... Тѣжъ и ловчій Пана Миколаева новину имъ ввелъ было: судилъ ихъ и рядилъ по своему

мѣсту, чого-жъ здавна не было, нижли намѣстникъ Смоленскій и съ окольничими и зъ иншими врядники суживалъ ихъ на нашомъ дворѣ... Такожъ и тую новину Панъ Миколай ввелъ былъ имъ: велѣлъ имъ со всего мѣста люди выгоняти на Есеную, прудовъ сыпати, а здавна того мѣщане не дѣлывали, нижли тяглые люди пруды сыпывали»... Не мало было и другихъ жалобъ «о кривдахъ и новинахъ» изъ коихъ нѣкоторыя не только тяжело отзывались на благосостояніи гражданъ, но и сильно стѣсняли обширную торговлю города, каковы были напр. различныя пошлины торговыя, заведенныя Радзивилломъ.

Въ виду несомнѣнной необходимости заручиться благорасположеніемъ жителей Смоленска на случай новой войны съ Москвою, Великому Князю Литовскому и Королю Польскому удалось добиться отъ шляхетства согласія о подтвержденіи прежнихъ правъ и привилегій Смольянъ, и «въ лѣто 7113 (1505 года отъ Р. Х.) мѣсяца Марта въ 1 день, Индикта 8» представители Сейма, собравшагося въ Брестѣ,
подписали означенную грамоту Александра; и подписали во время, 25.
ибо новая война съ Москвою, не заставила себя ждать.

Въ Августѣ 1506 года Король Александръ умеръ; немного раньше скончался и Іоаннъ III-й; престолъ Московскій занялъ сынъ послѣдняго, Василій Іоанновичъ. Молодому Государю Московскому является блестящая мысль: разрѣшить долголѣтніе споры между наслѣдниками Гедемина и Мономаха изъ за обладанія старорусскими западными Княжествами однимъ мирнымъ политическимъ переворотомъ. Престолъ Великаго Княжества Литовскаго давно уже, по примѣру Польши, сдѣлался избирательнымъ и находился всецѣло въ рукахъ сейма; многіе города и области Литовскіе еще при жизни его отца стремились подъ власть Великаго Князя Московскаго, цѣлыхъ $^{11}/_{12}$ населенія Литовскаго Княжества представляло изъ себя компактную единовѣрную и единоплеменную Москвѣ массу; почему-же Великому Князю Московскому не предложить себя въ Великіе Князья Литовскіе? Удайся этотъ планъ, и великая семья племенъ славянскихъ слилась-бы во едино подъ ски-
петромъ одного Государя. 26.

Но, увы, это не удалось: пока собирался да раздумывалъ Василій Іоанновичъ, на престолъ Литовскій былъ избранъ сеймомъ братъ по-
койнаго Александра, Сигизмундъ. 27.

Василій Іоанновичъ, видя, что надежда на мирное соглашеніе съ Литвою не осуществилась, и твердо памятуя завѣщенный ему отцомъ долгъ дальнѣйшаго объединенія земли Русской, не считаетъ себя въ правѣ отказаться отъ тѣхъ владѣній русскихъ, кои нѣкогда были истор-

гнуты домомъ Гедемина изъ рукъ потомковъ Мономаха, представителемъ которыхъ является теперь онъ, Государь и Великій Князь Московскій и всея Руси.

Собравъ многочисленное, сильное войско и объявивъ торжественно, что «доколѣ конь его будетъ ходитъ и мечъ рубить, до тѣхъ поръ онъ не дастъ покоя Литвѣ», Великій Князь Московскій, 19 Декабря 1513 г., во главѣ своей многочисленной рати, выѣхалъ изъ Москвы къ Смоленску, съ твердымъ намѣреніемъ сокрушить владычество Литвы и возвратить Россіи отторгнутое болѣе вѣка тому назадъ родовое ея достояніе. Подойдя къ Смоленску, Василій Іоанновичъ, полагаясь на многочисленность своей рати, рѣшилъ взять городъ приступомъ. Попытка эта, какъ и нужно было предполагать, окончилась полнѣйшею неудачею: приступъ былъ отбитъ, масса труповъ и множество раненыхъ были живымъ укоромъ виновнику этого опромѣтчиваго предпріятія. Не смотря на понесенныя при этомъ потери, Великій Князь Московскій, окруживъ Смоленскъ своими войсками, два мѣсяца стоитъ у стѣнъ городскихъ, разсчитывая голодомъ принудить осажденныхъ къ сдачѣ; но, увы, и это не удалось; недостатокъ продовольствія, результатъ весенней распутицы, обнаружился раньше не у
28. осажденныхъ, а у самихъ осаждающихъ, и принудилъ ихъ отступить отъ города.

14 Іюня Василій Іоанновичъ вторично выступилъ изъ Москвы къ Смоленску, выславъ предварительно впередъ отрядъ подъ начальствомъ боярина Князя Рѣпнина и окольничьяго Сабурова. Намѣстникъ Смоленскій Юрій Сологубъ, имѣя въ своемъ распоряженіи достаточно войска и не желая допустить городъ до осады, рѣшился встрѣтить противника въ полѣ; битва рѣшилась въ пользу Москвитянъ; Сологубъ отступилъ и заперся въ городѣ. Русское войско окружило Смоленскъ. 28-го Сентября прибылъ въ станъ и самъ Великій Князь Василій Іоанновичъ. Началась осада и опять неудачно. Не рискуя понапрасну терять людей, ведя ихъ штурмовать неприступную крѣпость, русскіе воеводы рѣшили огнемъ своей многочисленной артиллеріи попытаться предварительно разрушить городскія укрѣпленія. Неискусство нашихъ пушкарей и несовершенство артиллеріи было причиной, что и эта попытка оказалась несостоятельной. Напрасно Василій Іоанновичъ писалъ осажденнымъ то грозныя, то милостивыя посланія, требуя сдачи города. Все было тщетно. Между тѣмъ настала глубокая осень, пора дождей, распутицы и бездорожья, и русская рать опять должна была ни съ
29. чѣмъ отступить отъ Смоленска.

Всѣ эти неудачныя попытки овладѣть Смоленскомъ, не только однако не ослабили энергіи Василія Іоанновича, а казалось все больше и больше возбуждали ее. Убѣдившись въ первый свой походъ, какъ рисковано штурмовать открытою силою эту твердыню, Великій Князь точно также убѣдился и въ томъ, что артиллерія Московская, не смотря на всю ея многочисленность, слишкомъ еще слаба, чтобы оказать дѣйствительно существенную пользу; и вотъ, прежде чѣмъ въ третій разъ пытаться овладѣть не дававшимся намъ въ руки Смоленскомъ, онъ уже предусмотрительно озаботился о приведеніи своей артиллеріи въ возможно лучшее состояніе. Въ Германіи и Богеміи наняты искусные въ ратномъ и пушкарскомъ дѣлѣ люди, увеличено число орудій большого колибра, артиллерія въ изобиліи снабжена снарядами. Въ Маѣ 1514 г. всѣ приготовленія были уже закончены, а 8 Іюня Великій Князь въ третій разъ выѣхалъ изъ Москвы къ Смоленску Многочисленной русской артиллеріей управлялъ знаменитый Московскій пушкарь Стефанъ, 29 Іюня русскія батареи, поставленныя на правомъ берегу Днѣпра, открыли уже по городу огонь. На этотъ разъ бомбардировка города была болѣе чѣмъ удачна. По словамъ лѣтописца, отъ ужаснаго дѣйствія орудій, колебались стѣны, и люди падали толпами, тогда какъ Литовскія пушки разрывались и калѣчили своихъ же. Падающіе снаряды, горящіе дома, обволакивающій городъ дымъ, гулъ выстрѣловъ, трескъ рушащихся построекъ, стоны раненыхъ ужасающимъ образомъ дѣйствовали на мирное населеніе, и мольбы ихъ о сдачѣ города принуждаютъ воеводу Смоленскаго Юрія Сологуба вступить въ переговоры. Пальба затихла. Епископъ Смоленскій Ворсонофій вышелъ на мостъ, объявляя, что намѣстникъ Смоленскій готовъ начать на слѣдующій день переговоры о мирѣ. Великій Князь не допуская никакихъ отсрочекъ, потребовалъ немедленной безусловной покорности и, въ ожиданіи отвѣта, приказалъ возобновить кононаду.

Ужасъ смерти повисъ надъ Смоленскомъ и его несчастными гражданами. Въ отчаяніи они теперь уже требуютъ у Сологуба сдачи города. Напрасно воевода старается успокоить населеніе увѣреніями, что Польско-Литовское войско недалеко, что самъ Король спѣшитъ на помощь къ нимъ; истомленные цѣлымъ рядомъ осадъ жители Смоленскіе, чувствуя видимую слабость своего Князя, притѣсняемые своими намѣстниками и боярами, продолжаютъ настаивать на немедленной покорности. Сопротивляться требованіямъ массы было безполезно, и Сологубъ изъявляетъ свое согласіе на безусловную сдачу города. Огонь былъ прекращенъ. Епископъ, архимандриты, священники съ иконами и

крестами, намѣстникъ, князья и бояре Смоленскіе явились въ станъ Великаго Князя и словами «Государь, довольно текло крови христіанской, земля наша, твоя отчина, пустѣетъ, прими градъ съ тихостью» повергли Смоленскъ къ стопамъ Государя и Великаго Князя Московскаго и Всея Руси Василія Іоанновича. Ратники Московскіе немедленно смѣнили Литовцевъ, охранявшихъ ворота городскія, а на другой день вступилъ въ городъ во главѣ Московской конницы заслуженный, старый воинъ Князь Даніилъ Щеня, сдѣлалъ перепись жителямъ и обязалъ ихъ на вѣрность Государю Московскому. 1 Августа, послѣ торжественнаго водоосвященія на Днѣпрѣ, совершеннаго Епископомъ Варсонофіемъ, состоялся торжественный въѣздъ Великаго Князя въ Смоленскъ. Епископъ, все духовенство съ крестами и хоругвями предшествовало Государю, за которымъ слѣдовали воеводы и все воинство Московское. Среди массы народной шествіе это подошло къ храму Богоматери; здѣсь былъ отслуженъ молебенъ, и послѣ провозглашенія многолѣтія побѣдителямъ, Епископъ — со словами «Божіею милостью радуйся и здравствуй, православный Царь Всея Руси, на своей отчинѣ и дѣдинѣ градѣ Смоленска», благословилъ Великаго Князя. По окончаніи молебна Василій, окруженный сановниками, прослѣдовалъ среди толпы ликующаго народа во дворецъ древнихъ Князей дома Мономахова, гдѣ первымъ дѣломъ его было милостивое подтвержденіе тѣхъ правъ и привилегій, которыя были незадолго предъ тѣмъ дарованы
30. Смольянамъ Литовскими Государями.

Такъ, пробывшій 110 лѣтъ подъ Литовскимъ владычествомъ, Смоленскъ опять вошелъ въ составъ владѣній потомковъ дома Мономаха. Вѣковое отчужденіе отъ Руси Восточной, близость съ Польшею оказали конечно свое вліяніе на нравы Смольянъ, но во всякомъ случаѣ Смоленскъ остался чисто Русскимъ городомъ. За 100 лѣтъ, не смотря на цѣлый рядъ войнъ, онъ значительно выросъ, множество храмовъ и монастырей неизвѣстныхъ въ 14 вѣкѣ украшаютъ его теперь. Торговля продолжаетъ процвѣтать: правда Смоленскъ уже не членъ Ганзейскаго союза, торговля съ нѣмцами почти прекратилась, за то Смольяне главные посредники торговли Москвы съ Литвою, и Троицкій монастырь, гдѣ нѣкогда останавливались Ганзейскіе купцы, служитъ теперь глав-
31. нымъ пристанищемъ купцамъ Литовскимъ.

Глава IV.

Смоленскъ подъ властію Москвы. Постройка каменной крѣпости. Смоленскъ въ смутное время.

Древнее достояніе дома Мономахова, Смоленскъ, вошелъ въ
составъ Царства Русскаго, но Великій Князь Василій Іоанновичъ не-
ограничился этимъ присоединеніемъ и, разсчитывая окончательно сломить
могущество Литвы, продолжалъ войну. Мстиславль, Кричевъ, Дубровна,
одно за другимъ сдаются русскимъ. Упоенные цѣлымъ рядомъ легкихъ
побѣдъ, воеводы русскіе начинаютъ съ презрѣніемъ смотрѣть на своихъ
противниковъ и этимъ губятъ себя; при Оршѣ, благодаря самонадѣян-
ности русскихъ воеводъ Булгакова, Голицы и Челяднина, русская рать
терпитъ страшное пораженіе: 30 тысячъ убито и ранено, воеводы и съ
ними 1500 человѣкъ дворянъ взяты въ плѣнъ, остальные разбѣжались. 1.
Вѣсть о этомъ пораженіи вызвала ужасъ по всей Руси православной.
Смольянъ охватила паника; бояре Смоленскіе, потерявшіе съ присоеди-
неніемъ къ Москвѣ многія изъ своихъ шляхетскихъ правъ, согласив-
шись между собою и съ Епископомъ Смоленскимъ Ворсонофіемъ, рѣ-
шаются воспользоваться царящей въ городѣ паникой и измѣнить Госу-
дарю Московскому. Епископъ посылаетъ тайно къ Королю Польскому
своего племянника Ваську Кадыкина съ увѣреніемъ, что если тотъ не-
медленно пришлетъ войско, то Смоленскъ будетъ его. Къ счастію,
замыселъ этотъ сдѣлался извѣстнымъ воеводѣ Смоленскому, Князю
Василію Шуйскому; послѣдній успѣваетъ принять свои мѣры и свое-
временно арестовать мятежныхъ бояръ и Епископа. Между тѣмъ враги
не медлили, и Князь Константинъ Острожскій съ тысячью отборныхъ
Литовскихъ воиновъ подошелъ къ стѣнамъ Смоленскимъ, разсчитывая

найти ворота городскія открытыми. Каково было его разочарованіе, когда вмѣсто открытыхъ воротъ и торжественной встрѣчи, онъ увидѣлъ своихъ благопріятелей, одѣтыхъ въ богатыя собольи шубы, въ бархатъ и камку, съ привязанными на шеяхъ серебряными ковшами, чарками, коими только что передъ тѣмъ жаловалъ ихъ Государь Московскій, повѣшенными на валахъ городскихъ. Напрасно Литовскій воевода, раздосадованный неудачею, пытается силою поправить дѣло и такъ или иначе ворваться въ городъ; въ послѣднемъ нѣтъ ужъ больше измѣнниковъ, и Острожскій принужденъ отступить и ни съ
2. чѣмъ вернуться обратно въ Литву.

Это была первая и послѣдняя попытка Смоленска измѣнить природному своему Государю, и съ этихъ поръ вплоть до 1611 г. онъ какъ вѣрный стражъ, стойко охраняетъ свое отечество, отважно принимая первый на свою грудь удары нашего Западнаго врага.

Не будемъ останавливаться на томъ, какъ боролся Смоленскъ съ Литвою въ царствованіе Іоанна Грознаго, скажемъ только, что всѣ усилія Литовцевъ овладѣть имъ разбивались въ прахъ о его твердыню, а воеводы Смоленскіе успѣшно громили врага, посягавшаго на ввѣренный имъ городъ.

Цѣлый рядъ войнъ, веденныхъ Москвою съ Литовскимъ Государствомъ въ царствованіе Іоанна Грознаго, подняли еще больше боевое значеніе Смоленска и заставили Русское правительство озаботиться приведеніемъ его въ возможно лучшее оборонительное состояніе. Земляныя укрѣпленія, окружавшія городъ, были признаны недостаточными, и въ Смоленскѣ рѣшено устроить каменную крѣпость.

Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича было приступлено къ постройкѣ тѣхъ знаменитыхъ стѣнъ, кои, простоявъ почти 300 лѣтъ, уцѣлѣли и по настоящее время. Наблюденіе за постройкою ихъ было возложено на Князя Василія Андреевича Звенигородскаго, Семена Владиміровича Безобразова, дьяковъ Шепилова и Перфирьева. Главнымъ строителемъ былъ назначенъ городовой мастеръ Ѳедоръ Савельевичъ Коня. Всѣ упомянутыя лица, снабженныя надлежащими инструкціями и денежною казною, въ Декабрѣ 1595 года выѣхали изъ Москвы въ Смоленскъ. Прибывъ сюда, отслушавъ въ Соборной церкви молебенъ и получивъ благословеніе на предстоящій имъ трудъ отъ Архіепископа Смоленскаго Ѳеодосія, они немедленно приступили къ подготовитель-
3. нымъ работамъ по заготовкѣ матеріаловъ.

Для изготовленія массы необходимаго для стѣнъ кирпича, всѣ принадлежащіе монастырямъ и частнымъ лицамъ кирпичные заводы

были отписаны въ казну; были отысканы удобныя мѣста для постройки новыхъ заводовъ, а также мѣсто нахожденія извести и бутоваго камня; изъ всѣхъ «ближайшихъ и дальнихъ городовъ» русскихъ были собраны въ Смоленскъ каменьщики; дворцовымъ селамъ Смоленскаго уѣзда было поручено заготовить и вывезти къ веснѣ 1596 года къ мѣсту работъ необходимыя для фундамента стѣнъ сваи; для заготовки и перевозки другихъ матеріаловъ были подряжены работные люди. Весною 1596 года въ Смоленскъ прибылъ изъ Москвы Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ; планъ постройки новой крѣпости былъ окончательно утвержденъ, и работа закипѣла. Черезъ четыре года знаменитыя стѣны Смоленскія непрерывною цѣпью въ 5 верстъ и 80 сажень длиною уже опоясывали городъ. Нельзя не подивиться такой быстротѣ работы, въ особенности если принять во вниманіе, что многіе необходимые для постройки матеріалы заготовлялись въ очень дальнемъ отъ Смоленска разстояніи; такъ напр. камень, изъ коего выведено основаніе стѣнъ и башенъ, привозили изъ города Старицы, изъ за 342 верстъ, а известь жгли въ селѣ Верховьѣ Бѣльскаго уѣзда въ 200 верстахъ отъ Смоленска. 4.

Новая городская стѣна на всемъ своемъ протяженіи имѣла 7 сажень вышины и $2^{1}/_{2}$ сажени ширины. Основаніемъ стѣны служили толстыя деревянныя сваи, на которыхъ покоился возвышавшійся на сажень надъ уровнемъ земли фундаментъ, сложенный изъ прекрасно отесанныхъ каменныхъ плитъ; выше шла кирпичная кладка; верхъ стѣны, огражденный съ обѣихъ сторонъ красиво вырѣзанными зубцами, былъ покрытъ деревянною крышею, предохранявшею стоящія подъ ней орудія и защитниковъ отъ непогоды. Стѣна была приспособлена для трехъярусной обороны артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ; были устроены такъ называемые «бои»: «подошвенный», «средній» и «верхній въ зубцахъ». «Печуры» или ниши, устроенныя въ стѣнѣ чрезъ опредѣленное разстояніе, въ два яруса, служили для помѣщенія орудій, прислуги и стрѣлковъ и представляли изъ себя то, что современники называли подошвеннымъ и среднимъ боями. Въ толщѣ стѣны были устроены всходы или «взлазы»—наклонныя галлереи, ведущія въ третій ярусъ—въ «верхній бой въ зубцахъ». Эти «печуры» и «взлазы» сохранились и по настоящее время въ той части стѣны, которая тянется отъ Лопатинскаго сада къ Казанской церкви. 5.

Тридцать шесть башенъ круглой и четырехъугольной формы, помѣщенныхъ въ исходящихъ и входящихъ углахъ и по удлиненнымъ участкамъ городской стѣны, также приспособленныя къ трехъ-ярусной

оборонѣ, обстрѣливали противулежащую мѣстность, подступы къ стѣнѣ, а въ случаѣ надобности и верхній бой стѣны; въ то же время каждая изъ башенъ представляла изъ себя опорный пунктъ для внутренней обороны города, въ случаѣ если бы атакующій овладѣлъ проломомъ,
6. сдѣланнымъ имъ въ стѣнѣ.

Девять воротъ, продѣланныхъ въ нѣкоторыхъ изъ башенъ, поддерживали сообщеніе города съ слободами и съ полемъ. Названія ихъ: Фроловскія, что нынѣ Днѣпровскія, противъ моста черезъ Днѣпръ, затѣмъ къ востоку и дальше по стѣнѣ — Лазаревскія и Крылошевскія — нынѣ разрушены, Авраамієвскія, за монастыремъ того-же имени, теперь заложены; Ельнинскія, что нынѣ Никольскія, Молоховскія, Капытецкія близь Королевской крѣпости, нынѣ заложены; Пятницкія соединяли Пятницкій конецъ съ посадомъ того-же имени, и Пятницкія — водяныя выводили на Богословскую улицу; послѣднія двое воротъ нынѣ разру-
7. шены.

Стѣны и башни были построены такъ солидно, что безъ всякаго послѣдствія выдерживали то колебаніе, которое должно было вызываться боевою стрѣльбою изъ вооружавшихъ ихъ орудій, нерѣдко очень значительнаго калибра, поставленныхъ не только въ подошвенномъ и среднемъ бояхъ, но и въ верхнемъ, причемъ орудія крупнѣйшаго калибра обыкновенно ставились въ верхнемъ ярусѣ. Такъ напримѣръ, круглая Богословская башня, ближайшая къ церкви Іоанна Богослова, нынѣ разрушенная, въ 1609 г. была вооружена слѣдующимъ образомъ: «въ подошвенномъ бою тюфякъ двухъ пядей съ торелью, къ нему ядеръ каменныхъ 300, вѣсу въ ядрѣ полъ пять гривенки, зелья на выпускъ 3 гривенки»..... «Въ среднемъ бою пищаль девяти пядная, къ ней ядеръ желѣзныхъ 300, вѣсу въ ядрѣ четыре гривенки..... да туто-жъ двѣ затинныхъ..... Въ верхнемъ бою въ зубцахъ двѣ пищали полуторныя, Московскія, къ нимъ по 300 ядеръ желѣзныхъ, вѣсу по шести гривенокъ въ ядрѣ, зелья на выпускъ противъ ядра.... въ томъ же верхнемъ бою, пищаль двусаженная Ругодивская,... ядеръ къ ней желѣзныхъ 300, вѣсу 12 гривенокъ въ ядрѣ, зелья на выпускъ про-
8. тивъ ядра»....

Но башни и стѣны Смоленскія выдержали не только то сотрясеніе, которое должно было вызываться стрѣльбою изъ вооружавшихъ ихъ орудій, но выдержали и цѣлый рядъ вражьихъ бомбардировокъ и изъ польскихъ, и изъ русскихъ, и изъ французскихъ пушекъ, и всетаки печальные остатки ихъ, годъ отъ году все больше и больше разрушающіеся, не смотря на 300 лѣтъ, пронесшіяся надъ ними, и теперь

невольно поражаютъ зрителя своей грандіозностью и солидностью постройки.

Старые, земляные валы, окружавшіе Смоленскъ со временъ сѣдой древности, также вошли въ систему новыхъ укрѣпленій, представляя изъ себя вторую оборонительную линію, за которой могъ держаться осажденный, въ случаѣ обвала того или другого участка каменной ограды. 9.

Для предупрежденія возможности попытокъ со стороны осаждающаго, разрушить грозныя укрѣпленія съ помощью подземныхъ работъ, были выведены въ полѣ такъ называемыя «слухи» — контръ-минныя галлереи, не допускающія возможности нечаянныхъ взрывовъ. Остатки этихъ слуховъ и до сихъ поръ еще замѣтны близь Пятницкаго ручья. 10.

Укрѣпленный такимъ образомъ городъ казался современникамъ чудомъ искусства, и Борисъ Годуновъ имѣлъ полное право сказать про сдѣланныя по его плану сооруженія: «построилъ я такую красоту неизглаголанную, что подобной ей уже нѣтъ во всей поднебесной. Однѣхъ башень на стѣнѣ 36, и по верху ея свободно поѣзжай хоть на тройкѣ. Какъ на сытой, толстой боярынѣ красовито лежитъ аксамитное, многоцѣнное ожерелье, прибавляя ей красоты и горделивости, такъ и Смоленская стѣна стала теперь ожерельемъ всей Руси православной, драгоцѣнностью на зависть враговъ и на гордость Московскаго Государства». Но если правъ былъ Годуновъ, характеризуя такими словами Смоленскъ, то, къ сожалѣнію, еще болѣе правымъ оказался воевода Смоленскій Князь Ѳ. М. Трубецкой, отвѣтившій на это: «Правду говоритъ Годуновъ: и на ожерелье боярыни стѣна Смоленская похожа, и башень счетомъ 36, и зубцы въ два ряда по стѣнѣ безъ смѣты числомъ, и каждый зубецъ крѣпко выкрытъ листовымъ желѣзомъ. Да боится Смоленскій воевода, что-бъ промежъ красивыми башнями и многочисленными крѣпкими зубцами не завелись вши и гнида». Дѣйствительно, не прошло и десяти лѣтъ, какъ сбылось предсказаніе воеводы Смоленскаго, и много потребовалось усилій отъ Руси православной, прежде чѣмъ она вызволила свое ожерелье изъ рукъ засѣвшихъ въ немъ Поляковъ. 11.

Въ Январѣ 1598 г. скончался Ѳедоръ Іоанновичъ, и Царемъ Московскимъ былъ избранъ Борисъ Годуновъ. Непродолжительное царствованіе Бориса ознаменовалось между прочимъ повсемѣстнымъ неурожаемъ и страшнымъ голодомъ. Этой бѣды не избѣгнулъ и Смоленскъ. Не смотря на денежную помощь въ размѣрѣ 20.000 рублей, полученныхъ отъ Царя, не смотря на присланныхъ имъ-же врачей и

лекарства, много жертвъ было унесено въ Смоленской области голо-
12. домъ и моромъ.

Не успѣлъ Смоленскъ, а съ нимъ и все царство Русское оправиться
отъ этой бѣды, какъ зло еще болѣе тяжкое повисло надъ Русью: въ
Польшѣ появляется самозванецъ, принявшій имя Димитрія — умершаго
Царевича, которому долженъ былъ-бы перейти престолъ по смерти
Θеодора Іоанновича. Поддержанный Поляками, разсчитывая на силу
присвоеннаго имъ имени, а также на нелюбовь Бориса народомъ, Лже-
димитрій рѣшается явиться въ Русскіе предѣлы; Новгородъ — Сѣвер-
скій, Сѣвскъ, Путивль признаютъ его Царевичемъ Димитріемъ. Къ до-
вершенію несчастія умираетъ Борисъ; войско, высланное имъ на встрѣчу
Самозванцу, переходитъ на сторону послѣдняго, и наконецъ сама
Москва признаетъ его своимъ Царемъ. Увлеченные всеобщимъ заблуж-
деніемъ, и Смольяне признаютъ Лжедимитрія своимъ Государемъ. Не-
долгое царствованіе этого Лжецаревича ознаменовалось для Смоленска
разрѣшеніемъ вести безпошлинную торговлю съ Литвою и Польшею,
да рядомъ торжествъ по случаю пребыванія въ городѣ невѣсты Лже-
димитрія — Марины Мнишекъ, отецъ которой послѣ свадьбы дочери
13. долженъ былъ получить въ свое владѣніе Княжество Смоленское. Къ
счастію, послѣднее не состоялось. 17-го Мая 1606 г. Лжедимитрій былъ
убитъ. Дума боярская выбрала въ Цари Князя Василія Шуйскаго, быв-
шаго нѣкогда воеводою Смоленскимъ, и Смольяне съ радостью при-
сягнули своему новому Царю. Но тяжелая судьба готовилась новому
Государю Русскому. Едва вступилъ Василій на престолъ, какъ въ Нов-
городъ-Сѣверской землѣ появляется новый Самозванецъ; южныя и
восточныя области русскія признаютъ его спасшимся отъ смерти Димит-
ріемъ и шлютъ ему свою помощь; мятежное войско подъ начальствомъ
Болотникова двигается къ Москвѣ, нигдѣ не находя сопротивленія.
Казалось, понятіе о долгѣ, о вѣрности присягѣ окончательно утрати-
лось у населенія Русскаго, и изъ всѣхъ городовъ земли русской лишь
14. Смоленскъ да Тверь остались вѣрными Царю Василію. Въ Смоленскѣ
архіепископъ, воеводы и ратные люди въ общемъ собраніи единодушно
порѣшили ополчиться на враговъ и губителей дорогого имъ отечества,
не пожалѣть себя, вступиться за Москву и Царя, спасти вѣру и братій
своихъ отъ конечной гибели. Немедленно была собрана рать и подъ
начальствомъ Григорія Полтева двинута на выручку Москвы отъ мя-
тежныхъ бандъ Болотникова. Примѣръ заразителенъ: за Смольянами
«пошли къ Москвѣ и изъ Вязьмы, и изъ Дорогобужа, и изъ Серпейска
15. дворяне и дѣти боярскія и всякіе служилые люди». Собравшись подъ

Москвою, дружина Смоленская соединилась съ войсками Князя Скопина-Шуйскаго, и мятежники были разсѣяны. Болотниковъ бѣжалъ въ Тулу, гдѣ и былъ вскорѣ убитъ; но смерть его не избавила Русь отъ вселившейся въ нее заразы: одинъ за другимъ являются новые самозванцы; поляки, довольные случаемъ безнаказанно пограбить Русь, не дремлютъ, и цѣлыя банды ихъ появляются въ русскихъ областяхъ, поддерживая то одного, то другого «вора».

Что-бы водворить наконецъ порядокъ, а главное, что-бы очистить Государство отъ грабившихъ его Польскихъ и Казацкихъ партій Лисовскаго, Рожинскаго, Заруцкаго и другихъ, Василій принужденъ былъ заключить союзъ съ Швеціей и просить у Короля ея, врага Польши, вспомогательнаго войска. Эта мѣра заставила Польшу, боявшуюся союза Россіи съ Швеціей, попытаться предупредить грядущую для нея опасность, и Король Польскій Сигизмундъ, пользуясь всеобщимъ замѣшательствомъ, царствовавшимъ въ Россіи, рѣшается вторгнуться въ наши предѣлы, чтобы завладѣть Смоленскомъ, а въ случаѣ удачи и престоломъ Московскимъ. Воеводами въ Смоленскѣ въ это время были Михайло Борисовичъ Шеинъ и Князь Петръ Ивановичъ Горчаковъ—вѣрные слуги Царя и отечества. Старшій изъ нихъ Шеинъ отличался большимъ умомъ, находчивостью и рѣшимостью. Нельзя не подивиться, съ какою энергіею этотъ славный мужъ въ одно и то же время успѣвалъ бороться и противъ происковъ Тушинскаго вора, и противъ мятежныхъ польскихъ бандъ, появлявлявшихся въ Смоленской области, охранять въ то же время границы послѣдней отъ вторженія Литовскихъ войскъ, собирать въ Смоленскѣ войско и провіантскіе запасы на случай возможной осады его и, наконецъ, организовать и выслать въ Москву, также нуждавшуюся въ вѣрныхъ защитникахъ, цѣлый трехътысячный отрядъ подъ начальствомъ Князя Барятинскаго и Ададурова. Благодарственная Царская грамота была наградою за всѣ эти славныя дѣянія Шеина и его сотрудниковъ Смольянъ. **16.**

Въ Іюлѣ 1609 г. все очевиднѣе и очевиднѣе дѣлаются намѣренія Польши воспользоваться нашими неурядицами: непріятельскіе отряды переходятъ наши границы, грабятъ и жгутъ села и деревни, осаждаютъ г. Бѣлый; пограничные стражники наши разбѣгаются. Наконецъ до Смоленска доходитъ вѣсть, что Сигизмундъ, собравъ войско, стоитъ у Борисова, готовый выступить въ дальнѣйшій путь къ Смоленску, и воеводы Смоленскіе еще дѣятельнѣе начинаютъ готовиться къ оборонѣ ввѣренной имъ твердыни. Въ Августѣ мѣсяцѣ они отдаютъ приказаніе собрать со всѣхъ становъ и волостей Смоленскаго уѣзда, а также съ

дворянскихъ и церковныхъ помѣстій по 6 человѣкъ съ сохи, съ пищалями и топорами. Всѣ жители Смоленска и окружающихъ его посадовъ, слободъ и деревень также были собраны, переписаны, и каждый опредѣленъ на свое мѣсто на случай обороны города. Изъ дошедшей до насъ росписи дворянамъ, боярскимъ дѣтямъ, посадскимъ и другимъ горожанамъ и крестьянамъ видно, что въ распоряженіи Шеина было: 39 человѣкъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, 48 посадскихъ и при нихъ 1862 человѣка «подъемныхъ и стѣнныхъ» людей. Кромѣ того 513 человѣкъ крестьянъ Смоленскаго уѣзда, пушкари и стрѣльцы; намъ неизвѣстно число послѣднихъ, но во всякомъ случаѣ весь гарнизонъ
17. Смоленска не превышалъ 4000 человѣкъ.

Артиллеріи было не болѣе 150 орудій разныхъ калибровъ, но въ изобиліи снабженныхъ снарядами. До насъ дошла роспись орудій по 6 башнямъ сѣверо-западной стороны, на которыя велась наиболѣе энергичная атака противника; башни эти были вооружены слѣдующими орудіями:

«Пищалей затинныхъ (вѣсъ снаряда не обозначенъ). . . .	9	орудій.
«Пищалей сороковыхъ, ядро вѣсомъ одна гривенка	7	»
«Пищалей девяти пядныхъ, вѣсъ ядра 4 гривенки.	2	»
«Пищалей полуторныхъ, вѣсъ ядра 4 гривенки.	2	»
» » » » 6 гривенокъ	3	»
«Пищаль Ругодивская двусаженная, вѣсъ ядра 12 гривенокъ .	1	»
18. «Тюфякъ двухъ пядей, вѣсъ ядра (каменнаго) полъ 5 грив.	1	»
Итого	25	орудій.

Нужно предполагать, что эти 6 башенъ были вооружены во всякомъ случаѣ не слабѣе прочихъ; слѣдовательно: если на 6 башняхъ — 25 орудій, то на 36 не болѣе — 150. Къ пищалямъ затиннымъ спеціальныхъ пушкарей не полагалось; къ крупнѣйшимъ же на каждое орудіе по пушкарю. Число снарядовъ къ затиннымъ пищалямъ не показано; къ орудіямъ, стрѣлявшимъ ядрами вѣсомъ въ одну и четыре гривенки, на каждое по 600 снарядовъ, къ орудіямъ крупнѣйшихъ калибровъ по 300. Кромѣ орудій и ручныхъ пищалей, нѣкоторыя башни, напр. Городецкая, были снабжены такъ наз. «ручницами», вѣ-
19. роятно снарядами въ родѣ ручныхъ гранатъ.

Въ числѣ другихъ распоряженій воеводъ нельзя не обратить вниманіе на слѣдующій наказъ жителямъ города: «берегите на крѣпко, писали воеводы, чтобы въ городѣ и слободахъ мыленъ не топили, неявленнаго питья и зерни не было, корчемъ и безпутныхъ домовъ не
20. посѣщали».

Кругомъ города были учреждены караулы, главный надзоръ за коими былъ возложенъ на стрѣлецкаго голову Ивана Битяговскаго. 21.

Сигизмундъ не заставилъ себя ждать. 11-го Сентября 1609 г. Польско-Литовскій корпусъ въ числѣ 17.000 человѣкъ перешелъ границу; 13 Іюня занялъ Красный. Отсюда Сигизмундъ послалъ въ Москву разрывную грамоту, а въ Смоленскъ универсалъ, въ которомъ увѣрялъ, что вступаетъ въ русскіе предѣлы не какъ врагъ, а какъ избавитель, призванный будто-бы русскими-же, и, обѣщая Смольянамъ великія и богатыя милости въ случаѣ добровольной покорности, грозилъ конечнымъ раззореніемъ въ случаѣ упорства. Въ отвѣтъ на универсалъ, Смольяне словесно объявили Королевскому гонцу для передачи Сигизмунду: «Мы въ храмѣ Богоматери дали обѣтъ не измѣнять Государю Нашему Василію Іоанновичу, а тебѣ Литовскому Королю и твоимъ панамъ не раболѣпствовать во вѣки». Царю-же воеводы Смо- 22.
ленскіе пишутъ объ этомъ такъ: «Мы, твои сироты, по совѣщанію съ богомольцемъ твоимъ, архіепископомъ Сергіемъ, и съ боярами, служилыми людьми, стрѣльцами, пушкарями и со всѣмъ простымъ народомъ отвѣчали словесно Литовскому Королю и панамъ рады его, что у насъ у всякаго инока, и у служилыхъ, и у житьихъ людей данъ обѣтъ во храмѣ Пресвятыя Богородицы, что-бъ всѣмъ намъ помереть за истинную православную вѣру, за святыя Божьи церкви, и за тебя Государя и Великаго Князя, и за твое крестное цѣлованіе, а Литовскому Королю и панамъ его не поклониться». 23.

Между тѣмъ Сигизмундъ, не дождавшись отвѣта на свой универсалъ, введенный въ заблужденіе относительно истиннаго настроенія гарнизона Смоленска и его воеводъ, убѣжденный, что достаточно одного его появленія подъ стѣнами города для сдачи послѣдняго, спѣшилъ отъ Краснаго къ Смоленску.

19-го Сентября передовыя войска Сигизмунда, бывшія подъ начальствомъ Литовскаго Канцлера — Льва Сапѣги и Пржемышскаго имѣли уже стычку съ нашими караулами. Воеводы Смоленскіе зажгли посады, 24.
прилегавшіе къ стѣнамъ, и затворились въ городѣ, обративъ особенное вниманіе на прикрытіе воротъ отъ разрушительнаго дѣйствія по нимъ снарядовъ противника; съ этой цѣлью они ставятъ передъ воротами къ полю деревянные срубы, наполненные землею и каменьями, оставивъ между ними и воротами небольшой проходъ, въ видѣ тѣснаго возлѣ стѣны проулка, которымъ могъ-бы пройти только одинъ человѣкъ и провести лошадь. 21 Сентября 1609 года прибылъ къ Смоленску и 25.
самъ Сигизмундъ съ своими главными силами и расположился станомъ

между монастырями Троицкимъ, Спасскимъ, Борисоглѣбскимъ и Архангельскимъ, т. е. въ мѣстности между теперешними деревнями Кловкой, Чернушками и Свирской церковью; отдѣльный Польскій отрядъ занялъ Духовъ монастырь, существовавшій въ концѣ Рачевской слободы,
26. т. е. сталъ на пути сообщенія съ Москвою.

Лишь подъ стѣнами Смоленскими убѣдился Польскій Король, какъ были неосновательны его предположенія о возможности добровольной сдачи города. Приходилось добывать Смоленскъ оружіемъ, на что совсѣмъ не разсчитывали Поляки, и хотя силы ихъ доходили до 17.000 человѣкъ, но въ этомъ числѣ преобладала кавалерія, пѣхоты было сравни-
27. тельно мало, а осадной артиллеріи и совсѣмъ не было; на собранномъ совѣтѣ военоначальники не пришли ни къ какому заключенію. Тогда самъ Король приказываетъ сдѣлать попытку взорвать ворота городскія
28. помощью петардъ и затѣмъ ворваться въ городъ.

23-го Сентября, на разсвѣтѣ, было сдѣлано нападеніе на Капытецкія и Авраамієвскія ворота, т. е. съ двухъ противуположныхъ концовъ города; взрывы удались, и Поляки ворвались было въ городъ, но гарнизонъ Смоленскій не смутился; быстро собравшись у разрушенныхъ воротъ, Смольяне задержали дальнѣйшее наступленіе, а успѣвшіе про-
29. никнуть въ городъ Поляки были перебиты.

Попытка эта заставила Шеина еще болѣе озаботиться о охраненіи выходовъ изъ города: всѣ ворота, не нужныя для сообщенія, завалили камнями и пескомъ, при другихъ прежніе срубы приспособили къ оборонѣ, устроивъ на вершинѣ ихъ полисады и приставивъ къ нимъ
30. сильные караулы.

26-го Поляки опять пробуютъ овладѣть крѣпостью: «ночью за 4 часа до разсвѣта, такъ писали Смольяне объ этой попыткѣ къ Царю, подошелъ къ стѣнамъ Литовскій Король съ людьми ратными и сжегъ Пятницкій конецъ съ посадомъ, такъ что во всемъ посадѣ уцѣлѣло
31. только 7 церквей.»

27-го Поляки штурмуютъ Большія Фроловскія (нынѣ Днѣпровскія) и Пятницкія ворота, и опять неудачно. Попытки эти убѣдили Сигизмунда въ невозможности овладѣть Смоленскомъ открытою силою, и Поляки пробуютъ другія средства: «на третій день (послѣ 27-го) Литовскіе люди сожгли ночью Днѣпровскій мостъ и, поставивъ за р. Чурильнею туры, бьютъ на Богословской улицѣ, стѣнѣ и Богословской башнѣ, уже разбитой
32. сверху», читаемъ мы въ отпискѣ воеводъ и старостъ Смоленскихъ Царю.

У Спасскаго монастыря Поляки также устраиваютъ четырехъ орудійную батарею для дѣйствія по Капытецкимъ воротамъ, но здѣсь уже

не такъ удачно: осажденные такъ энергично принялись обстрѣливать эту батарею, что принудили ее сняться. Видя неуспѣшность дѣйствія 33.
своей слабой малокалиберной артиллеріи, противникъ нашъ приступаетъ къ миннымъ работамъ, разсчитывая хоть этимъ путемъ разрушить часть крѣпостной ограды и затѣмъ уже штурмовать городъ. Опять неудача: осажденные устроили подъ стѣнами «слухи», слѣдили въ нихъ за ходомъ непріятельскихъ работъ и своевременно разрушили ихъ. 34.

Въ продолженіи всѣхъ этихъ разнообразныхъ попытокъ Сигизмундъ неоднократно писалъ въ городъ, требуя добровольной сдачи, но жители не забывали данной ими клятвы, не падали духомъ; воодушевленные чувствомъ долга и чести, они энергично боролись съ врагомъ и на предложенія о сдачѣ отвѣчали вылазками, поражавшими противника своею лихостью.

Наступила зима; осаждающій получилъ изъ подъ Риги тяжелыя осадныя орудія, устроилъ батареи, началась систематическая бомбардировка города. Весна, — а Смоленскъ все стоитъ да стоитъ непоколебимою твердыней. 35.

Къ осаждающему подходятъ все новыя и новыя подкрѣпленія понемногу таетъ горсть храбрыхъ защитниковъ, но никто изъ нихъ не помышляетъ о сдачѣ, и ничего не можетъ подѣлать многочисленный уже теперь противникъ.

Насколько были непоколебимы въ вѣрности своей царю и отечеству Смольяне, на столько же оказались шатки другіе области и города, и духъ мятежа широкою волною разливается въ это время по Руси православной. Общее смятеніе умовъ дошло до того, что образуется цѣлая партія, не желающая признавать Царемъ ни Василія Шуйскаго, ни Самозванца, и остановившая свой выборъ на сынѣ Сигизмунда—Королевичѣ Владиславѣ. Измѣнники разсылаютъ по областямъ русскимъ грамоты, склоняя на свою сторону населеніе; Ржевъ и Зубцовъ присягаютъ уже новому Царю. Депутація отъ измѣнниковъ является въ станъ Сигизмунда, требуетъ свиданія съ Шеиномъ; пытается убѣдить и его признать Владислава и сдать городъ полякамъ. Но тщетны были усилія измѣнниковъ убѣдить Шеина измѣнить своему Государю: холодное, презрительное молчаніе было отвѣтомъ знаменитаго воеводы. 36.

Наступило лѣто 1610 г.; вмѣстѣ съ нимъ воскресла у Смольянъ надежда, что вспомнятъ о нихъ тѣ немногіе соотечественники, кои еще остались вѣрны своему Царю и отечеству, что соберутся они съ силами и выручатъ Смольянъ изъ осады вражьей. И дѣйствительно, Москва не забыла многострадальныхъ Смольянъ. 38 тысячный корпусъ Князя

Димитрія Шуйскаго двигается къ Можайску на выручку осажденныхъ. Съ нетерпѣніемъ ждали Смольяне добрыхъ вѣстей отъ Шуйскаго, но,... увы, не дождались. Неискусство воеводы и измѣна вѣроломныхъ наемниковъ чужестранцевъ, въ большомъ количествѣ входившихъ въ составъ этого отряда, были причиною пораженія Шуйскаго подъ Клушинымъ, гдѣ русское войско было встрѣчено и атаковано польскимъ корпусомъ Жолкѣвскаго... Надежда на избавленіе исчезла у Смольянъ: въ бою подъ Клушинымъ погибли послѣднія силы земли русской. Смятѣніе овладѣло столицей русской: Царь Василій Шуйскій свергнутъ съ престола, и среди воцарившагося безвластія все больше и больше растутъ несогласія и распри. Враги земли русской спѣшатъ воспользоваться этой неурядицей: отъ Можайска спѣшитъ къ Москвѣ Жолкѣвскій, отъ Коломны «Тушинскій воръ», и тотъ и другой шлютъ въ Москву своихъ
37. приспѣшниковъ склонять на свою сторону народъ.

Такъ или иначе Поляки берутъ верхъ; 27-го Августа Москва присягаетъ Владиславу, а въ Сентябрѣ депутація отъ Москвичей является уже въ станъ Королевскій подъ Смоленскъ просить Сигизмунда отпустить имъ на царствованіе Королевича. Вотъ чего дождались Смольяне вмѣсто
38. помощи и избавленія отъ врага своего.

Король, узнавъ о избраніи Владислава, казалось былъ больше недоволенъ, чѣмъ обрадованъ, и вмѣсто того, чтобы изъявить свое согласіе, тянулъ дѣло и требовалъ отъ пословъ, чтобы они раньше
39. убѣдили Смольянъ сдаться и впустить въ городъ польскій гарнизонъ.

Митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ и Князь Василій Голицынъ, бывшіе во главѣ посольства, обратились раньше за разрѣшеніемъ этого вопроса къ тѣмъ Смоленскимъ дѣтямъ боярскимъ, кои пріѣхали вмѣстѣ съ ними изъ Москвы въ посольствѣ, а раньше вѣрно служили Царю Василію; и Смоленскія дѣти боярскія отвѣтили: «Не вводить въ Смоленскъ ни единаго Ляха. Если Король дерзнетъ лить кровь, то она будетъ на немъ вѣроломномъ... Наши матери и жены въ Смоленскѣ; пусть гибнутъ тамъ, но не отдавайте Ляхамъ вѣрнаго города. Знайте, что вы его и отдать не можете: защитники Смоленска не послушаютъ васъ, какъ измѣнниковъ.» Послѣ этого послы отказались и пробовать
40. убѣждать Смольянъ сдаться врагу.

Ожесточенный Сигизмундъ еще разъ пробуетъ тогда силою сломить упорство осажденныхъ. 21-го Ноября удачнымъ подкопомъ поляки взрываютъ одну изъ башенъ и 10 саженей прилегающей къ ней стѣны и отважно бросаются на штурмъ обвала. Но попытка эта послужила для Смольянъ только лишнимъ случаемъ показать Сигизмунду и посламъ

земли русской, какъ борются, гибнутъ, но не сдаются православные, вѣрные своей отчизнѣ. Воодушевленные доблестнымъ Шеиномъ, храбрые защитники Смоленска успѣли во время занять проломъ и, грудью встрѣтивъ врага, не допустили его ворваться въ городъ; три раза Поляки возобновляли приступъ, но въ концѣ концовъ должны были позорно отступить передъ истомленнымъ, но ликующимъ теперь противникомъ. **41.**

Раздосадованный какъ этими неудачами, такъ и нежеланіемъ пословъ признать его, а не сына Владислава, Царемъ русскимъ, Король польскій приказалъ арестовать и отправить въ Варшаву тѣхъ людей, которые отъ имени Государства просили у него сына въ Цари. **42.**

Открылись тогда глаза у людей русскихъ, увидѣли они, какъ горько заблуждались относительно Сигизмунда, и отшатнулись отъ него всѣ тѣ православные, коимъ дорога была участь ихъ отчизны.

Смольяне не только сами не признавали Владислава, но стойко держась противъ войска его отца, не сдаваясь ни на угрозы, ни на убѣжденія, противупоставляя силѣ силу, изнемогая отъ всевозможныхъ невзгодъ долговременной осады, находятъ въ себѣ еще силы стремиться подѣйствовать и на своихъ соотечественниковъ и заставить ихъ объединиться и отказаться даже отъ мысли имѣть католика-Королевича своимъ Царемъ: «Мы братія и сродники, писали они въ Москву и въ другіе города, потому — что отъ святой купели всѣ породились. Если не будете теперь въ соединеніи общемъ со всею землею, то горько будете плакать и рыдать неутѣшнымъ вѣчнымъ плачемъ. Перемѣнена будетъ христіанская вѣра въ Латинство, и раззорятся Божественныя Церкви со всею лѣпотою, и убіенъ будетъ лютою смертію родъ вашъ крѣпкій, поработятъ и осквернятъ и разведутъ въ полонъ матерей, женъ и дѣтей вашихъ. Не помните тако и не смышляйте, чтобъ быть у васъ на Москвѣ Королевичу Государемъ.» **43.**

Жители Смоленской области, занятой и угнетаемой польскими войсками, также шлютъ въ Москву свои посланія: «Обольщенные Королемъ, мы ему не противились. Что-жъ видимъ? Гибель душевную и тѣлесную. Святыя церкви раззорены; ближніе наши въ могилахъ или въ узахъ. Хотите—ли такой же юдоли!... Возстаньте, доколѣ еще вмѣстѣ и не въ узахъ; поднимите и другія области, да спасутся души и царство! знаете, что дѣлается въ Смоленскѣ? тамъ горсть вѣрныхъ стоитъ неуклонно подъ щитомъ Богоматери и разитъ сонмы иноплеменниковъ!» **44.**

Патріархъ Гермогенъ внялъ голосу многострадальныхъ Смольянъ, и одна за другою разсылаются грамоты и письма отъ патріарха въ

города и области русскіе, не только разрѣшающіе православныхъ отъ
присяги Владиславу, но предающіе проклятію тѣхъ, кто будетъ упор-
ствовать въ вѣрности Вѣнценосному Католику. Грамоты эти произвели
чудо: какъ одинъ человѣкъ возстала Русь; съ безпримѣрнымъ едино-
душіемъ начали города вооружаться и сноситься другъ съ другомъ,
охваченные одною мыслею—спасти Царство русское отъ ига иноземнаго.
Руководителемъ всеобщаго народнаго возстанія явился Прокопій Ля-
пуновъ, и весною 1611 года дружина 25 городовъ двигается уже на
45. выручку Москвы отъ засѣвшихъ въ ней Поляковъ.

Новая заря занималась надъ Русскою землею, но до разсвѣта было
еще далеко, а Смоленску и совсѣмъ не удалось его увидѣть. Сигизмундъ,
вторую зиму безполезно простоявшій подъ стѣнами Смоленска, съ
наступленіемъ весны энергичнѣе ведетъ свои нападенія, но по прежнему
всѣ его попытки разбиваются въ прахъ о крѣпкія стѣны Смоленскія,
по прежнему безплодно теряетъ онъ людей. Двадцать мѣсяцевъ уже
продолжается осада. Запасы, силы Смоленска—все истощилось, остается
едва одна пятая часть защитниковъ, остальные погибли въ постоянныхъ
стычкахъ съ врагомъ, отъ недостатка провіанта, отъ развившейся среди
гарнизона цынги. Но и эта горсть уцѣлѣвшихъ храбрецовъ, свято храня
данный ими обѣтъ сражаться съ врагомъ до послѣдней капли крови,
не думала о сдачѣ и, напрягая остатки своихъ слабыхъ уже силъ,
успѣшно удерживала подъ стѣнами своими Польскую армію, не давая
ей двинуться въ глубь земли русской, гдѣ войска Ляпунова уже осаж-
дали Кремль Московскій съ его обреченнымъ на голодную смерть
46. Польскимъ гарнизономъ.

Наступаетъ печальный въ лѣтописяхъ Смоленска день 3-го Іюня
1611 г.; и то, что не могли сдѣлать ни убѣжденія, ни силы, то съ
успѣхомъ сдѣлала измѣна. Нѣкто Андрей Дѣдюшинъ, позорная память
о коемъ на вѣки сохранится среди Смольянъ, передался врагамъ земли
русской, бѣжалъ изъ города въ станъ Королевскій и указалъ полякамъ
на самый слабый пунктъ городской ограды. Это былъ тотъ участокъ
стѣны, мѣсто котораго теперь занимаютъ остатки такъ называемой
47. Королевской крѣпости.

Воспользовавшись указаніями измѣнника, поляки сосредоточеннымъ
огнемъ своей артиллеріи разрушили въ этомъ мѣстѣ стѣну и въ ночь
на 3 Іюня порѣшили штурмовать городъ.

Въ распоряженіи Шеина оставалось не болѣе 300—400 вполнѣ
здоровыхъ ратниковъ, еще не поддавшихся цынгѣ, все сильнѣе и
48. сильнѣе развивавшейся среди гарнизона. Главная часть этихъ немно-

гихъ защитниковъ была сосредоточена для защиты пролома, остальные разбросаны по всему протяженію стѣны.

Поляки повели атаку съ четырехъ сторонъ: съ восточной стороны— Іаковъ Потоцкій съ нѣсколькими тысячами казаковъ, съ юго-западной— между Малоховскими и Копытецкими воротами—нѣмецкая пѣхота подъ начальствомъ Нейкирха; съ сѣвера, изъ за Днѣпра — отрядъ Дорогостайскаго и Новодворскаго; со стороны же пролома, съ западной — войска Стефана Потоцкаго. Спѣшенные казаки отряда Іакова Потоцкаго, по приставленнымъ лѣстницамъ первые взобрались на стѣну, и первые ударили на малочисленныхъ въ этомъ мѣстѣ защитниковъ. Въ это же время съ другой стороны бросилась на штурмъ нѣмецкая пѣхота Нейкирха и также едва было не ворвалась въ городъ. Но не смутились славные защитники Смоленска и энергичнымъ ударомъ сбросили со стѣнъ ворвавшихся было въ городъ смѣльчаковъ казаковъ и нѣмцевъ. **49.**

Стефанъ Потоцкій, бросившійся на штурмъ пролома, столкнулся съ главною горстью здоровыхъ еще Смольянъ; но не смутилась и эта горсть многочисленности своего врага; твердо помнили Смольяне свой обѣтъ, данный ими еще два года тому назадъ, «помереть за истинную православную вѣру и Святыя Божіи Церкви, а литовскому королю и панамъ его не поклониться»; и въ ночь на 3-е Іюня 1611 г. свято исполнили свою клятву. Долго бились Смольяне, не уступая пролома, и долго ничего не могли подѣлать Поляки; но сила всегда остается силой: слишкомъ уже несоразмѣрны были средства атакующихъ и обороняющихся, и послѣдніе въ концѣ концевъ были оттѣснены... Поляки ворвались въ городъ, и началась рѣзня... Въ то время, какъ защитники Смоленскіе гибли, стремясь удержать насѣдавшаго врага, цѣною жизни отдавая каждый шагъ земли своего родного города, ихъ жены и дѣти, со всѣми своими богатствами и драгоцѣнностями, стремились въ Храмъ Богоматери, на мѣстѣ котораго высится теперь Соборъ; подъ кровъ Пречистой, при звонѣ колоколовъ, трескѣ рушащихся отъ вражьихъ ядеръ построекъ, при вопляхъ умирающихъ, спѣшили всѣ слабые и немощные. Разростающееся все больше и больше пламя зажженныхъ домовъ озаряло кровавую картину послѣдней ночи древняго Смоленска. Въ оврагѣ, который раздѣляетъ Соборную гору отъ Воскресенской, тамъ, гдѣ нынѣ тянется Рѣзницкая улица, названная такъ въ память этой ужасной ночи, разыгрался послѣдній актъ драмы. Остатки зашитниковъ Смоленскихъ, тѣснимые Поляками, остановились здѣсь; дальше некуда имъ отступать; за спиною у нихъ

Храмъ Богоматери, въ немъ жены и дѣти ихъ. Здѣсь остановили Смольяне врага, не допуская его до своей святыни.

Между тѣмъ, въ то время какъ въ городѣ кипѣлъ упорный бой, Сѣверный отрядъ Мальтійскаго Кавалера Новодворскаго успѣлъ незамѣтно подойти къ Фроловскимъ воротамъ и удачнымъ взрывомъ разрушить часть прилегающей стѣны. Образовался широкій проломъ, и поляки разрушительной волной хлынули въ городъ, въ тылъ все еще бившимся въ оврагѣ, у подножія Соборной горы, его послѣднимъ защитникамъ. Минуты послѣднихъ были сочтены, но никто изъ нихъ не помышлялъ о сдачѣ; на глазахъ своихъ женъ и матерей погибли доблестные борцы славной смертью храбрыхъ, оставшись вѣрными своей клятвѣ, вѣрѣ православной и русской землѣ.

Жены Смоленскія не пережили своихъ мужей; не отдали себя и свой послѣдній кровъ на поруганіе врагу. Видя, что пробилъ часъ ихъ смерти, онѣ подожгли пороховой запасъ, хранящійся въ подвалахъ Соборныхъ, и взорвали себя на воздухъ, вмѣстѣ со своими дѣтьми, драгоцѣнностями, городскою казною и славою.....

Увлеченные боемъ враги оцѣпенѣли отъ этого взрыва; забывъ на время свою побѣду, въ ужасѣ оглянулись они... и что видятъ?! Массу труповъ, дымящіяся развалины Собора, пылающіе кругомъ дома, и около послѣднихъ тѣ немногіе, кто не успѣлъ еще погибнуть, бросаютъ, забывъ самихъ себя, въ разгорающееся все больше и больше пламя, свои драгоцѣнности, свои послѣдніе пожитки, своихъ дѣтей, толкаютъ въ огонь своихъ женъ, бросаются сами..... все гибнетъ, но не сдается.

Лишь у одной изъ башенъ идетъ еще бой — здѣсь затворились воеводы съ своими семьями. Объятыя ужасомъ жена и дѣти Шеина на колѣняхъ молятъ его спасти себя, спасти ихъ... и дрогнуло мужественное сердце... Нѣтъ больше Смоленска... и самъ онъ не воевода больше... теперь онъ только мужъ и отецъ... И выпалъ мечъ изъ рукъ доблестнаго защитника Смоленска... и поляки съ гордостью
50. могутъ сказать, что славный Шеинъ ихъ плѣнникъ.

Такъ погибъ Смоленскъ жертвою своей вѣрности отчизнѣ и вѣрѣ православной; погибъ, удержавъ въ теченіи двухъ лѣтъ, въ самое тяжелое для всѣхъ русскихъ время, подъ стѣнами своими многочисленную, сильную вражью рать, и спасъ Россію. Не задержи Смоленскъ Сигизмунда, и послѣдній прошелъ-бы въ Москву, и кто знаетъ, что было-бы тогда съ Русью православной.

Глава V.

Смоленскъ подъ властью Польши. Стремленія Москвы вернуть его и окончательное присоединеніе Смоленска къ Царству Русскому.

3-го Іюня 1611 г. Смоленскъ, послѣ двѣнадцати мѣсячной геройской обороны, былъ наконецъ взятъ Поляками. Сигизмундъ торжествовалъ: блестящій трехдневный пиръ, данный имъ своимъ сподвижникамъ, выбитыя въ память взятія Смоленска медали, торжественный въѣздъ въ Варшаву, слѣдовало одно за другимъ. 1.

Но вмѣстѣ съ паденіемъ Смоленска изсякла и вся энергія Поляковъ: истомленная продолжительною, упорною борьбою съ мужественными Смольянами, польская армія, потерявъ до двухъ третей своего состава, оказалась уже не въ силахъ двинуться дальше вглубь Россіи; раздались требованія возвратиться домой, и Сигизмундъ принужденъ былъ распустить ее. 2.

Смоленскъ во второй разъ перешелъ въ чужія руки. Но какая разница между первымъ его присоединеніемъ въ 1404 г. къ Великому Княжеству Литовскому и настоящимъ завоеваніемъ! Тогда Витовтъ присоединяетъ къ своему Княжеству богатый, многолюдный городъ; присоединяетъ безъ кровопролитія, путемъ мудрой политики и оставляетъ ему въ полной неприкосновенности и вѣру, и языкъ, и всѣ порядки старорусской общественной жизни. Теперь-же Королю Польскому послѣ цѣлаго ряда кровопролитныхъ боевъ, послѣ долговременной бомбардировки удалось овладѣть лишь грудою безобразныхъ развалинъ богатаго и красиваго передъ этимъ города, въ которомъ современники насчитывали до 8 тысячъ домовъ и до 80 тысячъ чело-

3. вѣкъ населенія. Сигизмунду удалось овладѣть стѣнами Смоленскими, но ему не удалось овладѣть людьми, жившими среди этихъ стѣнъ. Смольяне, какъ порѣшили лучше помереть, но не покориться Польскому Королю и панамъ рады его, такъ и сдѣлали. Во время осады и послѣдняго штурма погибло до 70 тысячъ человѣкъ, и 3-го Іюня Полякамъ удалось захватить въ плѣнъ и увести съ собою въ Польшу лишь самое
4. незначительное число Смольянъ.

Смоленскъ опустѣлъ. Среди голыхъ стѣнъ остался теперь лишь польскій гарнизонъ, занятый исправленіемъ крѣпостныхъ построекъ. Въ непродолжительное время разрушенныя стѣны и башни были реставрированы, а на мѣстѣ пролома, чрезъ который ворвались въ городъ Поляки, былъ сооруженъ земляной кронверкъ, имѣющій фигуру правильнаго пятиугольника съ фасами бастіоннаго начертанія, и съ профилью временныхъ укрѣпленій; сооруженіе это сохранилось по нынѣ
5. и извѣстно среди Смольянъ подъ названіемъ «Королевская крѣпость.»

Городъ, занимавшій такое выгодное въ торговомъ отношеніи мѣсто, такая сильная крѣпость, какъ Смоленскъ, не могъ, конечно, долго оставаться безлюднымъ. Понемногу изъ разныхъ Польскихъ и Литовскихъ городовъ съѣзжаются сюда предпріимчивые купцы, мѣщане, и городъ вновь заселяется, но заселяется уже людьми, не только чуждыми, но и враждебными всему русскому. Въ разсматриваемое нами время въ Польшѣ и въ совершенно ополяченной уже Литвѣ царствовала крайняя религіозная нетерпимость. Схизматику русскому не было уже мѣста среди фанатичныхъ католиковъ; все, что могло хотя какъ нибудь напоминать Рѣчи Посполитой о Руси, о православіи — все это преслѣдовалось и угнеталось безъ пощады. Смоленскъ, подпавъ подъ власть Польши, не избѣгъ общей участи бывшихъ русскихъ городовъ, и Польское правительство, даровавъ новымъ гражданамъ Смоленскимъ обширныя права и привиллегіи, въ то-же время сдѣлало съ своей стороны все, что-бы не дать возможности развиться здѣсь русскому элементу. Что-бы яснѣе обрисовать положеніе Смоленска въ первое время по присоединеніи его къ Польшѣ, мы позволимъ себѣ привести Грамоту Сигизмунда отъ 4-го Ноября 1611 года, изъ которой читатель можетъ ясно видѣть программу новой общественной жизни г. Смоленска и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснить, насколько трудно было-бы существовать въ этомъ новомъ, польскомъ городѣ русскому человѣку. «Божею Милостію Мы Сигизмундъ III и т. д. Объявляемъ сею нашею грамотою всѣмъ вообще, и всякому порознь, кому о семъ знать надлежитъ, что, когда Мы благополучно съ Божею помощью обратно получили городъ Нашъ Смо-

ленскъ, отторгнутый несправедливо въ прежнія времена отъ Великаго Нашего Литовскаго Княжества непріятелемъ Нашимъ Княземъ Московскимъ, и бывшій въ неправедномъ его владѣніи, то доложено намъ было нѣкоторыми сенаторами и чиновниками Нашими прошеніе отъ имени многихъ и разныхъ купцовъ, ремесленниковъ, сидѣльцевъ и прочихъ Нашихъ подданныхъ, прибывшихъ изъ разныхъ мѣстъ и городовъ Нашихъ въ городъ Нашъ Смоленскъ и въономъ жительство свое имѣть вознамѣрившихся, дабы Мы имъ пожаловали Тевтоническое Магдебургское право по примѣру прочихъ нашихъ городовъ, Магдебургскими правами пользующихся. А какъ таковое прошеніе не токмо основано на справедливости, но и клонится къ знаменитой Нашей и республики выгодѣ, то Мы для возстановленія и распространенія города Нашего Смоленска заблагоразсудили соизволить и склониться на оное, какъ и соизволяемъ: Жалуемъ сею грамотою Нашею Тевтонское Магдебургское право и позволяемъ пользоваться онымъ всѣмъ нынѣшнимъ и будущимъ обывателямъ помянутаго города Смоленска, какъ внутри, такъ и внѣ онаго живущимъ и жить имѣющимъ на обоихъ берегахъ рѣки Днѣпра, и освобождаемъ ихъ отъ всѣхъ вообще властей и отъ всякаго начальства всѣхъ чиновниковъ, какимъ-бы именемъ оно не именовалось, а подчиняемъ ихъ одному только начальству Смоленскаго Войта и Магдебургскому праву. Такъ что помянутые Смоленскіе обыватели, купцы, сидѣльцы, ремесленники, мясники, рыбаки, торгующіе овсомъ и сѣномъ и прочими всякими вещами, не должны повиноваться и быть подчинены никакому другому начальству, ни подъ какимъ видомъ, кромѣ Войта и городового Смоленскаго Магистрата, съ своими домами, пахотными землями, со всѣмъ владѣніемъ, товарами и ремесленничествомъ; сверхъ того всѣ иногородные купцы, сидѣльцы и перекупщики обязаны объявлять помянутому городовому Магистрату о своемъ пріѣздѣ въ городъ, пріѣдутъ-ли они въ оный сухимъ путемъ или водою, складывать свои товары въ публичныхъ амбарахъ, которые построятся для таковаго употребленія, и зависятъ отъ онаго въ разсужденіи своихъ товаровъ; а если-бы какіе нибудь дворяне имѣли дома, или другія какія владѣнія, то долженствуютъ состоять подъ властію Смоленскаго городового Магистрата и нести городскія тягости, развѣ-бы были освобождены отъ сего особыми Нашими привиллегіями. Членами-же въ оный Магистратъ, состоящій изъ Бургомистра, Ратмановъ и Лавниковъ, сообразно съ предписаніемъ Магдебургскаго права и съ обыкновеніемъ города Нашего Вильно, должно выбирать ежегодно между собою въ началѣ новаго

*

года, по согласію всего общества, людей честныхъ и знающихъ Магдебургское право и, по учиненіи оными присяги, поручать имъ право производить судъ съ тѣмъ однако-жъ, что-бъ сіи избираемые члены были православнаго Римско-Католическаго исповѣданія; что-же касается до Войтовъ, которые также должны быть Католики, помянутаго города Смоленска, то власть опредѣлять оныхъ предоставляемъ Намъ самимъ и преемникамъ Нашимъ Королямъ Польскимъ и Великимъ Князьямъ Литовскимъ; такъ и теперь, желая неукоснительно устроить порядокъ въ семъ Нашемъ городѣ, назначаемъ и опредѣляемъ Смоленскимъ Войтомъ благороднаго Афанасія Гіеронима Цеховича, наукъ и философіи магистра, который Войтъ, нами опредѣленный, и Городовой Смоленскій Магистратъ, состоящій изъ Бургомистровъ, Ратмановъ и Лавниковъ, избираемый по согласію общества, обязаны отнынѣ разбирать и судить всѣ дѣла и тяжбы въ своемъ судѣ по обыкновенію и по предписанію Магдебургскаго, а не другого права, наказывать виновныхъ, чинить неукоснительное правосудіе, какъ своимъ обывателямъ, такъ и иногороднимъ, жалующимся на Смоленскихъ обывателей; приговоры-же и всякія Магдебургскія дѣла должны писать теперь, въ началѣ учрежденія городового права, на польскомъ, а по истеченіи отъ сего времени десяти лѣтъ на латинскомъ только, а не на какомъ нибудь другомъ языкѣ..... Притомъ всемилостивѣйше жалуемъ для печатанія судебныхъ и гражданскихъ дѣлъ городового Смоленскаго Магистрата печать, имѣющую изображеніе Св. Архангела Михаила, одѣтаго въ желѣзныя латы и держащаго въ правой рукѣ обнаженный мечъ, а ногами попирающаго крылатаго дракона въ красномъ полѣ. Сверхъ того позволяемъ мы въ семъ нашемъ городѣ Смоленскѣ отправлять ярмарки дважды въ годъ, т. е. въ праздникъ Іоанна Крестителя и въ день Св. Апостола Матвѣя, продолжающіяся всякій разъ четыре недѣли, и имѣть торгъ всякую недѣлю два раза — въ среду и въ субботу; на которыя ярмарки и на торжище позволяемъ мы купцамъ, перекупщикамъ, сидѣльцамъ, извощикамъ, ремесленникамъ, обывателямъ, поселянамъ и всѣмъ прочимъ пріѣзжать съ разными товарами и оные въ городѣ всенародно продавать, скупать, мѣнять и распоряжаться оными всякому по своему произволенію. А что-бъ помянутый Нашъ городъ привесть въ лучшее состояніе и устройство, дозволяемъ Мы также имѣть оному вѣсы или гирю для вѣсу всякихъ товаровъ, локоть, бочку, медовую мѣру, называемую медвица, и прочія всякія мѣры по употребленію и по обычаю Нашего города Вильны, которыя Мы повелѣваемъ Городовому Магистрату сообщать обывателямъ и купцамъ.

Къ тому-жъ позволяемъ Мы еще тѣмъ же Смоленскимъ обывателямъ и купцамъ выстроить хорошо укрѣпленный домъ для склада и чищенія воску, а для прочихъ товаровъ другой гостиный дворъ. Также всенародную каменную баню и мясные ряды въ приличномъ мѣстѣ, мельницы, бумажный заводъ и суконныя фабрики на рѣкѣ Днѣпрѣ, текущей около городской стѣны (только-бы не было никакого помѣшательства въ судоходствѣ); за городомъ-же въ безопасныхъ мѣстахъ пивоварню и винокурню съ котлами и съ прочими подобными снарядами, и наконецъ печи для жженія кирпича и извести и для отправленія въ оныхъ разныхъ употребляемыхъ работъ, а на рѣкѣ Днѣпрѣ, съ одной стороны города пространствомъ въ одну милю, а съ другой на другую, производить рыбную ловлю. Подать-же надлежащую брать по общему обыкновенію съ вѣсовъ и мѣръ, съ мясныхъ рядовъ и со всего вышеписаннаго; такъ-же и торговую со всѣхъ привозимыхъ товаровъ, какъ-то: съ соли, съ сельдей, со всякой рыбы, и со скота, пошлину съ лошадей, съ повозокъ, съ водоходныхъ судовъ и со всякихъ проданныхъ вещей, которыя обыкновенно въ такихъ случаяхъ берутся, съ тѣмъ однако-жъ, что-бъ таковые доходы отнюдь не были употребляемы ни на чьи частныя, но на общія города Нашего Смоленска нужды. Суммы эти, которыя Мы жалуемъ городу Нашему Смоленску на вѣчныя времена, хранить въ городовой казнѣ; причемъ повелѣваемъ Магистрату управлять оными для пользы города и отдавать отчетъ всякій годъ въ приходахъ и расходахъ Войту, обществу и назначенному отъ Насъ коммиссару.

Сверхъ того позволяется всѣмъ обывателямъ города Нашего Смоленска производить всякіе торги какъ водою, такъ и сухимъ путемъ, брать и отдавать въ наймы водоходныя суда, товары по своему произволенію покупать, продавать, мѣнять и располагать оными по своему желанію безъ всякаго препятствія..... Позволяется тѣмъ-же Смоленскимъ Нашимъ обывателямъ всякіе напитки, какъ дѣлать дома, такъ и изъ другихъ мѣстъ привозить и продавать назначенною отъ Магистрата мѣрою. За сію-же продажу напитковъ Смоленскіе Наши обыватели въ теченіи двѣнадцати лѣтъ, считая отъ нынѣшняго числа, не платятъ никакой пошлины; по прошествіи-же двѣнадцати лѣтъ они обязаны платить такую-же подать, какую платитъ городъ Вильно, т. е. сборъ копъ. Коварныхъ Жидовъ и Татаръ вовсе удаляемъ отъ помянутаго Нашего города Смоленска и отъ его предмѣстій, такъ что не могутъ они никогда въ ономъ ни жить, ни имѣть какое нибудь владѣніе, ниже торговать, кромѣ ярморокъ и торжищъ, которыя никому не

должны быть запрещены, и тѣмъ паче не могутъ они быть опредѣляемы ни въ какія должности.... Позволяемъ также учредить въ помянутомъ городѣ Смоленскѣ нѣкоторыя общества или цехи ремесленные... Притомъ, дабы помянутый Нашъ городъ имѣлъ и земельныя пособія, то Мы повелѣваемъ Комиссарамъ Нашимъ отвести оному извѣстное число уволокъ земли и сѣнныхъ покосовъ и нѣкоторую часть лѣса, а пока сіе не послѣдуетъ, городъ не обязанъ давать подводъ Нашимъ чиновникамъ.

Къ тому-жъ Смоленскіе Наши обыватели въ разсужденіи сей Нашей милости и дарованныхъ имъ отъ Насъ выгодъ, должны для украшенія города построить въ самой онаго срединѣ каменную ратушу, купить боевые часы и поставить оные на ратушѣ, всякій разъ починять, коль скоро испортятся; содержать трубача, выстроить каменныя лавки по образцу другихъ городовъ, и съ оныхъ годовой доходъ въ пользу города выбирать; сверхъ сего частные дома пріѣзжимъ для постоевъ—деревянные или каменные всякъ по своему состоянію долженъ строить выгодные и способные (и что-бы были красивые), и кто какой выстроитъ, будетъ имъ владѣть ненарушимо по вѣчному и наслѣдственному праву; а дабы оный-же городъ былъ всегда въ состояніи къ отраженію всякихъ напастей, приказали Мы оный раздѣлить на кварталы.

Соизволяя и опредѣляя, дабы сія грамота во всѣхъ своихъ статьяхъ вѣчно была ненарушимою, ручаемся за Себя и за преемниковъ Нашихъ Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ. Дана въ Варшавѣ на Главномъ Варшавскомъ Сеймѣ, Ноября 4 дня 1611 г.
6. Король Сигизмундъ». (Подлинная на Польскомъ языкѣ).

Изъ приведенной грамоты ясно видно, насколько былъ не у мѣста въ это время въ Смоленскѣ русскій православный человѣкъ: разъ онъ пожелалъ-бы здѣсь жить, пользоваться правами гражданства, то прежде всего долженъ былъ-бы позабыть и свою религію и свой родной языкъ. Вѣра православная въ особенности подверглась гоненію. Всѣ православные храмы, уцѣлѣвшіе отъ бомбардировки, были обращены въ католическіе. На развалинахъ Соборной церкви сооруженъ каменный костелъ съ деревяннымъ верхомъ и куполомъ; монастыри—Вознесенскій Дѣвичій обращенъ въ Іезуитскій, Авраамієвскій—въ Доминиканскій Кляшторы; при церкви Св. Апостоловъ Петра и Павла была устроена католическая епископія; на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Троицкій Монастырь, построили Бернардинскій Кляшторъ; древняя церковь во имя Св. Архистратига Михаила также была обращена въ

Костелъ. Православной-же церкви не оставили ни одной. Естественнымъ результатомъ подобныхъ мѣропріятій было то, что древній русскій городъ превратился въ самое короткое время въ чисто польскій.

То, что происходило въ Смоленскѣ, тоже въ значительной степени было и во всей Смоленской области. Мы видѣли уже раньше, какъ жители Смоленской области довѣрчиво, безъ всякаго сопротивленія покорившіеся Королю Польскому, писали въ 1611 г. въ Москву: «обольщенные Королемъ мы ему не противились. Что-жъ видимъ теперь? Гибель душевную и тѣлесную. Святыя церкви раззорены, ближніе наши въ могилахъ или въ узахъ....». Правда, то было военное время, когда допустимы многія крайности. Но и по окончаніи войны мало утѣшительнаго было въ положеніи русскаго населенія Смоленской области. Старыя, русскія, боярскія и дворянскія имѣнія съ населявшими ихъ крестьянами были розданы во владѣніе Польскимъ шляхтичамъ, проникнутымъ ненавистью ко всему русскому; очевидно, что положеніе русскаго крестьянина не могло быть особенно пріятно въ рукахъ этихъ новыхъ его господъ. Ненависть къ русскимъ такъ 7
глубоко коренилась среди новаго дворянства Смоленскаго, что проявленія ея были замѣтны даже въ концѣ прошлаго столѣтія. Сохранились записки одного изъ представителей многочисленной Смоленской дворянской семьи гг. Энгельгардтъ, бывшихъ Смоленскихъ шляхтичей, Льва Николаевича Энгельгардта. Въ началѣ своихъ записокъ онъ съ гордостью указываетъ, что его отецъ, Николай Богдановичъ, былъ однимъ изъ первыхъ Смоленскихъ дворянъ, рѣшившихся жениться на Великороссіянкѣ. «Ибо со временъ Алексѣя Михайловича они по привязанности къ Польшѣ женились сначала на Полькахъ», а затѣмъ, когда это началось строго преслѣдоваться (въ царствованіе Анны Іоанновны), «то сперва по ненависти къ Русскимъ, а потомъ по обычаю, всѣ Смольяне женились на Смольянкахъ». 8.

Сто пятьдесятъ лѣтъ спокойной жизни Смоленской шляхты подъ Скипетромъ Русскихъ Государей не могли изгладить у нихъ того чувства къ Русскимъ, которое развилось въ короткій, сорока трехъ лѣтній періодъ пребыванія Смоленска подъ властью Польши (1611—1654 г.). Насколько-же должна была быть сильна эта ненависть въ разсматриваемое время, и что должно было испытывать русское населеніе области? Тяжелое время!

Между тѣмъ въ Царствѣ Русскомъ, въ то время, какъ Поляки заселяли и обстраивали разрушенный ими-же Смоленскъ, происходятъ великія событія. Благодаря энергіи знаменитыхъ мужей, Минина и

Пожарскаго, православные объединились. Рать Нижегородская, предво-
димая княземъ Пожарскимъ, двигается противъ Поляковъ, засѣвшихъ
въ Москвѣ, и овладѣваетъ Кремлемъ; собирается Земскій Соборъ, вы-
бираетъ въ Цари Руси православной Михаила Ѳеодоровича Романова, и
Царство Русское, объединенное подъ Скипетромъ молодого Само-
9. держца, съ новыми силами возстаетъ противъ своихъ враговъ.

Забота о томъ, какъ-бы вернуть Смоленскъ, не оставляетъ
молодого Царя, и Князь Черкасскій съ войскомъ двигается въ Смо-
ленскую область. Къ сожалѣнію медлительность и корыстолюбіе
подчиненныхъ Князя Черкасскаго помѣшало ему довести дѣло до конца,
и онъ безъ успѣха долженъ былъ вернуться назадъ. Желаніе возвра-
тить Смоленскъ путемъ переговоровъ также не имѣло желаннаго успѣха,
и по Деулинскому перемирію, заключенному съ Поляками въ Декабрѣ
10. 1618 г., Смоленскъ остался за Польшею.

Вѣрность Польскому правительству новыхъ Смоленскихъ обывате-
лей, оказанная во время осады города войскомъ Князя Черкасскаго, и
возможность того, что въ непродолжительномъ времени могутъ послѣ-
довать и другія покушенія Русскихъ на Смоленскъ, были причиною ряда
новыхъ милостей Сигизмунда. Такъ: грамотою 1-го Февраля 1613 года
Смольянамъ разрѣшается устроить въ Касплѣ, на волокѣ, склады для
провозимыхъ черезъ этотъ пунктъ товаровъ, и отводится для этой цѣли
земля; грамотою 12-го Марта 1623 г. Смоленскимъ Войтамъ и Бурго-
мистрамъ предоставлено въ безъоброчное, вѣчное владѣніе 66 уволокъ
земли, мѣщанамъ—100 уволокъ, съ платою въ казну по 48 литовскихъ
грошей въ годъ; сверхъ того для нуждъ всего общества безоброчно
100 уволокъ чернаго лѣса и сѣнокосные луга, внизъ по правой сторонѣ
Днѣпра до рѣки Ольша и вверхъ по теченію до р. Колодня, всего 1000
морговъ, съ платою по 4 литовскихъ гроша въ годъ съ морга, и кромѣ
11. того около города выгонной земли на 5 верстъ.

Такимъ образомъ, не только городское Смоленское общество, но и
отдѣльные его представители сдѣлались обладателями крупныхъ земель-
ныхъ участковъ, а такъ какъ всѣ земли были дарованы вмѣстѣ съ на-
селявшими ихъ крестьянами, то Смоленскіе мѣщане явились владѣтелями
и послѣднихъ. Среди всѣхъ русскихъ городовъ Смоленскъ представ-
ляетъ изъ себя единственный примѣръ, когда купцы и мѣщане имѣли
право владѣть крестьянами; право это было сохранено за Смольянами
и по присоединеніи города обратно къ Россіи; не разъ подтверждалось
оно нашими Государями и было уничтожено лишь въ царствованіе Импе-
12. ратора Николая, въ 1846 году.

Послѣ Деулинскаго перемирія, пока былъ живъ Король Сигизмундъ, распри между Русью и Польшею затихли и дали возможность окончательно окрѣпнуть Смоленску. Оправилась и Русь православная: за 14 лѣтъ мирной жизни устроились постепенно ея внутреннія дѣла, выросла и ея военная сила. Сознаніе превосходства европейской системы вооруженія и способовъ вести войну заставило русское правительство нанять въ Германіи, Голландіи и Франціи опытныхъ въ военномъ дѣлѣ инструкторовъ и даже цѣлые иноземные полки. Взамѣнъ утерянныхъ въ періодъ смутнаго времени массы артиллерійскихъ орудій, таковыя въ большомъ количествѣ пріобрѣтены нами въ Голландіи. Цѣлые русскіе полки вооружены и до нѣкоторой степени обучены европейскому строю. **13.**

Въ 1632 году, умираетъ Сигизмундъ, въ Польшѣ начинаются выборы Короля и обыкновенныя при этомъ смуты и неурядицы. Царь Михаилъ Өеодоровичъ, никогда не покидавшій надежды вернуть рано или поздно древнія русскія области, утраченныя въ тяжелое время междуусобицы, рѣшается воспользоваться царящими въ Польшѣ безпорядками, что-бы попытаться овладѣть Смоленскомъ.

Въ Августѣ 1632 г., прекрасно вооруженная и обученная стотысячная русская армія двигается изъ подъ Москвы къ Смоленску, подъ начальствомъ, вернувшагося послѣ Деулинскаго перемирія изъ Польскаго плѣна, боярина Шеина, знаменитаго уже своею геройскою обороною этого города, хорошо знакомаго со всѣми сильными и слабыми сторонами той твердыни, которою теперь ему нужно было овладѣть.

Въ Октябрѣ Шеиновская армія подошла къ Смоленску. Шеинъ, зная, какъ трудно овладѣть городомъ открытою силою, рѣшилъ блокировать его, ведя въ то же время постепенную атаку на юго-восточную часть крѣпостной ограды. Не останавливаясь на постепенномъ ходѣ осады, тянувшейся десять мѣсяцевъ, мы должны замѣтить, что вся операція велась очень вяло и нерѣшительно.

Начало было еще удачно: въ Себежѣ Русскіе захватили 28 пушекъ и 800 гайдуковъ, высланныхъ на помощь Смоленску; въ Февралѣ 1633 г. былъ разбитъ подъ Смоленскомъ трехъ-тысячный польскій отрядъ, стремившійся пробраться въ осажденный городъ; отдѣльные русскіе отряды, высланные впередъ, также успѣшно громили Поляковъ; но главная цѣль похода — Смоленскъ стоялъ непоколебимо. Настало лѣто. **14.**
Крымскіе татары, подкупленные Королемъ Польскимъ Владиславомъ, обрушились на нашу Украйну. Слухъ объ этомъ набѣгѣ дошелъ до Смоленска и вызвалъ панику въ рядахъ Шеиновской арміи, въ которой было много бояръ и дѣтей боярскихъ и изъ южныхъ нашихъ горо-

довъ. Начались побѣги; армія таяла, и Шеинъ оказался въ критическомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что Королю Владиславу удалось наконецъ водворить въ Польшѣ порядокъ и собрать войско, съ которымъ въ Августѣ
15. мѣсяцѣ онъ уже двигается на выручку Смоленска.

Къ этому времени русскія силы, разбитыя на нѣсколько отдѣльныхъ, блокирующихъ крѣпость отрядовъ, были расположены слѣдующимъ образомъ.

16. Главный станъ Шеина занималъ возвышенное мѣсто на лѣвомъ берегу Днѣпра, къ востоку отъ Смоленска, тамъ, гдѣ теперь раскинулась дер. Шеинъ Острогъ. Рядомъ съ главнымъ станомъ, ближе къ городу, по берегу-же рѣки, расположился лагерь 12 тысячъ татаръ; оба лагеря помимо земляныхъ укрѣпленій были окружены рогатками. Для сообщенія съ правымъ берегомъ были наведены два моста, прикрытые—одинъ равелиномъ, другой деревяннымъ частоколомъ. Близь моста находилась пристань для судовъ, хлѣбопекарни, квасоварни и различные склады для всей русской арміи. Для непосредственной блокады и осадныхъ работъ были выдвинуты слѣдующіе отряды:

1) Нѣмецкій отрядъ полковника Карла Якова, расположенный станомъ за Рачевскимъ оврагомъ, близь берега Днѣпра, имѣлъ своею задачею веденіе постепенной атаки противъ сѣверо-восточной части крѣпостной ограды и содѣйствіе отряду Маттиссона, занимавшему Покровскую гору, на случай вылазокъ Смоленскаго гарнизона. Для послѣдней цѣли была выдвинута впередъ батарея, «поражающая частыми выстрѣлами стражу городскаго моста», существовавшаго въ то время тамъ-же, гдѣ находится и теперешній. Станъ былъ укрѣпленъ ретраншаментомъ съ двойнымъ банкетомъ. Изъ стана были выведены траншеи въ Рачевскій оврагъ; впереди послѣдняго построены батареи, одна о трехъ, а другая о четырехъ орудіяхъ для дѣйствія по городской стѣнѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ изъ оврага-же были выведены подступы и минная галлерея противъ Поздняковой башни (она-же Роговка). Всѣ эти работы остались безъ всякаго результата; что помѣшало Карлу Якову довести дѣло до конца и подорвать башню—неизвѣстно.

2) Выше по Рачевскому оврагу, за теперешней Офицерской Слободой, находился станъ маршала Лесли, имѣвшаго подъ своимъ начальствомъ нѣмецкіе и англійскіе полки; къ одному изъ нѣмецкихъ полковъ былъ прикомандированъ «вооруженный пищалями и пиками русскій полкъ». Станъ былъ прикрытъ отъ вылазокъ гарнизона крѣпости ретраншаментомъ.

На долю войскъ Лесли выпало вести главную атаку. Осадныя работы пришлось начать, когда уже настала зима; земляныя работы при

сильно промерзшемъ грунтѣ, на мѣстности ровной, хорошо обстрѣливаемой съ крѣпостныхъ стѣнъ, надолго-бы затянули дѣло и вызвалибы большую потерю въ людяхъ, и Лесли строитъ первый свой ложементъ съ двойнымъ банкетомъ изъ туровъ, набитыхъ снѣгомъ. Сооруженіе это, по словамъ Гундіуса, оказалось настолько прочно, что туры были «непроницаемы для выстрѣловъ изъ самыхъ большихъ орудій даже до лѣтняго времени». Изъ этого ложемента были выведены дальнѣйшіе траншеи и минныя галлереи. Вмѣстѣ съ тѣмъ были построены три батареи, вооруженныя тяжелыми осадными орудіями (отъ 48 до 70 фунтоваго калибра). Энергичное дѣйствіе этихъ орудій не замедлило произвести обвалъ стѣны въ томъ мѣстѣ, которое извѣстно теперь подъ именемъ Шеинова пролома. Съ неменьшимъ успѣхомъ подвигались впередъ и минныя работы: подъ третью отъ Молоховскихъ воротъ башню была подведена мина, и красивая, художественной постройки, круглая башня взлетѣла на воздухъ, открывъ проходъ нашимъ войскамъ. Къ сожалѣнію конецъ дѣла не соотвѣтствовалъ началу. Ни одинъ изъ русскихъ отрядовъ не поддержалъ атаки Лесли; поляки-же, въ ожиданіи обвала стѣны, успѣли укрѣпить «старый валъ, позади стѣны находящійся, который составлялъ укрѣпленіе города, прежде сооруженія стѣнъ; на этомъ валѣ по Московскому обычаю былъ весьма искусно устроенъ ложементъ съ деревяннымъ частоколомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подѣланы огромные срубы для помѣщенія батарей».

Противъ пролома въ стѣнѣ, произведеннаго огнемъ нашей артиллеріи, поляки успѣли поставить двѣ каменометныя пушки и, благодаря полнѣйшему бездѣйствію остальныхъ нашихъ отрядовъ, собрать къ этому пункту всѣ свои силы. Самый взрывъ подкопа оказался для насъ весьма неудачнымъ: русскія войска, скученныя въ ожиданіи взрыва въ ближайшихъ къ стѣнѣ траншеяхъ, были осыпаны массою обломковъ, а когда бросились на штурмъ, встрѣчены сильнымъ огнемъ противника изъ за стараго крѣпостнаго вала и принуждены были отступить. 17.

Неудача первой попытки заставила Лесли начать вести новый подкопъ подъ сосѣднюю башню, а полковникъ Фоксъ началъ минныя работы противъ Круглой башни, находящейся за Авраамієвскимъ монастыремъ; о этихъ работахъ Гундіусъ пишетъ: «апроши полковника Фокса были такъ близко подведены къ стѣнѣ, что съ оной представлялась возможность забрасывать ихъ камнями; изъ своихъ апрошъ онъ пытался дѣлать въ разныхъ мѣстахъ подкопы, но такъ какъ оказавшіеся въ тѣхъ мѣстахъ ключи не могли быть отведены, то галлереи постоянно наводнялись, а потому ни одинъ изъ подкоповъ не могъ

быть устроенъ». Окончанiю-же работъ, предпринятыхъ Лесли, помѣшало прибытiе Короля Владислава.

3) Многочисленный отрядъ Князя Прозоровскаго расположился станомъ кругомъ Троицкаго монастыря, близь деревни Кловки, на берегу Днѣпра, занявъ сильную позицiю, укрѣпленную ретраншаментомъ, построеннымъ «по Московскому обычаю». Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что очень многiе прiемы оборонительной войны, выработанные русскими, останавливали на себѣ особенное вниманiе поляковъ и находили въ послѣднихъ, во многихъ случаяхъ, усердныхъ подражателей. Гундiусъ въ своемъ описанiи осады Смоленска очень часто упоминаетъ про различныя фортификацiонныя работы поляковъ, сдѣланныя «по Московскому обычаю».

Дѣйствiя Прозоровскаго ограничивались лишь блокадою, а потому мы на нихъ и не останавливаемся. Отдѣльные его отряды подъ начальствомъ полковниковъ Дама и Карла-Губерта де Атель были выдвинуты ближе къ Смоленску, причемъ первый построилъ батарею для дѣйствiя по угловой (Богословской) башнѣ и вдоль теченiя Днѣпра и укрѣпилъ возвышенность за срединою Свирской слободы, по правую сторону дороги, ведущей отъ Свирской церкви къ дер. Чернушки. Двухъ-тысячный отрядъ Карла-Губерта, составленный изъ французскихъ, нѣмецкихъ полковъ и «вооруженныхъ по нѣмецки Москвитянъ», занялъ дер. Чернушки. Между этой деревней и станомъ Лесли шелъ рядъ отдѣльныхъ укрѣпленiй, связанныхъ между собою траншеями и огражденныхъ со стороны поля линiею рогатокъ и цѣпью конныхъ отводныхъ карауловъ.

4) Покровская гора, на правомъ берегу Днѣпра, была занята отрядомъ Маттиссона. Главный его станъ, окруженный ретраншаментомъ, былъ расположенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь высится зданiе Военнаго Госпиталя; нѣсколько ближе къ городу, на спускѣ горы были устроены два редута съ ложементами и двухъ-орудiйная батарея. Церковь св. Петра и Павла также была укрѣплена и охранялась отрядомъ «отборныхъ воиновъ». Сообщенiе съ войсками, расположенными на лѣвомъ берегу Днѣпра, могло производиться по мостамъ, устроеннымъ при станахъ Шеина и Прозоровскаго, но мосты эти находились сравнительно въ дальнемъ разстоянiи (4 и 3 версты) и были отдѣлены отъ стана Маттиссона лѣсами и цѣлымъ рядомъ глубокихъ, болотистыхъ овраговъ.

Ко времени прибытiя Владислава, Смоленскъ, охваченный желѣзнымъ кольцомъ русскихъ отрядовъ, изнемогая отъ десятимѣсячной осады, готовъ былъ уже сдаться. Прибытiе Короля дало другой оборотъ дѣлу.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 20-ти тысячный польскій корпусъ, подъ личнымъ предводительствомъ самого Владислава, подошелъ къ Смоленску и остановился у дер. Боровой, на лѣвомъ берегу Днѣпра въ 7 верстахъ отъ города. Здѣсь къ полякамъ присоединились 15 тысячъ Запорожскихъ казаковъ. Выяснивъ себѣ расположеніе русскихъ войскъ, Владиславъ рѣшается двинуться противъ Маттиссона, какъ наиболѣе изолированнаго отъ другихъ. Укрѣпивъ свой станъ у дер. Боровой линіею рогатокъ и построивъ укрѣпленіе, польская армія наводитъ черезъ Днѣпръ два моста и въ ночь съ 6 на 7 Августа переправляется на правый берегъ. Всѣ тяжести оставлены въ станѣ подъ прикрытіемъ четырехъ-тысячнаго отряда.

Рядъ бывшихъ передъ этимъ стычекъ съ войсками Прозоровскаго, видимо, усыпили бдительность русскихъ начальниковъ, и послѣдніе, не ожидая движенія поляковъ противъ Маттиссона, не приняли никакихъ мѣръ къ усиленію его отряда.

Пересѣченная, покрытая густымъ лѣсомъ мѣстность, окружавшая станъ Маттиссона, какъ нельзя болѣе способствовала скрытому движенію поляковъ. Въ три часа утра польскія войска, обойдя Маттиссона съ тыла, пошли въ атаку. Русскія войска построились между укрѣпленіемъ и рогатками и огнемъ встрѣтили поляковъ, пытавшихся разрушить преграждавшую имъ путь линію рогатокъ. Послѣ упорнаго, продолжительнаго боя полякамъ удалось оттѣснить нашихъ, и Маттиссонъ принужденъ былъ отступить въ свой укрѣпленный станъ.

Одновременно съ атакою Королевскихъ войскъ была сдѣлана вылазка Смоленскимъ гарнизономъ. Осажденные, выйдя изъ города, переправились черезъ мостъ, ударили на выдвинутые впередъ редуты и батарею Маттиссона и заняли ихъ; Маттиссонъ оказался охваченнымъ съ двухъ сторонъ. Этимъ успѣли воспользоваться поляки, и Принцъ Казиміръ, направившись по дорогѣ, проходившей за оврагомъ, окружавшимъ русскій станъ съ восточной стороны, успѣлъ провезти въ городъ, подъ прикрытіемъ пѣхотнаго полка, порохъ и другіе необходимые осажденнымъ припасы. Подать Смоленскому гарнизону эту помощь и было, видимо, главною цѣлью нападенія поляковъ на Маттиссона, такъ какъ на другой-же день они, не смотря на свой видимый успѣхъ, вернулись обратно въ станъ у дер. Боровой.

Почему никто изъ сосѣднихъ русскихъ отрядовъ не поддержалъ Маттиссона, является положительною загадкою. Поляки, правда, приняли мѣры, чтобы воспрепятствовать Прозоровскому переправить войско на правый берегъ, назначивъ для этого отдѣльный отрядъ Казановскаго;

но послѣдній, подойдя къ предмостному укрѣпленію, былъ встрѣченъ такимъ огнемъ, что потерялъ по словамъ Гундіуса 500 человѣкъ убитыми, и тѣмъ не менѣе Прозоровскій не воспользовался этимъ и въ наступленіе не перешелъ.

Отряды полковниковъ Дама и Карла-Якова, находясь въ одной верстѣ отъ городскаго моста, по которому переправился на другой берегъ отрядъ Смоленскаго гарнизона, то-же, какъ видно, ничего не сдѣлали, что-бы помѣшать этой переправѣ. Точно также безразлично отнесся къ атакованному Маттиссону и Шеинъ, которому уже кажется ничто не могло помѣшать выслать изъ острога помощь. Вообще въ данномъ случаѣ, какъ раньше при штурмѣ Смоленска войсками Лесли и какъ увидимъ дальше, въ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ замѣчается полнѣйшее отсутствіе объединяющей власти и вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе сознанія у отдѣльныхъ начальниковъ обязанности взаимной поддержки.

Подавъ необходимую помощь гарнизону Смоленска и выяснивъ при этомъ общее расположеніе русскихъ отрядовъ, а положеніе Маттиссона въ особенности, польскія войска вернулись обратно въ свой станъ у дер. Боровой. Здѣсь былъ выясненъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій противъ русскихъ, при чемъ первою задачею было поставлено прорвать блокаду, обративъ для этого всѣ силы противъ Маттиссона.

Большія потери, понесенныя поляками въ дѣлѣ съ Маттисономъ 7-го Августа, заставили ихъ отказаться отъ мысли овладѣть русскимъ craномъ открытою силою; рѣшено—сначала прервать сообщеніе Маттисона съ Прозоровскимъ и съ Шеиномъ постройкою кругомъ русскаго стана укрѣпленій и, стѣснивъ такимъ образомъ русскихъ, затѣмъ лишь попытаться атаковать ихъ. Для этого дѣлается слѣдующее: Князь Радзивиллъ съ Литовскими полками и Запорожцами переходитъ на правый берегъ Днѣпра; высланный впередъ авангардъ подходитъ къ предмостному укрѣпленію Прозоровскаго и, построивъ здѣсь себѣ траншеи, преграждаетъ русскимъ войскамъ лѣваго берега возможность движенія на Покровскую гору. Радзивиллъ занимаетъ Стклянную гору (гдѣ нынѣ артиллерійскіе склады); Запорожскіе казаки располагаются станомъ на сосѣдней къ западу высотѣ и укрѣпляютъ свою позицію шанцами, устроенными на скатѣ горы, обращенномъ къ рѣкѣ. У подножія Стклянной горы Радзивиллъ строитъ ложементъ и двѣ батареи для обстрѣливанія укрѣпленій и траншей полковниковъ Дама и Карла Губерта, находящихся на другой сторонѣ рѣки. Изъ оврага, отдѣляющаго Покровскую гору отъ Стклянной, поляки повели подступы къ русскому стану. Чтобы сосредоточить свои силы, Маттиссонъ принужденъ былъ вывести

отряды, занимавшіе укрѣпленіе у церкви св. Петра и Павла и передовые редуты; Радзивиллъ распорядился немедленно занять ихъ своими ратниками, и станъ Маттиссона оказался такимъ образомъ окруженнымъ войсками Радзивилла съ южной и западной сторонъ.

Въ то же время польскіе войска подъ начальствомъ Владислава стѣснили Маттиссона съ сѣверной и съ восточной сторонъ. Устроенныя въ очень близкомъ разстояніи батареи громили русскій станъ, а рядъ ложементовъ, защищаемыхъ засѣвшими въ нихъ польскими пищальниками, препятствовалъ вылазкамъ осажденныхъ. Съ восточной стороны русскаго укрѣпленія тянулся оврагъ, чрезъ который проходила дорога къ Шеину Острогу. Что-бы пресѣчь сообщеніе съ Шеиномъ, поляки начинаютъ выдвигать по другую сторону оврага рядъ редутовъ. Напрасно Маттиссонъ употребляетъ усилія, такъ или иначе, отбросить медленно, но настойчиво наступающаго врага. Нѣсколько разъ Маттиссонъ предпринималъ вылазки; русскія войска отважно бросались на польскіе ложементы и редуты, выбивали изъ нихъ поляковъ и вновь должны были отступать въ свой станъ подъ натискомъ многочисленнаго противника. Въ то время, какъ вся польская армія сосредоточилась для дѣйствія противъ малочисленнаго отряда Маттисона, русскія войска оставались разбросанными кругомъ города, и никто даже не попытался помочь осажденнымъ. Единственная попытка Шеина поддержать Маттиссона до такой степени запоздала и была такъ ничтожна, что о ней не стоило-бы и говорить, если-бы она не дала случая выдѣлиться своею боевою доблестью стрѣлецкому войску. Подкрѣпленіе, посланное Шеиномъ состояло, по словамъ Гундіуса, изъ 6 полковъ конницы и тысячи стрѣльцовъ. Поляки успѣли выставить противъ нихъ три полка конныхъ копейщиковъ и пѣхотный полкъ Абрамовича и встрѣтить русскихъ на скатѣ горы, близь мѣста, занятаго теперь желѣзно-дорожною военною платформою. Русская кавалерія не выдержала натиска польскихъ копейщиковъ и повернула тылъ, бросивъ на произволъ судьбы свою пѣхоту. Но послѣдняя не дрогнула: «Стрѣльцы сражались храбро и жарко встрѣтили нашихъ копейщиковъ», пишетъ Гундіусъ; окруженные со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ противникомъ, они оказались не въ силахъ прорваться, но никто изъ нихъ не подумалъ о сдачѣ, и всѣ погибли въ неравномъ бою. Эта неудачная попытка поддержать Маттиссона заставила послѣдняго, что-бы спасти остатки своего отряда, бросить станъ и отойти на соединеніе съ Шеиномъ. Поляки довольные, что имъ удалось наконецъ прорвать линію блокады, не преслѣдовали и спокойно пропустили отрядъ Маттиссона.

Такимъ образомъ Владиславу удалось удачно разрѣшить первую часть своей задачи—освободить городъ отъ блокады.

Добившись того, что русскіе очистили Покровскую гору и тѣмъ дали возможность полякамъ безпрепятственно сообщаться съ осажденнымъ городомъ, Владиславъ рѣшается переправить на лѣвый берегъ Днѣпра часть своихъ войскъ и попытаться разбить по частямъ разбросанные кругомъ Смоленска, отдѣльные русскіе отряды. Польскій корпусъ, назначенный для этой цѣли, былъ составленъ изъ слѣдующихъ частей: 5 полковъ казаковъ, 6 полковъ нѣмецкой пѣхоты, 1 полкъ нѣмецкой конницы, отрядъ полковника Артишевскаго, 3 полка королевской гвардіи и 3 полка конныхъ копейщиковъ. Остальныя войска остались на Покровской горѣ и расположились лагеремъ, выславъ къ сторонѣ Шеиновскаго стана разъѣзды драгунъ. Первый ударъ было рѣшено направить противъ войскъ Прозоровскаго, какъ наиболѣе отдаленнаго отъ главныхъ силъ и стоящаго на пути сообщенія Смоленска съ Краснымъ и Литвою.

25 Августа Польскія войска перешли Днѣпръ по городскому мосту и, пройдя вдоль городской стѣны, расположились лагеремъ вдоль Чуриловскаго оврага съ тѣмъ, чтобы на другое утро атаковать хорошо укрѣпленныя позиціи Карла-Губерта и Дама, находившіяся по другую сторону оврага и прикрывавшія собою станъ Прозоровскаго. На другой день, на разсвѣтѣ, Запорожскіе казаки перешли оврагъ и, построившись въ боевой порядокъ, двинулись противъ укрѣпленій полковника Дама. За казаками перешли оврагъ полки полковниковъ Вейера и Абрамовича. Русскія войска не были захвачены врасплохъ и встрѣтили поляковъ впереди своихъ укрѣпленій. Русская конница, развернувшись на равнинѣ передъ дер. Чернушки, энергично атаковала казаковъ и польскихъ копейщиковъ и обратила ихъ въ бѣгство, захвативъ много плѣнныхъ, литавры и знамя. Стрѣльцы не менѣе успѣшно отразили натискъ пѣхоты Вейера и Абрамовича. Бой тянулся до полудня, поляки нѣсколько разъ возобновляли свои атаки, но, не смотря на сильный огонь съ крѣпостныхъ стѣнъ, русскимъ удалось отбить всѣ атаки и заставить поляковъ отступить, не добившись никакихъ результатовъ.

Между тѣмъ Шеинъ, послѣ того какъ поляки заставили отступить Маттиссона и заняли Покровскую гору, собралъ военный совѣтъ, что-бы рѣшить вопросъ о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій. Совѣтъ рѣшилъ снять блокаду и, собравъ всѣ силы въ главномъ станѣ, въ ожиданіи вспомогательныхъ войскъ держаться пассивнаго образа дѣйствій. Согласно этому постановленію, Прозоровскій, такъ успѣшно отбившій всѣ

атаки поляковъ, въ дождливую ночь съ 29 на 30-е Августа покинулъ свой прекрасно укрѣпленный станъ и двинулся кругомъ города, за линiею нашихъ осадныхъ работъ, мимо стана Лесли, къ Шеину Острогу. Вслѣдъ за Прозоровскимъ очистили свои позицiи Лесли и Карлъ-Яковъ. Отступленiе русскихъ войскъ было совершенною неожиданностью для поляковъ; на это они никакъ не разсчитывали и объ отступленiи, напр. Карла-Якова, узнали не раньше какъ на другой день, когда по приказанiю короля пошли въ атаку на пустыя уже траншеи.

Собравшись вмѣстѣ, русская армiя занялась укрѣпленiемъ своего стана. Сильные дожди, туманы, а главное слабо развитая еще въ то время сторожевая служба русскихъ войскъ поставили Шеина въ полную неизвѣстность относительно дальнѣйшихъ намѣренiй Короля, распустившаго слухъ, яко-бы онъ съ большею частью своей армiи двигается вглубь Россiи, на встрѣчу высланнымъ на помощь Шеину войскамъ.

На самомъ-же дѣлѣ Владиславъ предпринимаетъ слѣдующее: онъ рѣшается, пользуясь лѣсистою и пересѣченною мѣстностью праваго берега Днѣпра, скрытно обойти Шеина, стать въ тылу его расположенiя и пресѣчь такимъ образомъ путь отступленiя. Движенiе это удалось вполнѣ: литовскiя войска, незамѣченныя русскими, заняли Жаворонкову гору (Валутинова), возвышавшуюся на правой сторонѣ р. Колодни, при впаденiи послѣдней въ Днѣпръ, и начали строить здѣсь ложементы и батареи; польскiя-же войска, обойдя эту гору и переправившись черезъ р. Колодню, заняли возвышенность на лѣвомъ берегу этой рѣки и расположились здѣсь станомъ, прикрывшись ретраншаментомъ и устроивъ черезъ р. Колодню мосты.

Разстоянiе между станомъ Шеина и новою позицiею поляковъ было не больше полутора верстъ, и тѣмъ не менѣе польскимъ войскамъ удалось ее занять безъ всякой помѣхи. 18-го Октября, когда лившiе въ продолженiи цѣлой недѣли дожди прекратились, и густой туманъ, окутывавшiй всю окрестность, разсѣялся, тогда лишь замѣтили русскiя войска, что они обойдены.

Увидя, въ какое ужасное положенiе поставлена русская армiя, благодаря непростительной небрежности тѣхъ, на обязанности которыхъ лежала развѣдывательная служба, Шеинъ рѣшается немедленно перейти въ наступленiе, переправиться черезъ Днѣпръ и попытаться сбить поляковъ съ Жаворонковой горы, пока они еще не окончательно тамъ укрѣпились. Переправа черезъ рѣку на глазахъ и подъ огнемъ противника, занимавшаго возвышенности, господствовавшiя надъ мѣстомъ расположенiя русскихъ войскъ, была выполнена съ такимъ умѣньемъ

и лихостью, что поразила поляковъ. Вотъ какъ описываетъ эту операцію 19-го Октября, полякъ очевидецъ: постоянные дожди, продолжавшіеся болѣе недѣли, и туманная погода мѣшали непріятелю открывать наши дѣйствія; онъ оставался въ предубѣжденіи, что мы все еще находимся въ прежней нашей позиціи (на Покровской горѣ), ибо Король распространилъ слухъ, что намѣревается идти въ Московію и тамъ сразиться съ непріятелемъ. Когда перемѣнилась погода, непріятель увидѣлъ новыя наши укрѣпленія и воиновъ, готовыхъ къ бою. Вслѣдствіе чего «Московскій Генералъ» приказалъ ударить въ колоколъ, что-бы всѣ вооруженные собрались. Весь день были слышны крики и шумъ оружія, пока они не выстроились въ боевой порядокъ, какъ-бы въ намѣреніи отогнать нашихъ съ занимаемой нами горы (Жаворонковой). Кавалерія переправилась черезъ мосты (Шеиновскіе два моста были устроены тамъ, гдѣ теперь желѣзнодорожный мостъ) и потянулась по два въ рядъ по берегу Днѣпра до впаденія въ него р. Колодни. Каждый всадникъ былъ снабженъ заступомъ, дабы раскопать берегъ въ видѣ ложемента. Окончивъ работу, Московскіе всадники отступили, «наблюдая тотъ-же порядокъ, въ который строятся пищальники при защитѣ укрѣпленія». Какое было намѣреніе непріятеля, мы не могли угадать, но потомъ увидѣли на дѣлѣ. Быстро построивъ мостъ на судахъ, бывшихъ у нихъ въ готовности, Москвитяне переправили на другой берегъ своихъ пищальниковъ и засадили ихъ въ ложементъ, устроенный раньше всадниками на правомъ берегу. На другомъ берегу Днѣпра стояли 54 хоругви и пушки, прикрытыя насыпями, которыя были направлены на нашихъ въ то мѣсто, гдѣ мы намѣревались сражаться. Пушки эти были весьма выгодно поставлены на батареяхъ, устроенныхъ гораздо выше другого берега, гдѣ были скрыты ихъ пищальники, такъ, что могли стрѣлять свободно, не причиняя вреда своимъ пищальникамъ. Потомъ москвитяне съ такою быстротою переправили по упомянутымъ судамъ свое войско на правый берегъ, что мы всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на это и, когда они съ шумомъ и крикомъ устремились на нашихъ, то бывшимъ тутъ нашимъ четыремъ полкамъ трудно было выдержать нападеніе ихъ, потому, что резервы наши находились въ дальнемъ разстояніи, на другомъ берегу Колодни. Король построилъ въ боевой порядокъ свое войско и приказалъ кавалеріи слѣдовать къ ложементамъ, занятымъ русскими пищальниками, но послѣдніе такъ встрѣтили польскую конницу, «что весьма многіе изъ благородныхъ поляковъ были убиты»; остальные бѣжали. Такимъ образомъ, попытка поляковъ ударить намъ во флангъ окончилась неудачею, и русскія войска, переправившись

безъ всякой помѣхи на правый берегъ, бросились на штурмъ укрѣпленій Жаворонковой горы, успѣли отбросить литовскія войска, занять и разрушить устроенные здѣсь окопы и батареи. Тѣмъ временемъ Владиславъ успѣлъ выслать на помощь литовскимъ полкамъ польскія части, и русскихъ оттѣснили назадъ къ Днѣпру. Шеинъ съ своей стороны подкрѣпляетъ свои войска и вновь двигаетъ ихъ въ атаку; поляки вновь сбиты съ Жаворонковой горы и отброшены къ дер. Колодня. Владиславъ вводитъ въ бой новыя силы, и русскіе опять принуждены отступить. Бой съ перемѣннымъ счастьемъ продолжался до глубокой ночи, но въ результатѣ Жаворонковая гора осталась за поляками. Русскіе отошли въ свой станъ, удержавъ однако за собой ложементы, устроенные ихъ кавалеріею на правомъ берегу Днѣпра. «Король приказалъ полку полковника Вейера выбить изъ означеннаго ложемента московскихъ пищальниковъ, пишетъ Гундіусъ, но это не могло быть исполнено по причинѣ мѣстныхъ препятствій, представляемыхъ обширными болотами и множествомъ наводненныхъ рвовъ и овраговъ. Въ этомъ болотѣ многіе изъ нашихъ всадниковъ увязли вмѣстѣ съ своими лошадьми».

На слѣдующій день, по словамъ Гундіуса, русскіе замышляли было возобновить нападеніе, но найдя поляковъ готовыми къ отпору, оставили свое намѣреніе и ограничились лишь обстрѣливаніемъ польскихъ позицій изъ своихъ тяжелыхъ артиллерійскихъ орудій. Поляки же, пользуясь бездѣятельностью русскихъ войскъ, энергично принялись за возстановленіе своихъ разрушенныхъ было укрѣпленій; возвели новыя батареи и окопы на возвышенностяхъ, лежащихъ по обѣ стороны р. Колодни, и, вооруживъ батареи тяжелыми орудіями, доставленными къ нимъ изъ Смоленска, начали въ свою очередь бомбардировать русскій станъ.

Относительно дѣйствительности огня русскихъ батарей Гундіусъ пишетъ между прочимъ слѣдующее: изъ сдѣланныхъ съ одной батареи, вооруженной 8 пушками 60-ти-фунтоваго калибра, сорока восьми выстрѣловъ, «три ядра ударили въ палатку Короля и разбили въ ней каминъ; равнымъ образомъ былъ разбитъ каминъ и въ ставкѣ принца Казиміра; также убито много воиновъ, въ особенности въ полкахъ принца Казиміра, полковника Поттеръ и полковника Вейера». Дистанція была около двухъ верстъ.

Продолжительное время Шеинъ, въ ожиданіи прибытія изъ Москвы обѣщанныхъ ему свѣжихъ войскъ, не предпринималъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ противъ поляковъ; послѣдніе-же пользуясь этимъ все больше и больше начинаютъ тѣснить его. Чтобы пресѣчь движеніе

русскихъ судовъ по Днѣпру, поляки устроили немного выше устья р. Колодни, почти на самомъ берегу Днѣпра, редутъ и тѣмъ лишили русскихъ возможности пользоваться рѣкою для подвозки провіанта и фуража. Въ то же время отдѣльный отрядъ Костеляна Песнинскаго, высланный къ Дорогобужу, гдѣ находились главные склады провіанта для русской арміи, занялъ этотъ городъ и уничтожилъ всѣ запасы. Мало того: Владиславъ задается цѣлью окончательно окружить русскій станъ и для этого строитъ мостъ черезъ Днѣпръ близъ теперешней дер. Маркатушино и переправляетъ на лѣвую сторону рѣки часть своихъ войскъ, которыя постепенно выводятъ сильныя укрѣпленія у теперешнихъ деревень Маркатушино, Дресна и Проколовка, черезъ которыя проходила дорога изъ Смоленска къ русскимъ границамъ, и такимъ образомъ пресѣкаютъ Шеину послѣдній путь отступленія.

Между тѣмъ настала зима; холода, отсутствіе провіанта, постоянныя мелкія стычки вызвали громадную болѣзненность, и русская армія быстро таяла; несогласіе и вражда, возникшія между русскими и иноземными военноначальниками, еще болѣе ухудшали дѣло. Но не смотря на все это, Шеинъ не терялъ еще надежды, и поляки жестоко платились за свои попытки перейти въ наступленіе и атаковать русскихъ. Такъ напримѣръ, весьма печально окончилась для поляковъ ихъ попытка атаковать русскій станъ со стороны Смоленска, предпринятая войсками воеводы Даниловича, когда русскіе, отбивъ атаку, сами перешли въ наступленіе и, преслѣдуя бѣжавшихъ поляковъ вплоть до Рачевскаго оврага, многихъ изъ нихъ захватили въ плѣнъ.

Къ январю 1634 г. положеніе русскихъ войскъ дѣлается окончательно невыносимымъ: постоянныя мелкія стычки, а главное холодъ и голодъ въ конецъ изнурили армію; наемники иноземцы толпами перебѣгаютъ къ полякамъ, и русская армія таетъ все больше и больше. Шеинъ рѣшается сдѣлать послѣднюю попытку прорваться. 21 Февраля русскія войска перешли черезъ замерзшій Днѣпръ и ударили на королевскій станъ, расположенный на возвышенности, лежащей на лѣвомъ берегу р. Колодни. Начало было удачно; русскіе захватили передовой редутъ и подошли къ самымъ валамъ королевскаго стана; но удачная атака Запорожскихъ казаковъ, находившихся въ укрѣпленіи, построенномъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ раскинулась деревня Маркатушино, въ тылъ атакующимъ повернула дѣло въ пользу поляковъ, и въ концѣ концовъ русскіе были отбиты.

Послѣ этой неудачной попытки Шеину ничего не оставалось дѣлать, какъ только согласиться на капитуляцію, предложенную Влади-

славомъ. И дѣйствительно: изъ ста тысячной русской арміи оставалось на лицо всего лишь 12 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ двѣ тысячи больныхъ и столько же наемниковъ иноземцевъ, на стойкость коихъ при тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась армія, Шеинъ не имѣлъ уже права надѣяться; высланное подъ Смоленскъ вспомогательное войско не пошло далѣе Можайска и, не получая о немъ никакихъ извѣстій, Шеинъ, очевидно не могъ ни на что разсчитывать.

24-го февраля Шеинъ изъявилъ свое согласіе сдаться на капитуляцію, главнѣйшіе пункты которой заключались въ слѣдующемъ: русскіе и иноземцы вольны поступить на службу къ королю или возвратиться въ отечество, но въ послѣднемъ случаѣ должны присягнуть не служить противъ Короля и Республики въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ; всю артиллерію, со всѣми боевыми припасами, за исключеніемъ 12-ти полковыхъ пушекъ, которыя разрѣшается взять съ собою, должна быть сдана полякамъ; всѣхъ польскихъ перебѣжчиковъ выдать Королю, хотя бы они состояли на русской службѣ, равнымъ образомъ будетъ поступлено и съ русскими; ручное оружіе разрѣшается взять только то, что на людяхъ, все остальное передается полякамъ; окопы и прочія укрѣпленія должны быть сданы въ совершенномъ устройствѣ; 12-го марта русская армія выступаетъ изъ стана со свернутыми знаменами, потушенными фитилями, безъ трубъ и барабановъ и собирается въ указанномъ Королемъ мѣстѣ; послѣ троекратнаго салюта положены будутъ знамена на землю и останутся въ этомъ положеніи, пока не поданъ будетъ сигналъ къ маршу; Шеинъ со всѣмъ своимъ штабомъ сходятъ съ коней и преклоняютъ колѣна предъ Королемъ; затѣмъ по данному княземъ Радзивиломъ сигналу русская армія двинется въ путь, направляясь на г. Можайскъ.

Вотъ на какія унизительныя для русской чести условія долженъ былъ согласиться Шеинъ, что-бы спасти остатки своей арміи. Вмѣстѣ съ Шеиномъ вышло изъ Острога всего лишь 8,056 человѣкъ русскихъ ратниковъ; изъ числа 2,194 человѣкъ, вышедшихъ изъ осады иноземцевъ, большинство перешло къ Владиславу, а остальные перемерли на возвратномъ походѣ; 2,004 человѣка больныхъ остались на попеченіи поляковъ въ Смоленскѣ. Всѣ провіантскіе запасы, весь нарядъ и «вся збруя ратная» были оставлены полякамъ; да и какъ вывести было ихъ, если даже разрѣшенныя взять съ собою 12 полковыхъ орудій Шеинъ принужденъ былъ оставить въ Острогѣ за неимѣніемъ лошадей, потребныхъ подъ нихъ.

Такъ печально закончилась вторая попытка Михаила Феодоровича вернуть Смоленскъ. Разгнѣванный этою неудачею, Царь предалъ суду Шеина, Измайлова и другихъ воеводъ, принимавшихъ участіе въ несчастномъ этомъ походѣ; обвиненные въ измѣнѣ, одни изъ нихъ были казнены, другіе сосланы въ Сибирь.

Торжествующій Владиславъ увѣковѣчилъ эту неудачную для русскихъ осаду Смоленска изданіемъ подробнаго плана съ изображеніемъ города, всѣхъ осадныхъ работъ русскихъ и польскихъ войскъ, и битвъ, происходившихъ между означенными войсками. Этотъ прекрасно выполненный планъ и описаніе къ нему, составленные въ 1637 г. нѣкіимъ Вильгельмомъ Гундіусомъ, «Его Королевскаго Величества рѣзчикомъ», дошли до нашего времени и послужили намъ главнымъ источникомъ при изложеніи событій 1632—1634 г.

Блестящій успѣхъ побѣды подъ Смоленскомъ возбудилъ въ душѣ Владислава надежду завоевать Россію, и войска его вторглись въ предѣлы Русскіе. Польская рать заняла Дорогобужъ и Вязьму, но подъ Бѣлой потерпѣла сильное пораженіе: при штурмѣ самъ Король былъ раненъ и потерялъ 4 тысячи лучшихъ своихъ воиновъ. Здѣсь хоть отчасти смыли русскіе позоръ неудачнаго Смоленскаго похода. 15-го іюня 1634 г. былъ подписанъ на р. Поляновкѣ мирный договоръ, по которому Россія уступала Польшѣ Смоленскъ и другіе города, а Вла-
17. диславъ навсегда отказывался отъ правъ на Русскій престолъ.

Событія 1632—1634 г. для обывателей Смоленска послужили источникомъ новой милости со стороны Польскаго правительства. Въ грамотѣ Владислава IV отъ 9-го мая 1634 г., въ которой онъ еще именуетъ себя «избраннымъ Великимъ Царемъ Московскимъ», читаемъ: «во уваженіе ревностныхъ заслугъ мѣщанъ Нашего города Смоленска, оказанныхъ во время прошедшаго и нынѣшняго тяжкаго сраженія противу непріятеля, непоколебимою Намъ и Рѣчи Посполитой вѣрою и знатною потерею своего имѣнія, то дабы показать имъ за ихъ усердіе особенную Нашу Королевскую милость и щедроты, кои нынѣ дѣйствительно для нихъ изъявляя и примѣняясь къ привиллегіи покойнаго Его Величества Короля Польскаго, родителя Нашего, состоявшейся въ Варшавѣ 1623 года марта 12 дня, всемилостивѣйше данной Смоленскому обществу и мѣщанамъ на сто уволокъ земли въ урочищѣ Бережнянскомъ, каковую привиллегію во всѣхъ оной пунктахъ, содержаніи и статьяхъ Нашею Королевскою милостію утверждая, къ реченнымъ ста уволокамъ прибавляемъ еще пятьдесятъ уволокъ, въ означенномъ же урочищѣ Бережнянскомъ состоящихъ, и оныя на вѣчныя времена утверж-

даемъ; почему властны общество и Смоленскіе Наши мѣщане оною землею владѣть, распоряжаться и доходами съ оной пользоваться (исключая селитры и лѣсныхъ товаровъ), не имѣя никакихъ болѣе обязанностей, кромѣ тѣхъ, кои изъяснены въ привиллегіи покойнаго Нашего родителя». **18.**

Отмежеваніе пожалованной Смольянамъ земли было поручено тогда же «Шляхетному Станиславу Милашевичу землемѣру». **19.**

Послѣ заключенія Поляновскаго мира, Смоленскъ въ продолженіи 20 лѣтъ наслаждался мирною жизнью. Тѣмъ временемъ многое измѣнилось какъ въ самой Польшѣ, такъ и въ Россіи. 12-го іюля 1645 г. скончался Михаилъ Ѳеодоровичъ, и на престолъ Московскій вступилъ Алексѣй Михайловичъ. Черезъ три года въ Польшѣ умеръ Король Владиславъ IV, отличавшійся своею вѣротерпимостью и хоть немного сдерживавшій проявленія фанатизма поляковъ-католиковъ. Королевскій престолъ занялъ Іоаннъ-Казиміръ, промѣнявшій свою кардинальскую шапку на польскую корону. Царствованіе этого короля ознаменовано проявленіями крайней религіозной нетерпимости и чрезвычайными насиліями надъ русскимъ, православнымъ населеніемъ Польши, результатомъ чего явилось въ концѣ концовъ отпаденіе отъ Польши Малороссіи, присягнувшей 8-го января 1654 г. на вѣрность Алексѣю Михаиловичу, «Государю Всея Великія и Малыя Россіи».

Казиміръ, узнавъ о этой присягѣ, незамедлилъ объявить войну Россіи; но прежде, чѣмъ успѣлъ онъ собрать свои войска, многочисленная русская рать вторглась уже въ его владѣнія. **20.**

Движеніе русскихъ силъ изъ Москвы къ границамъ Польши началось въ началѣ 1654 г.

27-го февраля отпущенъ былъ въ Вязьму нарядъ съ бояриномъ Далматовымъ-Карповымъ; 15-го марта въ присутствіи казацкихъ пословъ былъ смотръ на Дѣвичьемъ полѣ рейтарскому и солдатскому ученію; 17-го марта былъ повѣщенъ походъ въ Брянскъ князю Алексѣю Никитичу Трубецкому съ товарищами. 10-го мая, Царь осмотрѣлъ на Дѣвичьемъ полѣ всѣхъ тѣхъ ратныхъ людей, которые должны были идти съ самимъ Царемъ въ походъ; 15-го мая отпущена была въ Вязьму Иверская икона Богородицы, и въ тотъ-же день отправились туда воеводы передового и ертаульнаго полка; на другой день выступили воеводы большого и сторожевого полка; 18-го мая выступилъ къ Вязьмѣ самъ Царь. Государева полка сотенныя головы и начальные люди съ полками, головы стрѣлецкія съ приказами собирались съ утра на Дѣвичьемъ полѣ, откуда шли сотнями черезъ дворецъ; здѣсь изъ окна

столовой избы патріархъ кропилъ ихъ святою водою. Это главное войско отправилось на западъ по Смоленской дорогѣ. Въ Польскія области, гдѣ мы разсчитывали найти союзниковъ, въ лицѣ православнаго населенія, были разосланы грамоты такого содержанія: «Въ Польское Королевство и Литовское Княжество, матери нашей Святой Восточной Церкви сынамъ, Греческаго закона православнымъ архіереямъ, іереямъ и всего священнаго и иноческаго чина и всѣмъ православнымъ христіанамъ всякаго чина, и возраста и достоянія, по городамъ, мѣстечкамъ селамъ и вѣсямъ: отъ многихъ временъ отъ Святыя Восточныя Церкви къ намъ, чадамъ ея, отъ всѣхъ православныхъ христіанъ Малыя Россіи моленіе было, да законнымъ вспоможеніемъ, елико вѣрнымъ по вѣрныхъ достоитъ помогать, поможемъ. И вотъ теперь умилостивились мы и Малую Россію, православныхъ христіанъ, подъ единаго словесныхъ овецъ Пастыря, Христа Бога Нашего, державу рѣшились принять. И вотъ теперь всѣмъ извѣщаемъ, что Богохранимое Наше Царское Величество за Божіею помощью, собравшись со многими ратными людьми, на досадителей и раззорителей Святой Восточной Церкви Греческаго закона, на поляковъ, вооружаемся, дабы Господь Богъ надъ всѣми нами православными христіанами умилосердился и чрезъ насъ, рабовъ Своихъ, тѣмъ месть сотворилъ, а Святая Восточная Церковь отъ гоненія освободилась и греческими старыми законами красилась; чтобъ за многія королевскія неправды и за нарушеніе вѣчнаго докончанія воздалась месть. И вы-бы православные христіане, освободившись отъ злыхъ, въ мирѣ и благоденствіи прочее житіе провождали; и сколько васъ Господь Богъ на то доброе дѣло возставилъ, прежде нашего царскаго пришествія, раздѣленіе съ поляками сотворити, какъ вѣрою, такъ и чиномъ; хохлы, которые у васъ на головахъ, постригите, и каждый противъ супостатъ Божіихъ да вооружается. Которые добровольно прежде нашего государскаго пришествія извѣстны и вѣрны намъ учинятся, о тѣхъ мы въ войскѣ заказъ учинили крѣпкій, да сохранены будутъ ихъ домы и достояніе отъ воинскаго раззоренія».

По дорогѣ изъ Царева-Займища къ Вязьмѣ, 4-го іюня, Государь получилъ пріятную вѣсть, что поляки бѣжали изъ Дорогобужа въ Смоленскъ, а посадскіе люди сдали намъ городъ безъ боя. На дорогѣ изъ Вязьмы въ Дорогобужъ, 11-го іюня, Царь получилъ вѣсть о сдачѣ его войскамъ Невля; 14-го іюня въ Дорогобужъ пришла вѣсть о сдачѣ Бѣлой. 26-го іюня передовой полкъ имѣлъ уже первую сшибку съ поляками на рѣкѣ Колоднѣ подъ Смоленскомъ, а 28-го іюня самъ Государь сталъ станомъ подъ Смоленскомъ въ Богдановой околицей.

Здѣсь было получено извѣстіе о сдачѣ Полоцка и Рославля. 5-го іюля царское войско еще ближе подвинулось къ Смоленску, расположившись станомъ на Дѣвичьей горѣ. Остатки укрѣпленій, окружавшихъ этотъ станъ, сохранились отчасти до сихъ поръ. Теперь это мѣсто принадлежитъ гг. Танцевымъ, владѣтелямъ подгороднягo имѣнія Вязовеньки (оно-же Шембелевка). Здѣсь Алексѣй Михайловичъ получилъ извѣстіе о сдачѣ Мстиславля.

Среди этихъ радостныхъ извѣстій было только одно печальное: подъ Оршею, трижды несчастною, русскіе потерпѣли сильное пораженіе отъ Литвы, которая подкралась къ нимъ ночью и ударила на спящихъ. Но эта неудача не могла остановить быстраго успѣха Москвы, которая, какъ доносили Королю Польскому его воеводы, теперь воевала по новому образцу, занимала земли милостію и жалованьемъ царскимъ; православная шляхта, сдавшаяся на имя царское по деревнямъ и въ Полоцкѣ, была отправлена подъ Смоленскъ къ Царю за жалованьемъ, которая не хотѣла сдаваться,— отпускалась безпрепятственно. Эта снисходительность имѣла то дѣйствіе, что не только простой народъ, но и шляхта охотно присягала Царю, особенно люди бѣдные, служилые иноземцы, которые не надѣялись получить своего жалованья отъ Рѣчи Посполитой. «Мужики очень намъ враждебны», пишутъ поляки, «вездѣ на Царское имя сдаются и дѣлаютъ больше вреда, чѣмъ сама Москва; это зло будетъ и дальше распространяться; надо опасаться чего-нибудь вродѣ Казацкой войны».

Въ ночь на 16-е августа Царское войско двинулось на штурмъ Смоленска. Приступъ окончился неудачно; по польскимъ извѣстіямъ Русскихъ погибло до семи тысячъ человѣкъ, да ранено было пятнадцать тысячъ. Самъ-же Царь Алексѣй Михайловичъ писалъ объ этомъ сестрамъ такъ: «Наши ратные люди зѣло храбро приступили, и на башню, и на стѣну взошли, и бой былъ великій; и по грѣхамъ подъ башню польскіе люди подкатили порохъ, и наши ратные люди сошли со стѣны многіе, а иныхъ порохомъ опалило; литовскихъ людей убито болѣе двухъ сотъ человѣкъ, а нашихъ ратныхъ людей убито съ триста, да ранено съ тысячу человѣкъ». Какъ бы то ни было, но и осажденные понесли сильный уронъ и увидали, что держаться болѣе нельзя: укрѣпленія повреждены, всѣхъ защитниковъ не наберется и двухъ тысячъ; а главное чувствовался сильный недостатокъ въ порохѣ. Шляхта, отчаявшись отбить непріятеля, отказывалась повиноваться: мало кто шелъ на стѣны, никто не хотѣлъ работать для возстановленія укрѣпленій, казаки чуть-чуть не убили королевскаго инженера, когда онъ хотѣлъ высылать ихъ на

работу; цѣлыя толпы стали перебѣгать къ осаждающимъ. Въ началѣ сентября Смоленскій воевода Обуховичъ и полковникъ Корфъ прислали просить о начатіи переговоровъ; 10-го сентября стольники Иванъ Богдановичъ Милославскій и Семенъ Юрьевичъ Милославскій, да стрѣлецкій голова Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ на съѣздѣ съ литовскими людьми договорились о сдачѣ Смоленска: Обуховичъ и Корфъ получили позволеніе выѣхать въ Литву; остальной шляхтѣ и мѣщанамъ дано было на волю: или выѣхать въ Литву или присягнуть Государю. Начальники начали было тянуть время, выжидать, но жители Смоленска составили сеймики, условились о сдачѣ, подговорили замковую пѣхоту, сорвали хоругвь съ воеводскаго дома, отворили ворота и пошли къ Царю. 23-го сентября подъ стѣнами Смоленска происходило явленіе обратное тому, какое видѣли здѣсь въ 1634 году: литовскіе воеводы, выходя изъ Смоленска, били челомъ и клали знамена передъ Государемъ Московскимъ.

На другой день бояре, окольничіе, стольники, стряпчіе и дворяне приходили поздравлять Государя съ Смоленскомъ, подносили хлѣбъ и соболя. Въ столовой избѣ Царь угощалъ обѣдомъ Грузинскихъ и Сибирскихъ царевичей, бояръ и окольничихъ, сотенныхъ головъ Государева полка и Черкасскаго наказного атамана, Ивана Золоторенко, съ товарищами. 28-го числа угощалъ есауловъ своего полка и смоленскую шляхту, а 5-го октября выступилъ уже изъ подъ Смоленска въ обратный
21. походъ къ Вязьмѣ.

Такимъ образомъ, Смоленскъ послѣ сорокатрехлѣтняго пребыванія подъ властью Польши, былъ вновь и уже окончательно присоединенъ къ Россіи. Теперь на долю русскаго правительства выпала задача обрусить этотъ польскій городъ и въ значительной степени ополяченную область Смоленскую. Конечно, выраженіе «польскій городъ», «польская область» должно понимать условно: коренная масса населенія,— крестьяне,—какъ были, такъ и остались русскими, но шляхетство, купечество и мѣщане, являясь владѣтелями, господами крестьянской массы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея руководителями, представляли изъ себя людей проникнутыхъ польскимъ духомъ, всѣ симпатіи которыхъ были всецѣло на сторонѣ Рѣчи Посполитой.

Вотъ на этихъ-то шляхтичей, купцовъ и мѣщанъ и должно было обратить свое исключительное вниманіе русское правительство, чтобы имѣть хоть какое-нибудь основаніе разсчитывать на ихъ вѣрноподданность. Относительно купечества и мѣщанства вопросъ разрѣшался сравнительно просто: такъ какъ вступленіе въ эти сословія ничѣмъ не стѣснялось, а Смоленскъ, стоя на торговомъ пути, испоконъ вѣковъ

привлекалъ къ себѣ предпріимчивыхъ торговыхъ людей, то естественно, что и по присоединеніи его къ Царству Русскому, сюда начали стекаться изъ сосѣднихъ областей русскіе люди; городъ началъ быстро рости, также быстро шло и обрусеніе мѣщанства и купечества. Болѣе серьезный вопросъ представляло обрусеніе шляхетскаго сословія; но такъ или иначе и этотъ вопросъ, какъ мы увидимъ изъ слѣдующей главы, былъ на столько удачно разрѣшенъ, что въ тяжелую годину нашествія французовъ мы видимъ Смоленское дворянство уже первымъ, которое вызывается принести въ жертву родинѣ свою жизнь и достояніе и, дѣйствительно, приноситъ.

Глава VI.

Смоленскъ съ 1654 года по 1812 годъ. Отечественная война. Заключенiе.

Въ 1654 г. Смоленскъ вновь, и уже окончательно, присоединенъ къ Россiи. Сорока-трехлѣтнее пребыванiе нашего «дорогого ожерелья» подъ властью Польши оставило на немъ глубокiе слѣды, и много силъ и времени потребовалось отъ Руси православной на то, чтобы сгладить ихъ.

Въ тяжелое, смутное время Русь потеряла, въ лицѣ Смоленска, близкiй русскому сердцу, родной городъ и съ нимъ цѣлую область; въ 1654-мъ же году, когда вернула ихъ обратно, Смоленскъ ужъ былъ не тотъ: католическое населенiе, польскiе нравы и обычаи, польская рѣчь дѣлали изъ него чисто польскiй городъ, съ населенiемъ чуждымъ и враждебнымъ всему русскому, православному. На долю нашего правительства выпала нелегкая задача обрусенiя города и области. Посмотримъ, какими же средствами удалось достигнуть этого.

Первымъ дѣломъ Царя Алексѣя Михайловича было, конечно, возстановленiе православiя, и древнiе, православные храмы Смоленскiе, вырванные изъ рукъ католическихъ ксендзовъ, вновь огласились славянскою рѣчью и православнымъ пѣнiемъ. Всѣмъ желающимъ оставаться въ Смоленской области и перейти въ русское подданство поставлено необходимымъ условiемъ принятiе православiя. Подтвердивъ вмѣстѣ съ тѣмъ многiя права и привиллегiи, дарованныя Смоленскимъ обывателямъ Польскими Королями, Царь этимъ привлекъ въ Смоленскъ много русскаго, православнаго элемента изъ внутреннихъ нашихъ областей; населенiе города начало быстро увеличиваться. Черезъ 10 лѣтъ мы видимъ, что

подъ Смоленскомъ выросли уже цѣлые посады—Рачевскій и Чуриловскій; въ 1664 г. ихъ приписываютъ къ городу, съ обязанностью нести всѣ городскія повинности. Въ 1676 г. правый берегъ Днѣпра оказывается уже настолько населеннымъ, что Адольфъ Лизекъ, секретарь австрійскаго посольства, прослѣдовавшаго въ этомъ году въ Москву черезъ Смоленскъ, въ своихъ запискахъ рѣзко отдѣляетъ «городъ Смоленскъ» отъ «старой крѣпости», которая, по его словамъ, лежитъ «на другомъ берегу Днѣпра». Очевидно, что городомъ онъ называетъ Заднѣпровье, которое 1.
могло застроится лишь по присоединеніи Смоленска къ Россіи, такъ какъ изъ прекрасно сохранившагося плана города 1634 года видно, что въ это время за Днѣпромъ была заселена лишь узкая береговая полоса, остальное же пространство было покрыто лѣсомъ и кустарникомъ.

Такой быстрый ростъ города, вызванный приливомъ новаго населенія изъ внутреннихъ русскихъ областей, повлекъ за собою и быстрое обрусеніе, такъ какъ коренное населеніе города, будучи слишкомъ незамѣтно въ массѣ пришлаго русскаго элемента, по немногу утратило свой польскій характеръ и вполнѣ слилось съ русской массою.

Сельское населеніе области Смоленской, остававшееся и подъ Польшею православнымъ, русскимъ, особенно не могло озабочивать правительство. За то весьма серьезную заботу вызывала о себѣ Смоленская шляхта, которую не такъ то легко оказалось превратить въ русскихъ людей. Мѣры, принятыя правительствомъ въ отношеніи Смоленской шляхты, были собственно тѣже, что и по отношенію городского населенія Смоленска, т. е. рядъ милостей, подтвержденіе многихъ прежнихъ шляхетскихъ правъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, обязательное исповѣданіе православной вѣры и раздача свободныхъ земель Смоленской области природнымъ русскимъ дворянамъ и служилымъ людямъ.

Такъ при Царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ мы видимъ: шляхтичи приглашаются къ Царскому столу, имъ предоставляется отправлять военную службу согласно старымъ, т. е. польскимъ обычаямъ, отдѣльнымъ лицамъ, какъ напримѣръ, полковнику Смоленской шляхты Казиміру Воронцу — жалуются помѣстья и т. д. Въ тоже время изъ Украинскихъ Замосковскихъ городовъ переселяютъ въ Смоленскъ 350 человѣкъ Боярскихъ дѣтей, отводятъ для нихъ въ городѣ пустопорожнія мѣста, даютъ деньги для постройки, жалуютъ въ Смоленскомъ уѣздѣ по 10 крестьянскихъ дворовъ, тѣмъ же, у которыхъ другихъ помѣстій кромѣ этихъ нѣтъ, выдаютъ еще жалованье по 10 рублей въ годъ. За все это они должны были быть въ Смоленскѣ «въ рейтерахъ на вѣчномъ жительствѣ». 2.

Женамъ убитыхъ въ сраженіяхъ Смоленскихъ шляхтичей, оставшимся бездѣтными, если первые ихъ мужья имѣли за собою жалованныя имѣнія, предоставлено право вступать во владѣніе этими имѣніями въ полномъ ихъ составѣ, но при непримѣнномъ условіи выхода замужъ за
3. Русскихъ служилыхъ людей.

27-го Августа 1670 г. безпомѣстнымъ шляхтичамъ, отцы которыхъ по сдачѣ Смоленска выѣхали въ Литву, а сами они остались у своихъ родныхъ, или поселились въ Смоленскѣ уже послѣ сдачи города и поступили на службу, было объявлено, что оставлять ихъ въ Смоленскомъ уѣздѣ не представляется возможности, а что если они желаютъ, то могутъ служить въ Казани, для чего имъ былъ разрѣшенъ свободный
4. выѣздъ изъ Смоленска.

Въ правленіе Царевны Софьи, въ дѣлѣ обрусенія Смоленской шляхты замѣчается поворотъ къ худшему: 8-го Іюня 1688 г. состоялся именной Указъ, подтверждающій прежде дарованныя Смоленскимъ шляхтичамъ права на владѣніе помѣстьями и вотчинами и вмѣстѣ съ тѣмъ гласящій, что, если по смерти котораго изъ шляхтичей не останется наслѣдниковъ, то выморочныхъ имѣній отнюдь не отдавать иногороднимъ владѣльцамъ или Смоленскимъ Рейтарамъ, но причислять ихъ къ Смо-
5. ленскимъ дворцовымъ волостямъ. Послѣдствія этого мѣропріятія были весьма печальны. Отчужденіе Смоленской шляхты отъ русской массы, вмѣсто того, чтобы понемногу сглаживаться, съ прекращеніемъ прилива въ край русскаго, дворянскаго элемента, начинаетъ все увеличиваться и увеличиваться.

Ко второй четверти 18 столѣтія, ненависть къ русскимъ и увлеченіе польскими тенденціями до такой степени овладѣли Смоленской шляхтой, что русское правительство оказывается вынужденнымъ прибѣгнуть къ цѣлому ряду энергичныхъ мѣръ. Лица католическаго духовенства, какъ главные дѣятели польской пропаганды, удалены изъ Смоленска съ лишеніемъ права въѣзда въ предѣлы Россіи; на православное духовенство возложена обязанность строжайше смотрѣть чтобы ввѣренные ихъ паствѣ шляхтичи не совращались въ католичество и строго блюли православіе. Запрещено посылать дѣтей для образованія въ Польшу, а находящихся уже тамъ предписано немедленно вернуть въ Смоленскъ. Шляхтѣ-же объявлено, что если она желаетъ обучать своихъ дѣтей латинскому и другимъ языкамъ и наукамъ, то отправляла бы ихъ для этого въ Москву и Кіевъ, гдѣ учреждено достаточное
6. число русскихъ школъ. Въ самомъ Смоленскѣ учреждена семинарія, гдѣ обучали латинскому, греческому, нѣмецкому, французскому и поль-

скому языкамъ. Запрещены браки съ Польскими подданными и католиками. 7.
Благодаря этимъ мѣрамъ, шляхтичи понемногу начали сближаться съ русскимъ населенiемъ края, а съ присоединенiемъ къ Россiи Бѣлоруссiи, когда Смоленская губ. перестала быть пограничной, обрусенiе пошло такими быстрыми шагами, что къ 1812 г. потомки тѣхъ самыхъ шляхтичей, которые получили свои помѣстья въ Смоленской области въ награду за боевую службу противъ Москалей (напр. Энгельгардтъ), стоятъ теперь въ ряду первыхъ русскихъ дворянъ, принесшихъ жизнь и состоянiе въ жертву русской землѣ.

Въ военномъ и въ торговомъ отношенiи, Смоленскъ, по присоединенiи его къ Россiи, понемногу теряетъ свое нѣкогда первостепенное значенiе.

Какъ сильная, пограничная съ Польшею, крѣпость, Смоленскъ останавливалъ на себѣ вниманiе правительства лишь до тѣхъ поръ, пока была сильна Польша. Такъ въ царствованiе Алексѣя Михайловича укрѣпленiя города тщательно поддерживаются, крѣпость снабжается сильнымъ гарнизономъ, въѣздъ иностранцамъ въ черту крѣпостной стѣны строго запре-
щается; по мѣрѣ паденiя Польши падаетъ и значенiе Смоленска. Въ цар- 8.
ствованiе Императора Петра Великаго событiя Шведской войны вновь выдвинули на сцену Смоленскую крѣпость: кругомъ крѣпостной стѣны устраиваются земляныя укрѣпленiя со рвомъ и прикрытымъ путемъ, а для прикрытiя моста черезъ Днѣпръ, на правомъ берегу, строится зем-
ляной кронверкъ. Послѣ этого крѣпостныя постройки больше уже не 9.
реставрировались, и Смоленскъ, какъ крѣпость, все больше и больше приходитъ въ упадокъ. Раздѣлъ Польши, отодвинувъ отъ Смоленска нашу границу далеко къ западу, повлекъ за собою совершенное упраздненiе Смоленской крѣпости, и стѣны Смоленскiя, никѣмъ не оберегаемыя, съ этихъ поръ понемногу начинаютъ разрушаться.

Въ торговомъ отношенiи замѣчается тоже самое: пока была сильна и богата Польша, торговля въ Смоленскѣ кипѣла; Польша бѣднѣетъ, и вывозная торговля падаетъ. Смоленскъ никогда не былъ производителемъ, онъ былъ испоконъ вѣковъ посредникомъ въ международной торговлѣ; паденiе Польши подорвало эту торговлю, а присоединенiе къ Россiи г. Риги, постепенное обмеленiе рѣкъ, устройство каналовъ, все вмѣстѣ лишило Смоленскъ значенiя посредника въ торговлѣ съ Пруссiей и окончательно убило его нѣкогда грандiозное значенiе, какъ одного изъ крупнѣйшихъ въ Россiи торговыхъ пунктовъ. Вотъ причины того, что Смоленскъ, не смотря на свою вполнѣ мирную жизнь, начиная съ 1654 г., не могъ уже подняться, до той высоты, на которой онъ нѣкогда

стоялъ. Мы видѣли раньше, что въ 13-мъ вѣкѣ въ Смоленскѣ насчитывалось до 40 т. жителей, въ началѣ 17 вѣка до 80 т.; а къ 1812 году всѣхъ жителей обоего пола всего на всего 11,410 человѣкъ, и городъ уже окончательно ни чѣмъ не выдѣляется изъ числа другихъ городовъ земли русской. Но вотъ насталъ 1812 г., и событія отечественной войны воскресили былую славу Смоленска; какъ въ тяжелыя времена междуцарствія, Смольяне первые возстали на защиту земли русской, и пали костьми, но не сдались врагу, такъ и теперь Смоленскъ является первымъ русскимъ городомъ который гибнетъ, но не сдается; Наполеонъ, подобно Сигизмунду, занялъ лишь обгорѣлыя развалины пустаго города, овладѣлъ полуразрушенными стѣнами, но не людьми ихъ населявшими.

Посмотримъ же, что пришлось пережить Смоленску въ 1812 году.

Съ Января мѣсяца 1811 года, когда явно обнаружились враждебные замыслы Наполеона противъ Россіи, Императоръ Александръ 1-й занялся оборонительными мѣрами; при чемъ, 21 Января 1811 года, въ Смоленскѣ было учреждено рекрутское депо артиллеріи, которое 18-го Ноября раздѣлено на 6 пѣшихъ и одну конную роту. Сверхъ того въ Смоленскѣ расположенъ былъ запасный артиллерійскій паркъ 2-й линіи.

Затѣмъ уже въ теченіе войны 1812 года, въ лагерѣ при Дриссѣ положено было, въ числѣ прочихъ распоряженій для увеличенія нашихъ войскъ, собрать въ Смоленскѣ наблюдательный корпусъ изъ 17-ти четвертыхъ или рекрутскихъ баталіоновъ.

Въ томъ же году Императоръ Александръ 1-й, сопровождавшій армію нашу при отступленіи ея отъ Дриссы, изъ Полоцка предпринялъ путешествіе въ Москву, и на пути туда, 9 Іюля, утромъ, прибылъ въ Смоленскъ.

За нѣсколько дней передъ этимъ, Смоленскіе дворяне, воодушевленные готовностью принести въ жертву родинѣ свою жизнь и достояніе, отправили къ Государю ходатайство о разрѣшеніи имъ собрать 20 тысячъ ратниковъ въ помощь регулярнымъ войскамъ. Просьба эта предупредила желаніе Государя, предупредила мысль всей Россіи. По примѣру Смольянъ, 15 Іюля, состоялось постановленіе Московскаго дворянства, а затѣмъ и другихъ губерній о сборѣ ополченій.

Остановившись въ Смоленскѣ, Государь немедленно принялъ дворянъ и въ тотъ же день передалъ Смоленскому губернатору Ашу собственноручно составленную записку о порядкѣ формированія ополченія.

Потомъ Государь дѣлалъ смотръ запаснымъ войскамъ, состоявшимъ изъ 17 баталіоновъ пѣхоты и 8-ми эскадроновъ кавалеріи. Присоеди-

нивъ къ нимъ формировавшіяся здѣсь-же двѣ конныхъ и двѣ пѣшихъ артиллерійскихъ роты, Государь поручилъ весь этотъ отрядъ генералъ-адъютанту Винценгероде и, повелѣвъ ему прикрывать Смоленскъ и содержать сообщеніе между первою и второю арміями, отправился далѣе въ Москву. **10.**

По мѣрѣ того какъ наши арміи сближались къ Смоленску, гражданское правительство, опасаясь за участь города, возбудило вопросъ о вывозѣ изъ Смоленска казенныхъ суммъ, присутственныхъ мѣстъ и учебныхъ заведеній. Главнокомандующій Барклай-де-Толли приказалъ отправить въ Юхновъ, изъ предосторожности, только денежныя суммы, бумаги, карты и тѣ источники, изъ которыхъ непріятель могъ почерпнуть хотя малѣйшія свѣдѣнія о состояніи края. Но и это отправленіе велѣно было какъ можно тщательнѣе скрыть отъ жителей и даже отъ чиновниковъ, производя его ночью самымъ тайнымъ образомъ. Давъ это секретное разрѣшеніе, Главнокомандующій заключилъ свое отношеніе къ Губернатору словами: «я увѣряю васъ, что городу Смоленску не предстоитъ еще ни малѣйшей опасности и невѣроятно, чтобъ оный ею угрожаемъ былъ. Я съ одной, а князь Багратіонъ съ другой стороны, идемъ на соединеніе передъ Смоленскомъ, которое совершится 22 числа, и обѣ арміи совокупными силами станутъ оборонять соотечественниковъ своихъ ввѣренной вамъ губерніи, пока усилія ихъ удалятъ отъ нихъ враговъ отечества, или пока не истребится въ храбрыхъ ихъ рядахъ до послѣдняго воина. Вы видите изъ сего, что имѣете совершенное право успокоить жителей Смоленска, ибо кто защищаемъ двумя столь храбрыми арміями, тотъ можетъ быть увѣренъ въ побѣдѣ ихъ». **11.**

Предчувствіе опасности, угрожавшей и Смоленску, и отечеству, побуждало Смоленскихъ дворянъ неоднократно просить не скрывать настоящаго положенія дѣлъ, чтобъ, вслѣдствіе того, могли они поднять оружіе и дѣйствовать или вмѣстѣ съ арміею, или партизанскою войною. Увѣряя постоянно въ безопасности, Главнокомандующій, не прежде какъ по вступленіи уже въ Смоленскъ, пригласилъ къ вооруженію дворянство, гражданъ и поселянъ. 21 Іюля онъ писалъ въ отношеніи Гражданскому Губернатору:

«Да присоединятся сіи вѣрные сыны Россіи къ войскамъ нашимъ для защиты своей собственности. Именемъ отечества просите обывателей всѣхъ близкихъ къ непріятелю мѣстъ вооруженною рукою нападать на уединенныя части непріятельскихъ войскъ, гдѣ ихъ увидятъ. Къ сему же я пригласилъ особымъ отзывомъ Россіянъ, обитающихъ въ мѣстахъ, Французами занятыхъ, дабы ни одинъ непріятельскій рат-

никъ не скрылся отъ мщенія нашего за причиненныя Вѣрѣ и Отечеству обиды и, когда армія ихъ поражена будетъ нашими войсками, тогда-бы бѣгущихъ непріятелей повсюду встрѣчали погибель и смерть изъ рукъ обывательскихъ. Возставшіе для защиты Отечества граждане вспомогать будутъ усиліямъ братьевъ и соотечественниковъ своихъ, которые на полѣ брани за нихъ жертвуютъ жизнію. Нашествіе вѣроломныхъ Французовъ отражено будетъ Россіянами, равно какъ предки ихъ въ древнія времена восторжествовали надъ самимъ Мамаемъ, смирили гордость завоевателей и за вѣроломство наказали и истребили коварныхъ сосѣдовъ. Смольяне
12. всегда были храбры и тверды въ Вѣрѣ. Я надѣюсь на ихъ усердіе».

10-го Іюля полученъ въ Смоленскѣ манифестъ о вооруженіи. Чрезъ пять дней начали прибывать армейскія тяжести. Нужно было доставлять въ армію запасы и продовольствіе; препровождать на подводахъ раненыхъ, больныхъ и резервныя войска; отправлять изъ Смоленска артиллерійскіе парки, кадетскій корпусъ, присутственныя мѣста и частное имущество. Все это требовало чрезвычайныхъ усилій со стороны крестьянъ, занятыхъ въ это время полевыми работами, и доставляло при томъ большія затрудненія къ формированію Смоленскаго ополченія. Пламенное усердіе Смольянъ превозмогло всѣ препятствія; едва прошло 8 дней отъ полученія манифеста, какъ въ Дорогобужъ, сборный пунктъ ополченія, сведено было 12.447 человѣкъ ратниковъ. Начальникомъ Смоленскаго ополченія былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Лебедевъ, а потомъ генералъ-маіоръ Вистицкій. Но ополченіе это составляло лишь малую часть тѣхъ пожертвованій, которыя принесла Смоленская губернія на алтарь Отечества въ годину бѣдствія. Пожертвованія ея, до выступленія арміи изъ Смоленской губерніи, простирались до 9.824.000 рублей, кромѣ хлѣба изъ запасныхъ
13. магазиновъ: муки 91.271 четв. и овса 16.322 четв.

19-го Іюля вступилъ въ Смоленскъ корпусъ Дохтурова, 20 Іюля подошли и остальные корпуса первой арміи и расположились на правомъ берегу Днѣпра, выставивъ авангарды къ Инкову и Руднѣ.

Съ позиціи подъ Смоленскомъ Барклай-де-Толли писалъ Багратіону о своемъ твердомъ намѣреніи не отступать далѣе и дать здѣсь сраженіе, несмотря на соединенныя силы Наполеона и Даву. Желаніе обоихъ главнокомандующихъ соединится у Смоленска исполнилось: 22 Іюля подошла сюда и вторая армія.

По соединеніи обѣ арміи простояли у Смоленска три дня, до 25 Іюля, употребляя время на печеніе сухарей и пополненіе убыли въ полкахъ запасными и резервными войсками.

26 Іюля арміи наши, на нѣкоторое время оставили Смоленскъ для наступательныхъ дѣйствій по направленію къ Руднѣ. Этого же числа первая армія прибыла въ Приказъ — Выдру, вторая въ Катань. Платовъ составлялъ авангардъ, а Невѣровскій съ 27 дивизіею посланъ въ Красный. Здѣсь примкнулъ къ нему генералъ-маіоръ Оленинъ, уже двѣ недѣли находившійся тамъ съ небольшимъ отрядомъ изъ запасныхъ баталіоновъ, бывшихъ въ Смоленскѣ, и добровольно вооружившихся Смоленскихъ дворянъ.

Первыми добровольцами, пожелавшими вступить въ ряды защитниковъ родины, были явившіеся къ Оленину четверо братьевъ Лесли. Они явились съ письмомъ отъ своего старика отца, въ которомъ послѣдній писалъ, что и самъ онъ, не смотря на преклонность лѣтъ, въ
случаѣ нужды, готовъ идти съ сыновьями. 14.

Въ то время какъ французскія войска приближались къ Лядамъ и Красному, Барклай-де-Толли стоялъ на позиціи у Волковой и Гавриковъ; Князь Багратіонъ подходилъ къ Надвѣ съ корпусомъ Бороздина; корпусъ Раевскаго долженъ былъ слѣдовать за нимъ днемъ позже. Невѣровскій съ 27 дивизіею, полкомъ драгунъ и 3-мя казачьими полками находился въ Красномъ. Онъ долженъ былъ держаться въ этомъ пунктѣ сколь возможно упорнѣе.

2-го Августа Невѣровскій былъ атакованъ французами; видя, что противъ него было превосходное число, онъ оставилъ въ Красномъ одну егерскую бригаду, а съ прочими занялъ позицію въ 3-хъ верстахъ за городомъ, прикрываясь оврагомъ. Непріятель атаковалъ городъ. Наши были вытѣснены изъ Краснаго, бригада отступила на позицію. У Невѣровскаго было 12-ть орудій батарейныхъ и 2 Донскихъ конныхъ. Онъ отрядилъ 2 конныхъ орудія съ однимъ баталіономъ пѣхоты за 12 верстъ по дорогѣ къ Смоленску и велѣлъ имъ занять переправу на небольшой рѣчкѣ тамъ протекавшей; самъ же выстроилъ свою дивизію, батарейныя орудія поставилъ на лѣвомъ флангѣ, прикрывъ ихъ Харьковскимъ драгунскимъ полкомъ, а Донской казачій полкъ расположилъ на правомъ флангѣ.

У непріятеля было 15 т. кавалеріи. Она обошла Невѣровскаго и атаковала его лѣвый флангъ. Харьковскій драгунскій полкъ, видя атаку, самъ бросился впередъ, но былъ опрокинутъ и преслѣдуемъ 12 верстъ, до рѣки, гдѣ посланный впередъ эшелонъ, состоявшій изъ одного баталіона и двухъ орудій, спасъ его. Затѣмъ батарея осталась безъ прикрытія. Непріятель на нее кинулся, опрокинулъ и захватилъ пять орудій, остальные семь ушли по Смоленской дорогѣ. Казаки также не

выдержали. Такъ Невѣровскій съ самаго начала сраженія остался безъ артиллеріи, безъ кавалеріи, съ одною пѣхотою. Непріятель окружилъ его со всѣхъ сторонъ своею конницею. Пѣхота атаковала съ фронта. Наши выдержали и отбили нападеніе и начали отходить. Непріятель, увидѣвъ отступленіе, удвоилъ кавалерійскія аттаки. Невѣровскій сомкнулъ свою пѣхоту въ каре и заслонился деревьями, которыми обсажена дорога. Французская кавалерія, повторяя непрерывно аттаки во фланги и въ тылъ генерала Невѣровскаго, предлагала наконецъ ему сдаться. Онъ отказался. Люди Полтавскаго полка, бывшаго у него въ этотъ день, кричали, что они умрутъ, а не сдадутся. Непріятель былъ такъ близко, что могъ переговариваться съ нашими солдатами. На пятой верстѣ отступленія былъ самый большой натискъ французовъ; но деревья и рвы дороги мѣшали имъ врѣзаться въ наши колонны. Стойкость нашей пѣхоты уничтожала пылкость ихъ нападеній. Непріятель безпрестанно вводилъ новые полки въ дѣло, но всѣ они были отбиты. Наши, безъ различія полковъ, смѣшались въ одну колонну и отступали, отстрѣливаясь и отражая аттаки непріятельской кавалеріи. Такимъ образомъ, Невѣровскій отошелъ еще семь верстъ. Въ одномъ мѣстѣ деревня едва не разстроила его отступленія: здѣсь прекращались березы и рвы дороги. Чтобы не быть совершенно уничтоженнымъ, Невѣровскій принужденъ былъ оставить тутъ часть войскъ, которая и была отрѣзана. Прочіе отступили сражаясь. Непріятель захватывалъ тылъ колонны и шелъ вмѣстѣ съ нею. Къ счастію у него немного было артиллеріи и потому онъ не могъ истребить эту горсть пѣхоты.

Невѣровскій приближался уже къ рѣчкѣ и, когда былъ онъ за версту, то изъ двухъ орудій, посланныхъ имъ еще раньше впередъ, открыли огонь. Непріятель, думая, что тутъ ожидало Русскихъ сильное подкрѣпленіе, очистилъ тылъ и наши благополучно переправились за рѣчку. Здѣсь они держались до вечера. Ночью отошли еще 19 верстъ до оврага, находящагося въ 6-ти верстахъ отъ Смоленска.

15. Въ этотъ день пѣхота наша покрыла себя славою.

Канонада при нападеніи на Невѣровскаго была слышна на правомъ берегу Днѣпра, по которому вторая армія тянулась къ Надвѣ. Позади всѣхъ шелъ Раевскій.

Едва послѣдній прошелъ нѣсколько верстъ, какъ узналъ отъ адъютанта, посланнаго Невѣровскимъ съ донесеніемъ къ князю Багратіону, о напорѣ непріятеля въ большихъ силахъ на 27-ю дивизію. Раевскій остановился и вскорѣ получилъ приказаніе возвратиться въ Смоленскъ и оттуда идти къ Красному на помощь Невѣровскому. Отдѣливъ

Паскевича съ 8-ю баталіонами въ авангардъ и приказавъ ему поспѣшать къ Красному, Раевскій просилъ Багратіона о присоединеніи къ своимъ войскамъ 2-й кирасирской дивизіи. При чемъ онъ спрашивалъ: въ случаѣ встрѣчи съ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ и необходимости отступленія, защищаться-ли въ Смоленскѣ, или, перейдя рѣку, препятствовать чрезъ нее непріятельской переправѣ. Неполучивъ на это отвѣта, онъ продолжалъ ночью движеніе къ Смоленску.

Паскевичъ, проходя съ своимъ авангардомъ на разсвѣтѣ, 3-го Августа, чрезъ Смоленскъ, и предугадывая, что здѣсь надобно будетъ сражаться, осмотрѣлъ стѣны города и его мѣстоположеніе. Пройдя 6-ть верстъ по дорогѣ къ Красному, онъ встрѣтилъ дивизію Невѣровскаго, которому передалъ приказаніе присоединиться къ корпусу Раевскаго, самъ же съ своимъ авангардомъ расположился за оврагомъ въ 6-ти верстахъ впереди Смоленска.

Вскорѣ за Паскевичемъ вступилъ въ Смоленскъ и Раевскій. По осмотрѣ мѣстоположенія города, онъ расположилъ свой корпусъ въ трехъ верстахъ позади Паскевича, въ намѣреніи ожидать дивизію Невѣровскаго, которая скоро къ нему присоединилась.

Утро 3-го Августа прошло спокойно. Французы не тревожили авангарда Паскевича. Въ 4 часа пополудни показались ихъ фланкеры; за ними слѣдовалъ авангардъ; онъ опрокинулъ казаковъ, подошелъ къ оврагу и остановился на пушечный выстрѣлъ отъ нашихъ батарей. Французы начали строится; до 4,000 кавалеріи обошли лѣвый флангъ Паскевича, и остановились въ деревнѣ; ночь застигла ихъ движеніе; множество зажженныхъ костровъ свидѣтельствовало о многочисленности непріятеля. **16.**

Положеніе Раевскаго было критическое. Онъ не могъ ожидать скорой помощи, ибо 1-я армія была отъ него въ 40, а 2-я въ 30 верстахъ, слѣдовательно ему оставалось, во чтобы ни стало, не допускать французовъ къ занятію переправы чрезъ Днѣпръ, прежде чѣмъ арміи наши подойдутъ къ Смоленску, иначе имъ былъ-бы отрѣзанъ путь отступленія.

Большое затрудненіе заключалось въ выборѣ мѣста для удержанія непріятеля. Раевскому оставалось рѣшить: принять-ли бой на занятой уже имъ позиціи, въ трехъ верстахъ впереди Смоленска; удерживаться ли въ самомъ городѣ, или переправиться на правый берегъ Днѣпра? На военномъ совѣщаніи, онъ согласился съ мнѣніемъ Паскевича и рѣшился защищаться въ самомъ городѣ. **17.**

Въ лунную ночь съ 3-го на 4-е Августа Раевскій и Паскевичъ поѣхали осмотрѣть городъ и выбрать мѣста на случай сраженій. Въ то

время Смоленская каменная стѣна, хотя уже ветхая, не представляла еще такого вида разрушенія, въ которомъ находится теперь: изъ 36 ея башенъ, еще существовали 30; а прочность стѣны позволяла совершать на всемъ ея протяженіи крестные ходы. Ее окружалъ не глубокій ровъ и прикрытый путь. На высотѣ, противъ Красненской дороги находился земляной кронверкъ, называемый Королевскою крѣпостью; влѣво отъ нея городскія предмѣстья. Во время двухъ-недѣльнаго пребыванія нашей арміи въ Смоленскѣ и его окрестностяхъ не было принято никакихъ мѣръ для укрѣпленія города.

Рѣшась защищаться въ самомъ Смоленскѣ, Раевскій тотчасъ же приказалъ своей пѣхотѣ отходить сюда съ позиціи, конница же до разсвѣта должна была поддерживать огни на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла, а при нападеніи на нее также отступить къ Смоленску.

Ночью занялись размѣщеніемъ войскъ. На правомъ флангѣ поставлены два орудія, обстрѣливавшія дорогу по Днѣпру; 6-ть баталіоновъ 26-й дивизіи положены за покрытымъ путемъ. На бастіонѣ выставили 18-ть орудій; по стѣнѣ разбросали Виленскій полкъ. Бригаду 27-й дивизіи полковника Ставицкаго, поставили влѣво отъ бастіона на кладбищѣ Мстиславльскаго предмѣстья (Солдатской слободы); передъ предмѣстьемъ 24 орудія. Восемь баталіоновъ и 24 орудія 12-й дивизіи въ самомъ предмѣстьѣ, съ приказаніемъ, что если непріятель сдѣлаетъ нападеніе на предмѣстье и будетъ усиливаться, то зажечь дома и отступать въ городъ. Наконецъ, на лѣвомъ флангѣ крѣпости два баталіона и 4 орудія, а въ резервѣ остальная бригада 27-й дивизіи.

Собрали нѣсколько сотъ выздоравливавшихъ изъ госпиталей, вооружили ихъ и размѣстили по городской стѣнѣ. Ночью пришли къ Раевскому Новороссійскій драгунскій и Литовскій уланскій полки; ихъ вмѣстѣ съ казаками послали въ разъѣзды на лѣвый флангъ. Пѣхотѣ было приказано не дѣлать ни шагу для преслѣдованія непріятеля, если онъ будетъ отбитъ, чтобы не ослаблять себя, расширяя поле битвы. Съ 3-го на 4-е Августа, Наполеонъ ночевалъ въ загородномъ архіерейскомъ домѣ, называемомъ Новый Дворъ, въ 7 верстахъ отъ Смоленска. Съ зарею, 4-го, поѣхалъ онъ къ авангарду, гдѣ завязалась перестрѣлка, осмотрѣлъ окрестности и, будучи увѣренъ, что русская армія еще далеко, а Смоленскъ занятъ лишь дивизіей Невѣровскаго, приказалъ Нею атаковать городъ. Завязался первый бой подъ Смоленскомъ. Генералъ Паскевичъ, впослѣдствіи знаменитый фельдмаршалъ, будучи однимъ изъ главныхъ участниковъ дѣла 4-го Августа, оставилъ описаніе
18. этого боя, которое мы приводимъ здѣсь почти безъ всякаго измѣненія.

«Около 6-ти часовъ утра, пишетъ Паскевичъ, я легъ отдохнуть. Чрезъ полчаса меня разбудили. Непріятель уже показался. Кавалерія наша во всю прыть отступала отъ непріятельской. Мы открыли огонь изъ орудій и остановили преслѣдованіе. Не прошло получаса, какъ увидѣли три большія колонны французской пѣхоты (корпуса короля Неаполитанскаго и маршала Нея, къ которымъ вскорѣ прибылъ самъ Наполеонъ). Одна изъ нихъ шла прямо на бастіонъ, другая на кладбище, третья вдоль Днѣпра на правый нашъ флангъ. Я бросился къ 6-ти баталіонамъ, лежавшимъ въ резервѣ, и вывелъ ихъ вдоль покрытаго пути. Всѣ семьдесятъ орудій нашихъ были уже въ дѣйствіи. Но непріятель прошелъ ядра, прошелъ картечь и приближался къ рытвинѣ, составлявшей въ томъ мѣстѣ ровъ Смоленской крѣпости. Только что я успѣлъ выстроить одинъ баталіонъ, какъ французы были на гласисѣ. Орловскій полкъ открылъ ружейный огонь и удержалъ непріятеля. Нѣсколько разъ покушался онъ выдти изъ оврага; нѣсколько разъ бросался на нашу пѣхоту, но каждый разъ встрѣчалъ нашъ сильный огонь и принужденъ былъ возвратиться въ оврагъ. Тѣла его покрывали гласисъ. Замѣчая, что атаки непріятеля слабѣютъ, я приказалъ 1-му баталіону Орловскаго полка бросится на него въ штыки. Баталіонъ вышелъ изъ покрытаго пути, но, увидѣвъ, что второй баталіонъ за нимъ не идетъ, остановился. Я послалъ адъютанта моего Бородина. Онъ сталъ на гласисъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ непріятеля, закричалъ ура, и оба баталіона, подъ командою полковника Берникова, съ крикомъ бросились на французовъ.

Въ это же время полки Ладожскій и Нижегородскій поддержали атаку, и непріятель былъ опрокинутъ, выбитъ изъ рытвины и трупами его устлано все пространство отъ гласиса до противной стороны оврага.

Полки мои бросились было преслѣдовать непріятеля. Я ударилъ отбой, возвратилъ ихъ и вновь построилъ баталіоны за покрытымъ путемъ. Вскорѣ непріятель, получивъ подкрѣпленіе, опять подошелъ къ намъ; но остановясь по ту сторону оврага, перестрѣливался и не смѣлъ дѣлать на насъ новыхъ покушеній.

На лѣвомъ флангѣ, противъ бригады полковника Ставицкаго, непріятель въ стрѣлкахъ и колоннахъ подошелъ къ нашимъ батареямъ и самъ выдвинулъ артиллерію. Его встрѣтили картечью. Хотя орудіямъ нашимъ приказано было отойти, но командиръ одной изъ артиллерійскихъ ротъ, подполковникъ Журавковскій, рѣшился держаться и продолжалъ стрѣлять картечью. Вскорѣ послѣдовала общая атака въ центрѣ, о которой сказано выше, и непріятель былъ и съ этой стороны въ большой потерѣ.

На лѣвомъ форштатѣ, занятомъ 12-ю дивизіею, атаки не было.

Все это происходило около 9-ти часовъ по полуночи. Въ это время стала собираться подъ Смоленскомъ вся французская армія, становилась въ позицію и окружала городъ. Непріятель, видя неудачу приступовъ, устроилъ батареи и сталъ бить стѣны города, поддерживая промежутки батарей стрѣлками. Цѣлые полки подходили по баталіонно и разсыпались въ стрѣлки. Мы за покрытымъ путемъ теряли людей немного, а французы безпрерывно подкрѣпляли свои баталіоны. У меня были дурныя ружья. Я велѣлъ подобрать ружья французскія и перемѣнилъ ихъ на весь полкъ.

Около полудня показалась съ другой стороны и наша 2-я армія. Князь Багратіонъ, пославъ наканунѣ къ Смоленску корпусъ генерала Раевскаго, самъ думалъ перейти Днѣпръ у села Катани, но узнавъ, что всѣ силы Наполеона направлены тоже къ Смоленску, снялъ мостъ и 3-го, на разсвѣтѣ, выступилъ изъ Катани, по правому берегу Днѣпра, на соединеніе съ Раевскимъ.

Седьмой корпусъ былъ подкрѣпленъ 2-ю Гренадерскою дивизіею Принца Карла Мекленбурскаго. Ко мнѣ прислали баталіонъ Сибирскаго Гренадерскаго полка. Къ вечеру прибылъ генералъ Барклай-де-Толли съ 1-ю арміею и сталъ на высотахъ праваго берега Днѣпра. Кононада продолжалась еще долго, но въ наступленіе французы не переходили и къ ночи отошли въ свой лагерь».

Такимъ образомъ слабому 13 т. корпусу Раевскаго 4-го Августа удалось отбить всѣ атаки французскихъ войскъ и удержать за собою Смоленскъ. Не удержись въ этотъ день Смоленскъ, и ничто-бы не помѣшало Наполеону переправиться черезъ Днѣпръ и отрѣзать путь отступленія Русской арміи. Въ ночь на 5-е Августа нашимъ Главнокомандующимъ выпало на долю разрѣшить вопросъ о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій: принять-ли бой подъ Смоленскомъ, или отступить. Отсутствіе хорошей позиціи, а главное возможность движенія французовъ въ обходъ нашего лѣваго фланга (къ Прудищеву, гдѣ были переправы черезъ Днѣпръ) и занятія Московской дороги, черезъ что наши арміи были бы отрѣзаны отъ Москвы, заставили нашихъ Главнокомандующихъ отказаться отъ мысли принимать бой подъ Смоленскомъ. Рѣшено было слѣдующее: 1) второй арміи отступить по Дорогобужской дорогѣ къ Соловьеву, оставя у Смоленска, на Московской дорогѣ, впереди рѣчки Колодни, авангардъ подъ начальствомъ князя Горчакова; 2) для прикрытія движенія Князя Багратіона, первой арміи занять однимъ корпусомъ Смоленскъ, а прочимъ корпусамъ расположиться подлѣ
19. города, на правомъ берегу Днѣпра.

Ночью съ 4 на 5 Августа начали приводить въ исполненіе эти распоряженія. Въ Смоленскъ назначили корпусъ Дохтурова, который только что оправлялся отъ болѣзни и чувствовалъ еще большую слабость. Главнокомандующій послалъ спросить его: въ силахъ ли онъ дѣйствовать при оборонѣ Смоленска? Дохтуровъ отвѣчалъ: «лучше умереть на полѣ, нежели на кровати». Въ полночь онъ смѣнилъ Раевскаго въ Смоленскѣ. На усиленіе Дохтурова назначили дивизіи Невѣровскаго и Коновницына и бригаду 12-й дивизіи, Колюбакина. Поутру, 5 Августа, первая армія заняла возвышенности на правомъ берегу Днѣпра, вторая отошла за 12 верстъ по Московской дорогѣ, отправивъ напередъ въ разныя стороны наблюдательные отряды. Выступая, князь Багратіонъ доносилъ Государю: «Надѣюсь, что Военный Министръ, имѣя передъ Смоленскомъ всю 1-ю армію, удержитъ Смоленскъ, а я, въ случаѣ покушенія непріятеля пройдти далѣе на Московскую дорогу, буду отражать его». 20.

Дохтуровъ разставилъ войска въ предмѣстіяхъ, на тѣхъ мѣстахъ, которыя наканунѣ были занимаемы Раевскимъ: 24-я дивизія Лихачева, на правомъ крылѣ, занимала Красненское предмѣстье и Королевскій бастіонъ; 7-я дивизія Капцевича, въ центрѣ, назначена для обороны Мстиславскаго и Рославльскаго предмѣстій; 27-я дивизія Невѣровскаго и 6-й егерскій полкъ стали на лѣвомъ крылѣ въ предмѣстіяхъ Никольскомъ и Рачевкѣ; впереди лѣваго фланга ихъ, близь Днѣпра, расположились Иркутскій, Сибирскій и Оренбургскій драгунскіе полки съ небольшимъ числомъ казаковъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Скалона; 3-я дивизія Коновницына поставлена въ резервѣ, близь Молоховскихъ воротъ. Часть артиллеріи, находившейся при войскахъ, была размѣщена: въ Королевскомъ бастіонѣ, на террассѣ Молоховскихъ воротъ, въ башняхъ ограды и въ предмѣстьѣ Мстиславскомъ. Для сообщенія съ правымъ берегомъ Днѣпра, устроены были, кромѣ постояннаго моста, еще два понтонныхъ. Сильныя батареи, по приказанію Барклая-де-Толли, были поставлены на правомъ берегу Днѣпра, выше и ниже Смоленска, для обстрѣливанія непріятельскихъ войскъ съ фланга, въ случаѣ наступленія ихъ противъ западной или восточной стороны города.

Вечеромъ, 4-го Августа, послѣ боя выдержаннаго Раевскимъ, непріятельскія войска были расположены слѣдующимъ образомъ: на лѣвомъ крылѣ, противъ Красненскаго предмѣстья, три дивизіи Нея; въ центрѣ, противъ Мстиславскаго и Никольскаго предмѣстій, пять дивизій Даву; на правомъ крылѣ, противъ Рачевки, двѣ дивизіи Понятовскаго, и еще правѣе, близь Днѣпра, три кавалерійскіе корпуса

Мюрата. Въ резервѣ центра стояла гвардія. Число этихъ войскъ простиралось до 140 тысячъ человѣкъ. Корпусъ вице-короля находился тогда еще между Краснымъ и Корытнею; а корпусъ Жюно, назначенный для поддержанія Понятовскаго, сбился съ дороги и прибылъ къ Смоленску уже вечеромъ; въ обоихъ этихъ корпусахъ было 40 тысячъ человѣкъ.

Съ разсвѣтомъ, 5-го Августа, началась перестрѣлка въ предмѣстьяхъ; по мѣрѣ сгущенія французской передовой цѣпи, усилилась и наша; огонь постепенно дѣлался живѣе. Въ восемь часовъ утра, Дохтуровъ сдѣлалъ довольно сильную вылазку изъ города въ предмѣстія и вытѣснилъ оттуда, почти безъ сопротивленія, непріятеля въ поле. Наполеонъ ограничивался перестрѣлкою, надѣясь выманить русскую армію на лѣвую сторону Днѣпра. Полки 24 дивизіи Лихачева, стоявшіе вправо отъ Молоховскихъ воротъ, сформированные изъ Сибиряковъ, въ первый разъ дравшихся съ французами, безпрестанно кидались впередъ, не смотря на многократныя приказанія не выходить изъ черты предмѣстій. Лишь только приближались непріятельскіе стрѣлки, наши выбѣгали на встрѣчу; раздавалось «ура!», и всѣ усилія начальниковъ умѣрить рвеніе солдатъ были напрасны.

До трехъ часовъ по полудни бой ограничивался перестрѣлкою и кононадою. Изрѣдка съ нашей стороны, замѣтивъ кое гдѣ скопленіе непріятелей, пускали въ нихъ ядра и гранаты съ городскихъ стѣнъ; со стороны же французовъ вовсѣ не стрѣляли по городу и потому въ немъ господствовало совершенное спокойствіе..

Къ двумъ часамъ непріятель отошелъ назадъ на пушечный выстрѣлъ; огонь прекратился. Наполеонъ все еще ждалъ, что наши выйдутъ изъ Смоленска и примутъ сраженіе на пространствѣ, находившемся между городомъ и французскою арміею. Надежда его скоро разрушилась донесеніемъ, привезеннымъ съ праваго фланга, что тамъ замѣтно движеніе русскихъ, отступающихъ отъ Смоленска по Московской дорогѣ. То была 2-я армія. Маршъ ея не могъ скрыться отъ непріятеля, потому что дорога, по которой слѣдовалъ князь Багратіонъ, нѣсколько верстъ идетъ вдоль Днѣпровскаго берега. Наполеонъ желалъ лично удостовѣриться въ столь важномъ извѣстіи и поѣхалъ на правое крыло, къ Шеину-острогу. Здѣсь онъ своими глазами убѣдился въ движеніи князя Багратіона, и первою мыслію его было отрѣзать эти войска отъ тѣхъ, которыя находились въ Смоленскѣ. Посланы разъѣзды для отысканія бродовъ. Нѣсколько французовъ, въѣзжавшихъ въ рѣку, для узнанія глубины воды, утопили лошадей. Разъѣзды возвратились

съ донесеніемъ, что не нашли брода, хотя онъ былъ версты 4 выше Смоленска. По неимѣнію брода, при невозможности отрѣзать отступавшія войска, вознамѣрился Наполеонъ овладѣть Смоленскомъ, какъ мѣстомъ для переправы на правый берегъ Днѣпра, и велѣлъ начать общую атаку. У непріятеля, противъ нашего праваго фланга, взвилась ракета, и густыя тучи французскихъ войскъ появились на горизонтѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ взлетѣла другая ракета, потомъ третья, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, около двухъ сотъ ядеръ и гранатъ изъ батарейныхъ орудій посыпались въ городъ. Эта кононада была предвѣстіемъ наступленія французовъ.

Дѣло началось атакою кавалерійской дивизіи Брюйера на нашихъ драгунъ, которые, будучи опрокинуты, отступили въ безпорядкѣ чрезъ Молоховскіе ворота въ городъ. Здѣсь погибъ генералъ Скалонъ. Вслѣдъ затѣмъ, Понятовскій выдвинулъ въ первую линію свою пѣхоту противъ Никольскаго предмѣстья и Рачевки, правымъ флангомъ къ Днѣпру, и расположилъ у самаго берега рѣки батарею въ 60 орудій, для обстрѣливанія устроенныхъ русскими мостовъ и для противодѣйствія русской батареи подполковника Нилуса, дѣйствовавшей съ правой стороны Днѣпра. Отъ множества гранатъ, пущенныхъ непріятелями въ предмѣстья Рачевку и Никольское, они загорѣлись въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Войска Понятовскаго, пользуясь тѣмъ, ворвались въ пылающія предмѣстья; здѣсь въ рукопашной схваткѣ заколотъ польскій генералъ Грабовскій. Поляки, достигнувъ подошвы городскихъ стѣнъ, покушались на штурмъ, но, не имѣя лѣстницъ, были отбиты съ огромнымъ урономъ. Дивизіонный генералъ Заіончекъ, шедшій въ головѣ своихъ колоннъ, былъ раненъ.

Въ продолженіе этихъ дѣйствій, Ней овладѣлъ Красненскимъ предмѣстьемъ и выстроилъ дивизію Маршана противъ королевскаго бастіона, но не атаковалъ это укрѣпленіе, считая его сильнѣйшимъ, нежели оно было въ дѣйствительности.

Между тѣмъ Наполеонъ готовился повести главную атаку войсками Даву, въ центръ нашей позиціи, на Молоховскія ворота. Дивизіи Морана Гюденя и Фріана, неподверженныя фланговому огню нашихъ батарей, на правомъ берегу Днѣпра устроенныхъ, послѣ упорнаго боя едва не овладѣли Мстиславскимъ и Рославльскимъ предмѣстьями, откуда Капцевичъ и Коновницынъ отступили въ городъ. Здѣсь былъ убитъ въ цѣпи стрѣлковъ генералъ-маіоръ Балла. Оборона городской стѣны представляла непріятелю почти неодолимую преграду; но мы не могли дѣйствовать съ надлежащею силою, потому что стѣны вовсе не были

*

приспособлены ни къ расположенію за ними орудій, ни къ занятію ихъ пѣхотою.

Настойчивость непріятельскихъ атакъ заставила Дохтурова послать къ Барклаю-де-Толли, находившемуся на правой сторонѣ рѣки, съ просьбою о помощи. Барклай отвѣчалъ присланному къ нему: «передайте Дмитрію Сергѣевичу, что отъ его мужества зависитъ сохраненіе всей арміи», и послалъ въ подкрѣпленіе Дохтурову 4-ю дивизію принца Евгенія Виртембергскаго и лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ. Между тѣмъ непріятель сдѣлалъ новыя усилія для овладѣнія городомъ. Наполеонъ приказалъ генералу Сарбье подвести къ стѣнамъ Смоленска 36 батарейныхъ орудій гвардейской резервной артиллеріи; вообще же противъ городской ограды выставлено было болѣе полутораста орудій. Огонь ихъ, направленный противъ крѣпкихъ Смоленскихъ стѣнъ, не произвелъ никакого дѣйствія. Несравненно большій вредъ наносили намъ снаряды, падавшіе чрезъ нихъ въ городъ: первые разбивали зубцы и поражали осколками камней войска, находившіяся за оградою; а вторые производили въ городѣ пожары, попадали въ наши колонны, стоявшія въ улицахъ и на площадяхъ, и убивали жителей. Въ пять часовъ по полудни, Наполеонъ приказалъ маршалу Даву штурмовать городъ. Французы отважно пошли на приступъ и едва не овладѣли Молоховскими воротами; но въ это самое время подоспѣлъ въ помощь къ Дохтурову принцъ Евгеній Виртембергскій.

Находясь при Барклаѣ-де-Толли, на правомъ берегу Днѣпра, въ продолженіе отчаянной обороны Смоленскихъ предмѣстій, принцъ Евгеній склонилъ главнокомандующаго отрядить въ городъ 4-ю дивизію и вызвался тотчасъ поѣхать туда, чтобы убѣдиться лично въ положеніи дѣла. Едва успѣлъ онъ миновать мостъ, какъ попалъ въ густую толпу раненыхъ, уходившихъ чрезъ городъ съ мѣста побоища; тысячи страдальцевъ съ разрубленными лицами, съ истерзанными членами, которыхъ путь былъ обозначенъ струями крови, наполняли улицы, между пылающими строеніями; а непріятельскія ядра и гранаты, поражая искавшихъ спасенія и устилая городъ ихъ трупами, увеличивали общее смятеніе. Достигнувъ Молоховскихъ воротъ, принцъ нашелъ тамъ Дохтурова, подъ жесточайшимъ градомъ снарядовъ, падавшихъ густою тучею. Находившійся тамъ же Коновницынъ дѣйствовалъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ, но изъявлялъ безнадежность удержаться въ городѣ. Принцъ Евгеній поспѣшилъ на встрѣчу своей дивизіи и, по прибытіи ея въ городъ, тотчасъ отрядилъ Тобольскій и Волынскій полки къ Рачевкѣ, гдѣ они должны были, вмѣстѣ съ гвардейскими егерями, стоявшими въ

резервѣ лѣваго крыла, и съ войсками 12-й и 27-й дивизіи удерживать Понятовскаго. Кременчугскій и Минскій полки были посланы на правый флангъ нашей позиціи, въ помощь 24-й дивизіи Лихачева, и вступили въ жаркій бой. Самъ же принцъ Виртембергскій съ 4-мъ Егерскимъ полкомъ и генералъ Коновницынъ съ частью своей дивизіи кинулись на непріятелей, приступавшихъ къ Молоховскимъ воротамъ, и опрокинули ихъ. На этомъ пунктѣ продолжался жесточайшій огонь; прислуга и лошади нашихъ четырехъ орудій, здѣсь стоявшихъ, были истребляемы и смѣняемы нѣсколько разъ; немногіе лишь изъ находившихся при Коновницынѣ остались невредимы; самъ онъ раненый пулею въ руку не оставлялъ поля сраженія и даже не позволилъ сдѣлать себѣ перевязки до самаго окончанія боя. Достойный сподвижникъ его, принцъ Евгеній, устремился, со своими егерями изъ Молоховскихъ воротъ въ прикрытый путь, занятый французами; первые ряды его колонны пали подъ пулями густой непріятельской цѣпи; но это не остановило храбрыхъ: баталіонъ, шедшій въ головѣ полка, подъ командою маіора Гейдекена, выбилъ непріятеля штыками изъ прикрытаго пути. Не менѣе удачно русскія войска отбивали многократныя атаки поляковъ въ Рачевкѣ.

Наполеонъ, убѣдясь въ невозможности взять городъ приступомъ, ограничился сильною кононадою. Болѣе ста орудій, преимущественно гаубицъ, бросавшихъ разрывные снаряды, дѣйствовали нѣсколько часовъ по городу, распространяя въ немъ пожары и опустошенія. Русскія войска, охваченныя спереди непріятелемъ, а сзади пламенемъ, продолжали мужественно отстаивать пепелище родного города.

Въ 7 часовъ пополудни, французы снова покушались на штурмъ и снова были отбиты. На правомъ крылѣ нашей позиціи, въ Красненскомъ предмѣстьѣ, они дѣйствовали съ лучшимъ успѣхомъ, но, наконецъ, были выбиты и оттуда 30-мъ и 48-мъ Егерскими полками дивизіи Олсуфьева, присланными главнокомандующимъ въ помощь Лихачеву. Въ девять часовъ вечера кононада смолкла на всѣхъ пунктахъ. Войска наши расположились за городскою оградою, выславъ стрѣлковыя цѣпи въ прикрытый путь и предмѣстья. Ожесточеніе, съ какимъ сражались наши воины въ достопамятный день 5-го Августа, превосходитъ всякое вѣроятіе: раненые, не чувствуя боли отъ нанесенныхъ имъ язвъ, оставались въ пылу боя, исходили кровью и падали отъ истощенія силъ.

Во все продолженіе боя, въ день 5-го Августа, Смоленскъ представлялъ зрѣлище ужасное и трогательное. Смольяне, за нѣсколько дней передъ тѣмъ успокоенные сперва отзывомъ Барклая-де-Толли къ Смо-

ленскому губернатору Ашу, о намѣреніи защищать Смоленскъ до послѣдней крайности, а потомъ соединеніемъ обѣихъ русскихъ армій и наступательными ихъ движеніями, считали себя совершенно безопасными. Оборона предмѣстій Раевскимъ, въ продолженіе которой ни одного непріятельскаго ядра не было пущено въ городъ, заставила удалиться лишь немногихъ изъ его жителей, устрашенныхъ сближеніемъ Наполеоновой арміи; прочіе всѣ неоставляли жилищъ своихъ, въ надеждѣ на силу защитниковъ города. Когда же на Смоленскъ внезапно обрушились военные громы, когда запылали дома, когда жители, ихъ жены и дѣти, сдѣлались жертвами войны, страхъ и отчаяніе овладѣли Смольянами: одни изъ нихъ бѣжали, не зная гдѣ искать пристанища; другіе, собравшись въ храмахъ Божіихъ, прибѣгали къ источнику силъ и утѣшенія, теплой молитвѣ. Среди тысячи смертей, носившихся надъ Смоленскомъ, совершалось во всѣхъ церквахъ всенощное бдѣніе наканунѣ праздника Преображенія Господня. Въ сумерки чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери былъ вынесенъ изъ города и врученъ войскамъ, какъ священный залогъ побѣдоноснаго возвращенія ихъ въ древній городъ, обреченный временно въ жертву.

Послѣ дня, ознаменованнаго гибелью многихъ тысячъ людей и опустошеніемъ столицы древняго русскаго княжества, настала ночь не менѣе страшная. Барклай-де-Толли, не имѣя возможности продолжать оборону пылающихъ развалинъ Смоленска, приказалъ Дохтурову очистить городъ. Говорятъ, будто бы войска наши, тѣ самыя войска, которыя, защищая его, готовы были пролить послѣднюю каплю крови своей, усиливали при отступленіи пожаръ поджогами. При совершенномъ безвѣтріи, пламя поднималось высокимъ столбомъ, надъ которымъ клубились огромныя тучи дыму, представляя, по выраженію Наполеона,
21 зрѣлище подобное изверженію Везувія.

Войска Дохтурова вышли изъ города за два часа до разсвѣта, увезли съ собою, чрезъ объятыя пламенемъ улицы, свою артиллерію и уничтожили мосты на Днѣпрѣ. Коновницынъ распоряжался арріергардомъ. Посты, находившіеся внѣ Смоленска, отступили въ тишинѣ; входы въ городъ заграждены; раненые, по возможности, вывезены. До разсвѣта Смоленскъ совершенно опустѣлъ; мостъ уничтоженъ. Нѣсколько полковъ стали въ предмѣстьи, противъ бывшаго моста и при бродахъ. Въ такомъ положеніи ожидали разсвѣта, а между тѣмъ мимо войскъ нашихъ тянулись отовсюду несчастные жители, бѣжавшіе отъ непріятеля; старики съ малолѣтними, матери съ дѣтьми — всѣ спасались, не зная сами куда, не зная, что будетъ съ ними и съ Россіею!

Едва начала заниматься заря въ день Преображенія Господня, какъ непріятельскіе ведеты, не видя никого передъ собою, ни внѣ стѣнъ, ни на вершинѣ ихъ, стали сближаться къ Смоленску, прислушиваться и мало по малу входить въ городъ. За передовою цѣпью тронулся авангардъ; незамедлилъ прибыть и Наполеонъ. Онъ въѣхалъ въ Никольскія ворота и направился глухими улицами въ церковь надъ Днѣпровскими воротами. Изъ ея запертыхъ стеклянныхъ дверей смотрѣлъ онъ, какъ по ту сторону сожженнаго моста двѣ русскія пушки отстрѣливались и огнемъ своимъ по городской набережной наносили вредъ французамъ. Приказавъ втащить въ церковь Божіей Матери два орудія и поставя ихъ въ дверяхъ балкона, Наполеонъ самъ наводилъ ихъ по нашимъ пушкамъ. Потомъ вышелъ онъ изъ церкви и приказалъ противъ нашихъ стрѣлковъ, занимавшихъ противуположный берегъ, поставить 4 орудія на небольшомъ земляномъ валу.

Возвращаясь посреди свирѣпствовавшаго еще пожара, по обгорѣлымъ трупамъ нашихъ храбрыхъ защитниковъ Отечества, къ себѣ на квартиру, Наполеонъ кое-гдѣ встрѣчалъ бродившихъ жителей, доведенныхъ до истиннаго отчаянія отъ явленій кипѣвшаго наканунѣ сраженія, повсемѣстнаго пламени и разбоя, которому предавался непріятель. Лишенные крова, видя всѣ связи семейной и гражданской жизни расторгнутыми, несчастные Смольяне, какъ изступленные, искали пріюта и защиты; раненые, обгорѣлые, избитые, спасались они въ храмахъ Божіихъ. Въ такомъ положеніи нашелъ Наполеонъ Смоленскъ.

Когда по утру, 6-го Августа, Наполеонъ въѣзжалъ въ Смоленскъ, наша первая армія вступала въ позицію, избранную на Порѣчской дорогѣ, верстахъ въ трехъ отъ Смоленска. Корфъ былъ посланъ командовать оставшимися въ предмѣстьи войсками, на мѣсто Коновницына, который ночью начальствовалъ арріергардомъ, а потомъ по очищеніи Смоленска, обратился съ дивизіею къ своему корпусу. Еще позиція не была совсѣмъ занята арміею, какъ огонь горѣвшаго моста перешелъ въ форштадтъ и произвелъ пожаръ въ домахъ, откуда пѣхота нашего арріергарда должна была выдти, не находя мѣста отъ огня. Одно убѣжище осталось въ садахъ, но и тутъ жаръ простирался до такой степени, что плоды на деревьяхъ были испечены. Увидя отступленіе нашего арріергарда, непріятель переправился въ бродъ у самаго моста, оттѣснилъ егерей, занялъ нѣсколько улицъ въ форштатѣ и выступилъ изъ него на равнину Порѣчской дороги. Тогда снова поручено Коновницыну возвратиться и очистить предмѣстье. Съ егерскою бригадою князя Шаховскаго и отступившимъ отрядомъ Корфа, Коновницынъ

атаковалъ французовъ и прогналъ ихъ за Днѣпръ. Корфъ расположился въ предмѣстьи; егеря разсыпались по Днѣпровскому берегу и въ продолженіи всего дня перестрѣливались съ непріятелемъ, находившимся на противной сторонѣ. По временамъ посылались пушечные выстрѣлы. Лишь только войска нашего арріергарда собирались на какомъ либо пунктѣ, или показывались кучками, тотчасъ осыпали ихъ картечью. Во многихъ мѣстахъ непріятель испытывалъ кавалеріею броды, но
22. ничего не предпринималъ важнаго.

Въ ночь съ 6-го на 7-е Августа 1-я армія двумя колоннами двинулась проселкомъ съ Порѣчской дороги на Московскій трактъ. На утро французы, замѣтивъ отступленіе нашихъ войскъ, начали переправляться на правый берегъ и тѣснить нашихъ. Размѣры настоящаго очерка не позволяютъ намъ остановиться на изложеніи дѣлъ при Гедеоновѣ, Валутиновой горѣ, при Лубинѣ; скажемъ только, что не смотря на все желаніе французовъ, и полную возможность, отрѣзать нашимъ войскамъ путь отступленія и разбить ихъ по частямъ на маршѣ, выполнить этого имъ не удалось, и войска 1-й арміи, отбивъ блистательно всѣ покушенія французовъ, 9 Августа соединились съ отошедшей раньше 2-ю арміею. Посмотримъ, что дѣлалось въ это время въ Смоленскѣ.

Бомбардировка, пожары, грабежъ, производимый французскими войсками, сдѣлали красивый передъ тѣмъ городъ не узнаваемымъ. Во все это бѣдственное время сгорѣло въ Смоленскѣ 45 домовъ каменныхъ и 1568 деревянныхъ, 69 лавокъ каменныхъ и 248 деревянныхъ; изъ 2250 обывательскихъ домовъ, лавокъ и заводовъ уцѣлѣли только 350. Наполеонъ помѣстился въ домѣ Гражданскаго Губернатора. На другой день послѣ своего пріѣзда, 7 Августа, онъ отправился въ соборъ. Войдя туда съ покрытою головою, онъ былъ пораженъ великолѣпіемъ и торжественностію храма и снялъ шляпу, что сдѣлали и всѣ окружавшіе его, которые до тѣхъ поръ были, подобно своему повелителю, съ покрытыми головами. Ужасна была картина, представившаяся Наполеону въ храмѣ Божіей Матери. Тамъ искали убѣжища неуспѣвшіе спастись изъ города и лишенные пожаромъ крова. Тамъ видѣлъ онъ матерей въ мукахъ разрѣшенія отъ бремени, больныхъ боровшихся со смертію; тамъ слышалъ онъ вопли и стѣнанія, оглашавшіе церковь; но никому изъ страдальцевъ не простеръ онъ руки помощи, никто не услышалъ отъ него привѣтнаго слова. Уходя, онъ приказалъ приставить къ Собору часовыхъ, чрезъ что храмъ этотъ уцѣлѣлъ отъ того раззоренія, какое потерпѣли прочія церкви. Наполеонъ нѣсколько разъ ѣздилъ по раззореннымъ окрестностямъ, гдѣ не оставалось и слѣдовъ прежняго

благосостоянія, и прогуливался по испепеленному городу, безмолвно глядя, какъ воины его грабили догоравшіе дома и истязали беззащитныхъ гражданъ. Руки ихъ святотатственно коснулись и самихъ храмовъ Господнихъ, святость которыхъ была поругана; многіе изъ нихъ были обращены въ конюшни, другіе замѣняли мѣста лазаретовъ и магазиновъ; Спасская церковь служила мѣстомъ заключенія преступниковъ. Изъ казенныхъ имуществъ достались въ добычу непріятеля только одни губернскіе давнихъ лѣтъ архивы, для поднятія которыхъ требовалось большое количество лошадей, но въ нихъ въ послѣдніе дни пребыванія нашихъ армій у Смоленска оказался совершенный недостатокъ.

До нашествія непріятеля народонаселеніе Смоленска состояло изъ 11 т. обывателей; но сколько ихъ было въ городѣ во время занятія его Наполеономъ съ достовѣрностію неизвѣстно. Очевидцы говорятъ, что въ Смоленскѣ оставалось не болѣе 1000 человѣкъ, да около двухсотъ Литовскихъ погонщиковъ, которые везли за русскою арміею тяжести и потомъ отъ нея отдѣлились. По крайней мѣрѣ, извѣстно то, что Наполеонъ не засталъ въ Смоленскѣ ни одного дворянина, кромѣ весьма малаго числа чиновниковъ, не успѣвшихъ спастись, такъ какъ отъ князя Багратіона тогда только было получено разрѣшеніе удаляться, когда 4-го Августа загорѣлось сраженіе. При томъ одни были увѣрены, что городъ не сдадутъ; другіе же хотѣли остаться въ немъ до послѣдней возможности и выдти вмѣстѣ съ арріергардомъ, чему воспрепятствовало зажженіе Днѣпровскаго моста.

Занявъ Смоленскъ, Наполеонъ учредилъ тамъ Верховную Коммисію для управленія Смоленскою губерніею по гражданской части, подъ предсѣдательствомъ французскаго интенданта Вильбланша. Военными губернаторами были: сперва Коленкуръ, потомъ генералы Шарпантье и Жомини. Кромѣ того, учрежденъ былъ Муниципалитетъ изъ 10 членовъ и 30 чиновниковъ, писцовъ, казначеевъ и коммисаровъ, которые употреблялись для разъѣздовъ. Эти сорокъ человѣкъ, поступившіе въ Муниципалитетъ, большею частію по принужденію, были люди безъ имени, иностранные мастеровые, шляхтичи и выключенные изъ службы подъячіе. Скоро оказалось, что въ занятыхъ непріятелемъ уѣздахъ невозможно было ввести какое либо устройство, такъ какъ всѣ жители разъѣхались, или разбѣжались по лѣсамъ; и потому французское управленіе должно было ограничиться только заготовленіемъ продовольствія
и отводомъ квартиръ для проходящихъ черезъ городъ войскъ. **23.**

Наполеонъ приказалъ обратить монастыри и общественныя зданія въ магазины, устроить въ Смоленскѣ двадцать четыре пекарни и обшир-

ные госпитали, убрать нѣсколько тысячъ тѣлъ, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ его; соорудить чрезъ Днѣпръ прочный мостъ на сваяхъ. Не всѣ эти приказанія могли быть исполнены: учрежденіе магазиновъ въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ Наполеонъ требовалъ, было невозможно; въ огромныхъ госпиталяхъ, заваленныхъ многими тысячами раненыхъ, не доставало нужнѣйшихъ потребностей, такъ что даже принуждены были замѣнять холстъ бумагою изъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ; на всякомъ шагу оказывался недостатокъ въ средствахъ. Къ тому же для успѣха административныхъ распоряженій необходимы хорошіе исполнители, которыхъ не доставало во французской арміи.

Въ ночь съ 12 на 13 Августа Наполеонъ выѣхалъ изъ Смоленска къ своимъ войскамъ, продолжавшимъ преслѣдованіе отступавшей на Можайскъ и Москву русской арміи. Въ Смоленскѣ, въ качествѣ гарнизона, была оставлена одна дивизія молодой гвардіи подъ начальствомъ
24. генерала Делаборда.

Вскорѣ послѣ этого, Кутузовъ, принявъ главное начальство надъ арміею, обратился къ доблестнымъ, злополучнымъ Смольянамъ, съ слѣдующимъ воззваніемъ:

«Достойные Смоленскіе жители, любезные соотечественники! Съ живѣйшимъ восторгомъ извѣщался я отовсюду о безпримѣрныхъ опытахъ въ вѣрности и преданности вашей къ престолу Августѣйшаго Монарха нашего и къ любезному отечеству. Въ самыхъ лютѣйшихъ бѣдствіяхъ своихъ показываете вы непоколебимость своего духа. Вы исторгнуты изъ жилищъ вашихъ, но вѣрою и вѣрностію твердыя сердца ваши связаны съ нами священными, крѣпчайшими узами единовѣрія, родства и единаго племени. Врагъ могъ разрушить стѣны ваши, обратить въ развалины и пепелъ имущества, наложить на васъ тяжкіе оковы, но не могъ и не возможетъ побѣдить и покорить сердецъ вашихъ. Таковы Россіяне! Царство Россійское издревле было едина душа и едино тѣло. Оно всегда подвигалось волею своихъ Самодержцевъ, пламенною любовію къ Нимъ и къ Отечеству своему. Да подкрѣпитъ Всевышній многотерпѣніе ваше, любезнѣйшіе и достойнѣйшіе соотечественники! Да услышитъ моленія ваши, да поможетъ вамъ свергнуть съ себя иго и да водворитъ паки во единое семейство миръ, тишину, славу и благо-
25. денствіе, коими доселѣ мы наслаждались!»

Мы видѣли, что Наполеонъ учредилъ въ Смоленскѣ временное правительство; но никто не думалъ ему повиноваться; никто не исполнялъ его предписаній. Кругъ его дѣйствій ограничивался только городами и селами, занятыми непріятельскими войсками. Быстро разлилось

по всей губерніи народное возстаніе. Напрасно Наполеонъ приказалъ закладывать въ Смоленскѣ магазины: наполненіе ихъ было невозможно. Посылаемые для закупки хлѣба коммисары и отряжаемыя на фуражировку команды не могли исполнять возложенныхъ на нихъ порученій: они сами гибли подъ ударами русскихъ; а тѣ которые возвращались, были изранены, избиты. Въ этомъ положеніи дѣлъ непріятель вознамѣрился устрашить жителей, разыгравъ предъ ихъ глазами нѣсколько кровавыхъ сценъ. Они успѣли захватить двухъ помѣщиковъ, изъ числа начальствовавшихъ вооруженными поселянами и дворовыми людьми отставнаго подполковника Энгельгардта и коллежскаго ассесора Шубина. При занятіи Смоленска непріятелемъ, Энгельгардтъ и Шубинъ остались въ своихъ деревняхъ и, защищая отъ мародеровъ свои и сосѣднія имѣнія, истребляли раззорителей Отечества. Ихъ привезли въ Смоленскъ и посадили въ Спасской церкви подъ стражу; когда ихъ привели въ оковахъ къ допросу, Энгельгардтъ отвѣчалъ: «Я русскій подданный; я исполнялъ свой долгъ. Мы должны разить врага, дерзнувшаго нарушить наше спокойствіе и напасть на нашего законнаго Государя. Оковы препятствуютъ мнѣ отмстить въ полной мѣрѣ». Выслушавъ безтрепетно смертный приговоръ, онъ прибавилъ: «Вы не поработите Россію, вы погибнете. Я благодарю Бога за то, что умираю, какъ вѣрный сынъ Отечества. Ведите меня скорѣе къ мѣсту моего торжества.» Враги предлагали ему жизнь и свободу, если онъ согласится вступить въ ихъ службу и присягнетъ Наполеону. Герой отвѣчалъ: «Свобода моя принадлежитъ Богу и Русскому Царю. Русскіе дворяне умѣютъ умирать за Отечество и не привыкли быть рабами иноплеменника». Его отвели въ ровъ близь разрушенныхъ Смоленскихъ стѣнъ и хотѣли завязать глаза. Отбросивъ платокъ, Энгельгардтъ сказалъ: «Русскіе не боятся смерти». Французы сперва прострѣлили ему ногу и вновь старались поколебать его вѣрность, обѣщая залѣчить рану, если онъ согласится на ихъ предложеніе. Энгельгардтъ остался непреклоненъ и палъ подъ непріятельскими пулями, оставшись вѣрнымъ Царю и Отечеству. Одинаковой участи подвергнулся и Шубинъ. **26.**

Прошло $2^1/_2$ мѣсяца. Настало 29 Октября, и Смоленскъ опять увидѣлъ въ стѣнахъ своихъ Наполеона, но уже не гордымъ завоевателемъ, не съ упоительными мечтами побѣдителя, но бѣглецомъ, окруженнымъ обломками своей, недавно еще непобѣдимой, арміи.

Наполеонъ прожилъ въ Смоленскѣ три дня, занимаясь устройствомъ арміи. Вслѣдъ за нимъ начали подходить къ Смоленску и прочія войска. Несчастныя, истомленныя голодомъ, полуодѣтыя, они думали найти здѣсь

*

конецъ своимъ злоключеніямъ; думали въ теплыхъ жилищахъ отогрѣть
замерзшіе, полуокоченѣвшіе члены свои; утолить голодъ достаточными
запасами продовольствія; однимъ словомъ, стремились въ Смоленскъ,
какъ въ обѣтованную землю; но подобно громовому удару поразила
ихъ вѣсть, что въ Смоленскѣ нѣтъ припасовъ, нѣтъ помѣщенія и что
27. они, не останавливаясь, должны идти далѣе.

31-го Октября (12-го Ноября) выступилъ изъ Смоленска къ Мо-
гилеву головной эшелонъ Наполеоновской арміи, состоявшій изъ поль-
скихъ войскъ, въ числѣ восьмисотъ человѣкъ (несчитая безоружныхъ),
28. подъ начальствомъ генерала Заіончека.

Въ тотъ же день 31-го Октября (12-го Ноября) выступили изъ
Смоленска, по большой дорогѣ къ Оршѣ, Жюно съ Вестфальцами,
въ числѣ семисотъ человѣкъ, большой артиллерійскій паркъ и пятьсотъ
безлошадныхъ кавалеристовъ. Очевидецъ (Лоссбергъ) говоритъ, что
кирасиры, безъ кирасъ, въ тяжелыхъ ботфортахъ, тащившіе на себѣ
29. чемоданы, представляли весьма жалкое зрѣлище.

1-го (13) Ноября выступила изъ Смоленска дивизія Клапареда съ
такъ называемыми трофеями, казною и обозомъ главной квартиры.
Даву, съ четырьмя дивизіями своего корпуса, переправился черезъ Днѣпръ
и расположилъ эти войска въ смоленскихъ предмѣстьяхъ и подгород-
30. ныхъ селеніяхъ.

Мортье, съ двумя дивизіями молодой гвардіи выступилъ изъ Смо-
ленска на разсвѣтѣ 2-го, а за нимъ въ девять часовъ утра и самъ
31. Наполеонъ съ старою гвардіею.

Оставляя Смоленскъ, Наполеонъ далъ предписаніе Даву поддержи-
вать находившагося въ аррієргардѣ Нея и выступить изъ города, съ вой-
сками 1-го и 3-го корпусовъ и съ Смоленскимъ гарнизономъ генерала
Шарпантье, 16-го или 17-го Ноября (н. ст.), взорвавъ башни город-
ской ограды, уничтоживъ военные припасы и зарядныя фуры и изло-
мавъ ружья, которыхъ нельзя было увезти съ собою. Приказано такъ же
отпилить у орудій цапфы, что оказалось невозможнымъ, по краткости
времени и по недостатку въ нужныхъ для того инструментахъ. Нако-
нецъ оба маршала получили предписаніе собрать всѣхъ отсталыхъ и
32. вывезти больныхъ, оставшихся въ городскихъ госпиталяхъ.

Корпусъ Нея, находившійся въ аррієргардѣ Наполеоновыхъ войскъ,
вступилъ въ Смоленскъ послѣ всѣхъ прочихъ корпусовъ, а именно
3-го Ноября въ полдень. Войска Даву, занимавшія городъ съ утра, раз-
грабили всѣ запасы, остававшіеся еще въ магазинахъ, и даже тѣ, кото-
рые были назначены для корпуса Нея. Около полудня, Платовъ съ ле-

тучимъ своимъ корпусомъ, приблизясь къ городу, приказалъ полковнику Кайсарову, съ 20-мъ Егерскимъ полкомъ и съ сотнею спѣшенныхъ казаковъ, разсыпанныхъ въ стрѣлки, атаковать Петербургское предмѣстье, а генералъ Мартыновъ, чтобы развлечь вниманіе непріятеля, съ четырьмя казачьими полками, долженъ былъ повести атаку на Московское предмѣстье. Непріятель кинулся назадъ къ заставѣ, но, получивъ подкрѣпленіе и замѣтивъ малочисленность нашей пѣхоты, оттѣснилъ Кайсарова и поставилъ на ближайшую высоту къ предмѣстью батарею изъ восьми орудій. Тогда Платовъ, выдвинувъ состоявшую при отрядѣ артиллерію, подкрѣпилъ Кайсарова 1-мъ Егерскимъ полкомъ, большею частью спѣшенныхъ казаковъ и драгунскими полками, Черниговскимъ и Новороссійскимъ, а генералъ-маіору Кутейникову 2-му, съ казаками, приказалъ повторить атаку на Московское предмѣстье. Это рѣшительное нападеніе имѣло полный успѣхъ: непріятель былъ сбитъ съ высоты съ потерею всѣхъ восьми орудій и оттѣсненъ на другую сторону Днѣпра, откуда продолжалъ перестрѣливаться съ нашими егерями до самой ночи. На слѣдующій день 4-го, загорѣлись многіе дома въ различныхъ мѣстахъ города; безпорядокъ, господствовавшій въ Смоленскѣ, увеличился. Кромѣ Неева корпуса, тамъ находилось множество солдатъ различныхъ командъ и до пяти тысячъ больныхъ и раненыхъ, которые, спасаясь отъ пожара, толпились въ улицахъ, загроможденныхъ брошенными орудіями и обозами, заваленныхъ трупами и покрытыхъ оружіемъ и аммуниціею. 33.

5-го (17) Ноября въ два часа по полуночи, Ней выступилъ изъ Смоленска съ остатками своего корпуса и дивизіи Рикара, въ числѣ до 8 тысячъ человѣкъ пѣхоты и трехъ сотъ конницы, съ двѣнадцатью орудіями; войска эти получили въ Смоленскѣ шинели, обувь, патроны и трехъ-дневную дачу провіанта. 34.

Страшное зрѣлище представлялъ въ то время Смоленскъ. Дорога отъ Московской заставы до Днѣпра усѣяна была человѣческими трупами и падалищемъ. Обращенное пожарами въ поле, Московское предмѣстье, ледяная поверхность Днѣпра и вся набережная уставлены были брошенными фурами, зарядными ящиками, пушками, понтонами и награбленными въ Москвѣ экипажами; всюду разбросано было разнаго рода ручное оружіе, и среди всего бродили какъ тѣни и умирали отъ холоду и голоду погонщики и солдаты. Несчастные кутались въ священническія рясы, стихари, женскіе салопы; на головахъ сѣдыхъ ветерановъ надѣты были капоры, жидовскія шапки или рогожи. Уста ихъ слали проклятія Наполеону; многіе, обнаживъ въ отчаяніи грудь, призывали смерть и падали тутъ же отъ ея руки. 35.

Едва лишь арріергардъ Нея отошелъ версты двѣ отъ Смоленска, какъ въ городѣ раздался взрывъ; за нимъ послѣдовали другіе. Многіе изъ госпиталей были разрушены; находившіеся въ нихъ больные и раненые французской арміи погибли жертвами безумной мстительности завоевателя, озлобленнаго неудачею. Но его мщеніе оказалось безсильнымъ. Хотя непріятели подвели мины подъ всѣ башни, однако же взорвали только восемь башенъ и королевскую крѣпость. Множество мародеровъ, оставшихся на смоленскомъ пожарищѣ въ надеждѣ грабежа, вмѣсто добычи нашли смерть отъ руки Смольянъ, скрывавшихся въ подвалахъ и другихъ убѣжищахъ и жестоко мстившихъ теперь своимъ недавнимъ притѣснителямъ. Нѣкоторые изъ непріятелей были брошены въ пламя горѣвшихъ зданій; другіе утоплены въ прорубяхъ Днѣпра. Но какъ только вошелъ въ городъ маіоръ Горихвостовъ, съ 20 Егерскимъ полкомъ, то были прекращены эти убійства и оказана посильная помощь больнымъ и раненымъ французамъ.

Въ Смоленскѣ найдено семнадцать русскихъ и сто сорокъ непріятельскихъ орудій, до шести-сотъ различнаго рода фуръ и повозокъ и болѣе четырехъ тысячъ больныхъ и отсталыхъ непріятелей. Оставя въ Смоленскѣ комендантомъ маіора Горихвостова съ 20 Егерскимъ полкомъ и сотнею казаковъ, Платовъ, не останавливаясь, бросился съ остальными
36. войсками вслѣдъ за отступавшимъ противникомъ.

Послѣ бѣгства Наполеона изъ Смоленской губерніи, улицы и предмѣстья Смоленска были устланы мертвыми тѣлами. Жители ѣздили и ходили, безъ разбора, прямо по человѣческимъ трупамъ. Уборка тѣлъ продолжалось болѣе 3 мѣсяцевъ. Для сожженія ихъ и конскихъ труповъ были назначены въ Смоленскѣ мѣста, внѣ города, за Казанскою горою, не далеко отъ королевской крѣпости, и на Воздвиженской горѣ. Трупы складывали скирдами, занимавшими пространство болѣе чѣмъ на полверсты каждая и вышиною слишкомъ въ 2 сажени, и сожигали; за недостаткомъ впослѣдствіи дровъ, вырывали большія могилы и въ нихъ по нѣскольку сотъ тѣлъ клали рядомъ, пересыпая известкою чрезъ каждый третій рядъ.

Въ плачевномъ положеніи встрѣтили полуразрушенныя стѣны Смоленска своихъ обитателей, возвратившихся на родныя пепелища, по изгнаніи изъ него непріятельскихъ войскъ. Понесенное Смоленскомъ
37. раззореніе простиралось до шести съ половиною милліоновъ.

Тяжело отозвались на жизни Смоленска событія 1812 года, но прошли года, и всеисцѣляющее время загладило нанесенныя раны и вновь вызвало къ жизни загубленный было городъ.

Новая, мирная жизнь Смоленска, его дальнѣйшее развитіе и современное намъ состояніе не заключаютъ уже въ себѣ ничего выдающагося; это тихая, нормальная жизнь средняго губернскаго города. Ни многолюдство, ни торговля, ни благоустройство, ничто не выдвигаетъ его теперь изъ уровня среднихъ городовъ Царства Русскаго. Тѣ времена, когда Смоленскъ былъ могучъ, богатъ и многолюденъ, прошли безвозвратно. Настало другое время, другія условія; возникли новые, крупные центры торговли и образованности, съ увеличивающимся все болѣе и болѣе народонаселеніемъ; выросли новыя, могучія крѣпости; старые же, отслужившіе уже свою службу Руси православной, такіе города, какъ Великій-Новгородъ, Смоленскъ, Псковъ, Владиміръ, Черниговъ, Рязань, сошли со сцены и наврядъ-ли заживутъ опять когда-нибудь тою полною, кипучею жизнью, которая была ихъ удѣломъ въ продолженіи многихъ столѣтій.

Въ настоящее время лучшимъ достояніемъ этихъ городовъ, безъ сомнѣнія, является ихъ славное прошлое, которымъ они могутъ и должны гордиться. Жителямъ ихъ грѣшно не знать, что пережилъ въ свое время ихъ родной городъ, а тѣмъ болѣе Смольянамъ, живущимъ въ такомъ городѣ, гдѣ, что ни шагъ, то памятникъ старины, безмолвный, но краснорѣчивый свидѣтель былыхъ, старыхъ, славныхъ временъ.

Не зная прошлаго, нельзя, говорятъ, познать настоящаго, и мы будемъ счастливы, если нашъ слабый трудъ возбудитъ у читателя желаніе болѣе подробно познакомиться съ прошлымъ, нѣкогда, дѣйствительно, «дорогого ожерелья» Царства Русскаго.

Въ заключеніе мы не можемъ не указать на нѣкоторые памятники Смоленской старины, о которыхъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, неупомянули раньше.

Изъ достопримѣчательныхъ древностей города, первое мѣсто занимаетъ Чудотворная икона Божіей Матери Одигитріи, находящаяся въ Каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ. Означенная икона, какъ гласитъ преданіе, есть одна изъ трехъ писанныхъ св. Евангелистомъ Лукою, еще при жизни Пресвятой Богородицы, по совѣту апостоловъ и по просьбѣ правителей Сиріи и Ѳеофила. По написаніи, Пресвятая Богородица сама благословила эту икону на поклоненіе христіанамъ. Достояніемъ Смоленска икона эта сдѣлалась съ 1103 г.; ею благословила сына

своего Владиміра Всеволодовича, удѣльнаго князя Смоленскаго, дочь Греческаго Императора Константина Мономаха, Анна, бывшая въ замужествѣ за Черниговскимъ Княземъ Всеволодомъ Ярославичемъ, привезшая икону эту изъ Греціи, какъ благословеніе родителей при вступленіи въ бракъ. Съ присоединеніемъ Смоленска къ Литвѣ, икона была увезена послѣднимъ княземъ Смоленскимъ Юріемъ въ Москву и поставлена въ Благовѣщенскомъ соборѣ. Въ 1456 г. по ходатайству Смольянъ Великій Князь Василій Іоанновичъ возвратилъ ее обратно въ Смоленскъ. Въ 1699 г. означенная икона была подновлена, для чего ее возили въ Москву. Въ 1812 г. передъ вступленіемъ въ Смоленскъ французовъ, ПреосвященныйИриней вывезъ ее изъ города.

Съ этой иконы снято двѣ копіи: первая находится въ Москвѣ въ Благовѣщенскомъ соборѣ; написана въ 1456 г.; вторая же, неизвѣстно когда написанная, находится въ Смоленскѣ въ церкви надъ Днѣпровскими воротами; икона эта явила чудотвореніе во время моровой язвы, свирѣпствовавшей въ Смоленскѣ при Борисѣ Годуновѣ. Въ 1812 г. во время занятія французами Смоленска была вывезена изъ города, по приказанію Барклая-де-Толли, 1-ю батарейною ротою Полковника Глухова и вплоть до 6 Ноября находилась при войскахъ русской арміи. 6-го Ноября, послѣ сраженія подъ Краснымъ и по освобожденіи Смоленска, она вернулась обратно въ городъ и находится нынѣ въ церкви надъ Днѣпровскими воротами.

Успенскій соборъ заложенъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Мономахомъ 3-го Мая 1101 года, на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше находилось языческое капище; есть основаніе думать, что Соборная гора есть древнѣйшій населенный пунктъ Смоленска. Въ 1611 году соборъ разрушенъ взрывомъ; поляки на его развалинахъ устроили кляшторъ. Съ возвращеніемъ Смоленска къ Россіи построенъ на этомъ мѣстѣ настоящій. Постройка тянулась очень долго: началась въ 1676 г.; была закончена лишь въ царствованіе Екатерины II; освященіе состоялось въ 1772 г. Нашествіе французовъ прошло для него безслѣдно.

Изъ достопримѣчательностей собора, кромѣ чудотворной иконы Богоматери Одигитріи Смоленской, о которой мы уже говорили, особеннаго вниманія заслуживаютъ:

1) Большая икона древней живописи, изображающая Св. Князя Ѳеодора Ростиславича Чермнаго, княжившаго съ 1272 по 1298 г., съ дѣтьми его Давидомъ и Константиномъ.

2) Желѣзный шишакъ и такая же сандалія Св. мученика Меркурія, спасшаго Смоленскъ въ 1239 г. отъ нашествія Татаръ.

3) Серебряное водосвятное блюдо, пожалованное Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ.

4) Большая плащаница, шитая золотомъ и шелками, отбитая у французовъ въ 1812 году, по выходѣ ихъ изъ Смоленска, и сдѣланная какъ видно изъ надписи на ней, въ 1561 году.

5) Священные сосуды, пожалованные Царями Алексѣемъ Михайловичемъ, Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами и Императрицею Маріею Θеодоровною.

Изъ остальныхъ храмовъ и монастырей нельзя не упомянуть про слѣдующіе:

Церковь Архистратига Михаила (Свирская): построена въ Княженіе Давида Ростиславича (1180—1197 г.); во время Литовскаго владычества здѣсь былъ православный мужской монастырь. При взятіи Смоленска Поляками въ 1611 г. православный храмъ превращенъ въ костелъ; при Алексѣ Михайловичѣ опять православный храмъ.

Свирская церковь болѣе другихъ древнихъ Смоленскихъ храмовъ сохранила свой первоначальный видъ и величину. Въ церкви стоитъ гробница, вытесанная изъ цѣлаго бѣлаго известняка, принадлежащая Смоленскому Князю Давиду Ростиславичу, умершему въ 1197 г. Невдалекѣ отъ Свирской церкви, на лѣвомъ берегу Днѣпра, находятся остатки развалинъ Борисоглѣбскаго Смядынскаго мужскаго монастыря, построеннаго въ 1129 году на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ 5-го Сентября 1015 года, по повелѣнію брата своего Святополка окаяннаго, муромскій князь Глѣбъ; «убійцы срѣтоша его въ устьѣ Смядыни» (Софійская лѣтопись, стр. 128). Здѣсь была построена деревянная церковь Ростиславомъ. Въ 1138 г. здѣсь былъ уже монастырь, разрушенный въ 1603 или около этого.

Саженяхъ во сто отъ Свирской церкви, ближе къ городу, развалины церкви Косьмы и Доміана, построенной въ 1146 году Ростиславомъ Мстиславовичемъ. Между Свирской церковью и Борисоглѣбскимъ монастыремъ былъ Княжескій дворецъ. Стриковскій описывая въ 15 в. бунтъ Смольянъ противъ намѣстника Андрея Соковича, говоритъ, что это случилось близъ Королевскаго замка, передъ церковью Бориса и Глѣба.

Близъ деревни Кловки остатки развалинъ Троицкаго монастыря: время основанія неизвѣстно; въ 1609 г. разрушенъ поляками; затѣмъ; по возобновленіи, въ немъ устроенъ костелъ, который разрушенъ окончательно въ 1633 г. княземъ Прозоровскимъ. По присоединеніи Смоленска къ Россіи этимъ именемъ названъ, обращенный въ православный,

мужской монастырь, Бернардинскій кляшторъ, существовавшій въ чертѣ города, близь Собора.

Іоанно-Богословская церковь: построена между 1171—1180 г., ее именемъ названа гора, у подножія которой она стоитъ, улица и ближайшая башня, теперь разрушенная; во время владычества поляковъ была костеломъ; видъ церкви совершенно измѣнился.

Авраамієвскій монастырь: основанъ Великимъ Княземъ Ростиславомъ Мстиславовичемъ въ послѣдней половинѣ XII вѣка; первымъ его настоятелемъ, отъ имени котораго получилъ названіе и самъ монастырь, былъ преподобный Авраамій, Смоленскій чудотворецъ, человѣкъ высокообразованный, знаменитый своею святою жизнію; мощи преподобнаго почивали въ этомъ монастырѣ до 1611 г., но, при раззореніи въ этомъ году Смоленска поляками, неизвѣстно куда скрыты; до построенія каменной стѣны Авраамієвскій монастырь находился внѣ городской черты; послѣ 1611 г. въ немъ былъ устроенъ Доминиканскій кляшторъ; согласно указа 1658 г. вновь возстановленъ православный монастырь.

Въ Заднѣпровьи — Нижне-Николаевская церковь: упоминается въ актахъ XV вѣка подъ названіемъ Николы-Полѣтѣлаго.

Близь Рачевки, недалеко отъ церкви Спаса-Нерукотвореннаго, называемой «Окопъ», видны развалины Духовскаго монастыря; когда онъ основанъ, когда разрушенъ—неизвѣстно; существовалъ въ XVI вѣкѣ.

Относительно другихъ памятниковъ старины мы говорили уже въ текстѣ. Здѣсь же упомянемъ лишь о памятникахъ, поставленныхъ въ воспоминаніе о 1812 г. Ихъ два: одинъ воздвигнутъ въ 1841 г. на площади передъ Лопатинскимъ садомъ, чугунный, въ Византійскомъ вкусѣ, въ память сраженій бывшихъ подъ Смоленскомъ; второй, чугунный же, поставленъ возлѣ Молоховскихъ воротъ надъ могилою Подполковника Энгельгардта, разстрѣляннаго французами; на памятникѣ надпись: «Подполковнику Павлу Энгельгардту, умершему въ 1812 г. за вѣрность и любовь къ отечеству».

Приложенія и Примѣчанія.

ГЛАВА I.

1. Происхожденіе названія «Смоленскъ» весьма гадательно. Мы остановились на болѣе простомъ и общепринятомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не можемъ не познакомить читателя съ весьма интереснымъ предположеніемъ Г. Писарева. Въ «Смоленскомъ Вѣстникѣ» (1881 г. № 18) онъ пишетъ:

Если мы посмотримъ Историческій атласъ Россіи Павлищева, то можно замѣтить, что во время предшествующее образованію Руси, на Дунаѣ существуютъ названія народовъ, племенъ, тождественные съ тѣми которые явились позднѣе на Руси напр. Славяне, Сѣверяне, Дреговичи и т. д.; города—Бѣлградъ, Новоградъ, Бряничъ, Черниградъ, Переяславъ, Русиничи и др.; названія Угличей и Тиверцевъ—племенъ жившихъ у низовьевъ рѣкъ между Дунаемъ и Днѣпромъ, соотвѣтствуетъ именамъ нашихъ городовъ: Угличь и Тверь. Народъ русскій, выселившійся съ Дуная, сохранилъ о немъ и до сихъ поръ память; въ пѣсняхъ онъ часто вспоминаетъ Дунай сына Ивановича; не мудрено, что отдѣльныя племена сохранили тѣ названія, которыя носили и на Дунаѣ. Въ числѣ придунайскихъ племенъ жившихъ рядомъ со Славянами за Дунаемъ, было одно небольшое племя, теперь утратившее свое имя; племя это называлось Смоленами (Ист. атл. Павлищева и Солнцева). Такое сходство названій объясняется тѣмъ, что основатели Смоленска были пришлецы съ Дуная, гдѣ носили тоже имя. Названный впослѣдствіи Турками Шумлою, городъ въ древности носилъ имя «Смолеане» (Греконѣмецкій лексиконъ Папе). Нѣкоторые лѣтописи указываютъ на то, что Смоленскъ основанъ Кривичами. Сомнѣніе въ слѣдующемъ: Кривичи, когда строили города и мѣстечки, то называли ихъ своимъ племеннымъ названіемъ: Кривецъ, Кривичи, Криво, Кривское, Кривота и т. д. Въ Лѣтописи Нестора, по Кенигсбергскому списку, читаемъ: «Въ лѣто 6390 (882) пойде Олегъ поимъ вои многи: Варяги, Чудь, Словене, Мерю и всѣ Кривичи, и пріиде къ Смоленску, и съ Кривичи прія градъ и посади мужа свои. Оттуда пойде внизъ и взя Любечъ».

Если Смоленскъ былъ городомъ Кривичей, странно имъ было идти противъ, него съ Олегомъ.

Что здѣшніе Смольяне есть дѣйствительно переселившаяся часть цѣлаго племени, доказательствомъ тому могутъ служить также наименованія селеній въ самой

Смоленской Губерніи: Смолики, Смолика, Смолки, Смолькова, Смолино, Смольково, Смольники, Смольяни, Смоляки, Смоленичи, Смоляники и Смоляна.

2. По мнѣнію большинства современныхъ историковъ (Соловьевъ, Иловайскій, Голубинскій, Ходакевичъ и др.), главной основой Великорусской народности были Кривичи, занимавшіе нѣкогда области теперешней Бѣлоруссіи. Развиваясь, они понемногу продвигаются на востокъ, тѣснятъ заселявшія Смоленскую область Финскія племена и занимаютъ ихъ мѣсто по верховьямъ рѣкъ Зап. Двины, Волги, Днѣпра и Ловати. Отсюда уже естественными путями распространяются колоніи Кривичей все дальше и дальше по теченію этихъ рѣкъ. Такими колоніями явились Новгородъ, Полоцкъ, Черниговъ. Очевидно, что Смоленскъ, главный городъ Кривичей, не можетъ быть моложе перечисленныхъ городовъ, какъ метрополія не можетъ быть моложе своей колоніи.

3. Краткіе очерки Русской исторіи соч. Иловайскаго, изд. 1890 г., стр. 57. Никитинъ Исторія Смоленска стр. 12.

4. Первыя болѣе точныя свѣдѣнія о Смоленскѣ мы встрѣчаемъ подъ 864 г.; когда дружинники Игоря, Аскольдъ и Диръ, плывя по Днѣпру мимо Смоленска, побоялись войти въ него, какъ въ великій и многолюдный городъ. Въ 882 г. Олегъ двигается изъ Новгорода въ Царьградъ; подойдя къ Смоленску, онъ не осмѣливается войти въ сильный Смоленскъ, а сталъ выше города и «шатры изставиша многи разноличны цвѣтъ»; изъ града сейчасъ же вышли къ нему старѣйшины и спросили кто это пришелъ? Царь-ли или князь въ великой славѣ? И вышелъ изъ шатра Олегъ, держа на рукахъ Игоря, и сказалъ Смоленскимъ посламъ: «вотъ Игорь Рюриковичъ Князь Русскій»; и нарѣкли Смольяне его Государемъ и предался весь городъ Игорю. Олегъ наложилъ на нихъ дань и посадилъ въ Смоленскѣ своихъ намѣстниковъ. (Архангелогородская лѣтопись).

5. Никитинъ. Ист. См. стр. 14; 6. Тамъ же стр. 16; Иловайскій стр. 24.

7. Изъ Смоленскихъ князей занимали Великокняжескій Кіевскій престолъ: Святославъ Ярославовичъ, Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, Ростиславъ Мстиславовичъ и др. (смотри соч. Никитина).

8. Иловайскій стр. 35 и соч. Никитина; 9. Титулъ Великаго-Смоленское княжество приняло въ княженіе Ростислава Мстиславовича. (Никитинъ стр. 42); 10. Смотри Исторію соч. Никитина; 11. Тамъ же стр. 66; 12. «Смоленскій Вѣстникъ» 1882 г. №№ 46 и 150, статья Г. Красноперова; 13. См. Вѣстникъ 1882 г. № 90, Г. Красноперова; 14. Тамъ же.

15. Если мы заглянемъ въ прошлое Смоленска, то увидимъ, что съ древнѣйшихъ временъ вплоть до 17 столѣтія единственными средствами овладѣть Смоленскомъ были: или нечаянное, внезапное нападеніе, или обманъ, или тѣсная блокада и неразрывный съ нею голодъ, или, еще чаще, соображенія чисто политическаго характера заставляли Смольянъ передавать свой городъ во власть того или другого Государя. Дѣйствительно: изъ извѣстныхъ намъ по лѣтописнымъ источникамъ враговъ Смоленска, первыми были Аскольдъ и Диръ; двигаясь по Днѣпру къ Кіеву и проходя мимо Смоленска, они не рѣшаются войти въ него, какъ, «въ великій и многолюдный, купеческій городъ». Олегъ, двигаясь изъ Новгорода въ Царьградъ, не рѣшается овладѣть Смоленскомъ силою, а вступаетъ въ переговоры, и Смольяне подчиняются безъ сопротивленія.

Во время Княженія Владиміра Мономаха, Полоцкій князь Всеславъ, осадилъ Смоленскъ, успѣлъ зажечь его, но взять не могъ.

Въ 1150 г. Юрій Долгорукій, двигаясь съ войскомъ къ Кіеву, обходитъ Смоленскъ, хотя послѣдній былъ союзникомъ князя Кіевскаго и Юрію было бы гораздо выгоднѣе овладѣть имъ раньше и тѣмъ не дать возможности поддержать Кіевлянъ.

Въ 1230 г. моровая язва истребила въ Смоленскѣ 32.000 чел.; въ это же время умеръ князь Смоленскій Мстиславъ Давидовичъ; претендентами на престолъ явились Святославъ и Изяславъ Мстиславичи; завязалась борьба и Святославу въ 1232 г. удалось взять Смоленскъ приступомъ; это единственный случай когда его взяли открытою силою. И то, когда въ городѣ за два года передъ тѣмъ вымерло 32.000 человѣкъ, населеніе его еще считало себя въ силахъ бороться.

Въ 1239 г. Татары не подходятъ къ Смоленску ближе какъ за 25 в., но за то въ томъ же году Литва, пользуясь безсиліемъ Смольянъ, овладѣваетъ имъ.

Въ 1286 г. Брянскій князь Романъ Глѣбовичъ, осаждая Смоленскъ, пожегъ посады, разорилъ волости, но города не могъ взять.

Въ 1298 г. такъ же неудачно кончается осада города кн. Ѳеодоромъ Ростиславичемъ.

Около 1314 г. такая же безплодная осада князя Дмитрія Александровича.

Въ 1339 году Татары въ союзѣ съ сильною ратью В. К. Іоанна Даніиловича подошли къ Смоленску, посмотрѣли на его стѣны и также спокойно пошли назадъ.

Неоднократныя попытки Ольгерда тоже ни разу не увѣнчались успѣхомъ.

О всѣхъ дальнѣйшихъ случаяхъ осадъ и взятія Смоленска читатель найдетъ свѣдѣнія въ очеркѣ.

16. Исторія Смоленской эпархіи стр. 213; **17.** Тамъ же стр. 213; **18.** Тамъ же стр. 213; **19.** «Смолен. Вѣстникъ» 1882 г. № 141; **20.** Тамъ же 1882 г. № 46; **21.** Тамъ же 1882 г. № 46; **22.** Тамъ же; **23.** Тамъ же; **24.** Тамъ же; **25.** Тамъ же.

26. Главныя статьи договора, заключеннаго Смоленскимъ княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ въ 1228 году съ Ригою, Готландіею и нѣмецкими городами.

1. Миръ и дружба да будетъ отнынѣ между Смоленскою областью, Ригою, Готскимъ берегомъ (Готландіею) и всѣми Нѣмцами, ходящими по Восточному морю, ко взаимному удовольствію той и другой стороны. А если, чего Боже сохрани, сдѣлается въ ссорѣ убійство, то за жизнь вольнаго человѣка платить десять гривенъ серебра, пѣнязями (деньгами) или кунами, считая оныхъ (кунъ) 4 гривны на одну гривну серебра. Кто ударитъ холопа, платитъ гривну кунъ, за поврежденіе глаза, отсѣченіе руки, ноги и всякое увѣчье 5 гривенъ серебра; за вышебенный зубъ 3 гривны (серебра же); за окровавленіе человѣка посредствомъ дерева 1½ гривны, за рану безъ увѣчья тоже; кто ударитъ палицею, батогомъ, или схватитъ человѣка за волосы, даетъ ¾ гривны. Если Россіянинъ застанетъ Нѣмца или Нѣмецъ Россіянина у своей жены, такъ же если Нѣмецъ или Россіянинъ обезчеститъ дѣвицу или вдову хорошаго поведенія, то взыскать съ виноватаго 10 гривенъ серебра. Пеня за обиду посла или священника должна быть двойная. Если виновный найдетъ поруку, то не заключать его въ оковы и не сажать въ темницу; не приставлять къ нему и стражи, пока истецъ не далъ знать о своей жалобѣ старѣйшему изъ единоземцевъ обидчика (предполагаемому миротворцу). Съ воромъ, пойманнымъ въ домѣ или у товара, хозяинъ воленъ поступить, какъ ему угодно.

2. Заимодавецъ чужестранный удовлетворяется прежде иныхъ; онъ беретъ свои деньги и въ такомъ случаѣ, когда должникъ осужденъ за уголовное преступленіе къ

лишенію собственности. Если холопъ Княжескій или Боярскій умретъ, занявъ деньги у Нѣмца, то наслѣдникъ перваго, или кто взялъ его имѣніе, платитъ долгъ.

3. И Нѣмецъ и Россіянинъ обязаны въ тяжбахъ представлять болѣе двухъ свидѣтелей изъ своихъ единоземцевъ. Испытаніе невинности посредствомъ раскаленнаго желѣза дозволяется только въ случаѣ обоюднаго на то согласія; принужденія нѣтъ. Поединки не должны быть терпимы; но всякое дѣло разбирается судомъ по законамъ той земли, гдѣ случилось преступленіе. Одинъ Князь судитъ Нѣмцевъ въ Смоленскѣ; когда же они сами захотятъ идти на судъ общій, то ихъ воля. Тѣ и другіе увольняются отъ судныхъ пошлинъ, развѣ люди добрые и нарочитые присовѣтуютъ имъ, что нибудь заплатить Судьѣ.

4. Пограничный Тіунъ, свѣдавъ о прибытіи гостей Нѣмецкихъ на Волокъ, немедленно даетъ знать тамошнимъ жителямъ, чтобы они везли на возахъ товары сихъ гостей и пеклись о личной ихъ безопасности. Жители платятъ за товаръ Нѣмецкій или Смоленскій, ими утраченный. Нѣмцы на пути изъ Риги въ Смоленскъ и на возвратномъ увольняются отъ пошлины, такъ же и Россіяне въ землѣ Нѣмецкой. Нѣмцы должны бросить жеребей, кому ѣхать напередъ; если же будетъ съ ними купецъ Русскій, то ему остатся позади. Въѣхавъ въ городъ, гость Нѣмецкій даритъ Княгинѣ кусокъ полотна, а Тіуну Волокскому перчатки Готскія; можетъ купить, продать товаръ или ѣхать съ онымъ изъ Смоленска въ иные города. Купцы Русскіе пользуются такою же свободою на Готскомъ берегѣ, и вольны ѣздить оттуда въ Любекъ и другіе города Нѣмецкіе. Товаръ, купленный и вынесенный изъ дому, уже не возвращается хозяину, и купецъ не долженъ требовать назадъ своихъ денегъ. Нѣмецъ даетъ вѣсовщику за двѣ капи, или 24 пуда, куну Смоленскую, за гривну купленнаго золота ногату, за гривну серебра 2 векши, за серебряный сосудъ отъ гривны куну; въ случаѣ продажи металловъ ничего не платитъ; когда же покупаетъ вещи на серебро, то съ гривны вноситъ куну Смоленскую. Для повѣрки вѣсовъ одна капь хранится въ церкви Богоматери на горѣ, а другая въ Нѣмецкой божницѣ: съ симъ вѣсомъ должны и Волочане свѣрять пудъ, данный имъ отъ Нѣмцевъ.

5. Когда Смоленскій Князь идетъ на войну, то ему не брать Нѣмцевъ съ собою: развѣ они сами захотятъ участвовать въ походѣ. И Россіянъ не принуждать къ военной службѣ въ землѣ Нѣмецкой.

6. Епископъ Рижскій, Мастеръ Фолкунъ, и всѣ другіе Рижскіе властители признаютъ Двину вольною, отъ устья до вершинъ ея, для судоходства Россіянъ и Нѣмцевъ.

Если, — чего Боже избави, — ладья Русская или Нѣмецкая повредится, то гость можетъ вездѣ пристать къ берегу, выгрузить товаръ и нанять людей для вспоможенія; но имъ болѣе договорной цѣны съ него не требовать.

Сія грамота имѣетъ для Полоцка и Витебска тоже дѣйствіе, что и для Смоленска. Она писана при Священникѣ Іоаннѣ, мастерѣ Фолкунѣ, и многихъ купцахъ Рижскаго Царства, приложившихъ къ ней свои печати; а свидѣтелями подписались... слѣдуютъ имена нѣкоторыхъ жителей Готландіи, Любека, Минстера, Бремена, Риги; внизу сказано: «Кто изъ Россіянъ или нѣмцевъ нарушитъ нашъ уставъ, будетъ противенъ Богу». (Исторія Смоленска Никитина стр. X). Смотри также «Смоленскій Вѣстникъ» за 1882 г. № 129.

27. Смолен. В. 1882 г. № 129, ст. Красноперова; 28. Тамъ же, № 138; 29. Тамъ же; 30. Тамъ же; 31. См. В. за 1882 г. №№ 138 и 141; 32. См. В. за 1882 г. №№ 132 и

145; **33.** См. В. за 1882 г. № 33; **34.** Никитинъ стр. 53; **35.** Никитинъ стр. 53 и См. В. 82 г. № 100; **36.** См. В. 82 г. № 100; **37.** Никитинъ стр. 43; **38.** См. В. 82 г. См. № 100; **39.** См. В. 82 г. № 102; **40.** См. В. 82 г. № 46.

ГЛАВА II.

1. См. В. 1882 г. № 154, ст. Красноперова; **2.** Никитинъ стр. 18; **3.** См. В. 1882 г. № 154; **4.** См. В. 1882 г. № 80, ст. Красноперова; **5.** Тамъ же и Иловайскій стр. 68; **6.** Иловайскій стр. 69—70 и Исторія Россіи Устрялова; **7.** Никитинъ стр. 69; **8.** Никитинъ стр. 73; **9** и **10.** Тамъ же стр. 77; **11.** См. В. 82 г. № 80, ст. Красноперова; **12.** Никитинъ стр. 49; **13.** Никитинъ стр. 67; **14.** Тамъ же стр. 70; **15.** Тамъ же стр. 78; **16.** Тамъ же стр. 79; **17.** Иловайскій стр. 76; **18.** Никитинъ стр. 81; **19.** Тамъ же, стр. 83—84; **20.** Тамъ же стр. 85; **21.** Тамъ же стр. 86—91.

ГЛАВА III.

1. См. Устряловъ Истор. Россіи т. I; **2.** Устряловъ т. I, стран. 161—169; Иловайскій стр. 72—73.

Грюнвальденская битва 1410 г.

(Выдержка изъ рѣчи М. О. Кояловича, сказанной въ торжественномъ засѣданіи Славянскаго Благотворительнаго Общества 14-го Февраля 1885 г.)

На отдаленной западной славянской окраинѣ, на берегахъ Нижней Вислы, въ первой половинѣ 13-го вѣка, неразумными польскими руками Мазовецкихъ Князей заложено нѣмецкое гнѣздо, получившее названіе Прусскаго рыцарскаго ордена. Гнѣздо это устроилось, наполнилось птенцами и вскорѣ окружающіи ихъ уже чувствовали всю тяжесть этого сосѣдства. Кровію обливалась несчастная, языческая Литва и превращалась въ пустыню. Сами Литовскіе Князья не разъ оказывались вынужденными бросать ее на произволъ судьбы и уступать рыцарямъ. Изнывали отъ сосѣдства Прусскихъ рыцарей и Славянскія племена Поморской страны и Славяне Силезіи. Доставалось не разъ отъ рыцарей и Польшѣ. Прусскіе рыцари посягнули даже на достояніе своихъ историческихъ благодѣтелей,—Мазовецкихъ Князей,—и отняли у нихъ область Добринскую или по польски Добржинскую. Изъ за-этой то области, да изъ-за Жмуди и подготовилась война, завершившаяся Грюнвальденскою битвою.

Рыцари имѣли на своей сторонѣ много союзниковъ даже среди Славянъ. Они имѣли друзей и даже набирали полки и въ Поморской странѣ, и въ Силезіи. И Чешскій и Венгерскій Короли не скрывали, что въ случаѣ войны они будутъ поддерживать

Прусскихъ рыцарей. Съ другой стороны, собирали свои силы и готовились идти на помощь, историческіе союзники Прусскихъ рыцарей, — Ливонскіе рыцари. Западная Европа тоже выслала на защиту ордена, точнѣе на защиту нѣмецкаго дѣла, своихъ борцовъ. Благодаря этому, Прусскіе рыцари могли собрать и выставить слишкомъ восемьдесятъ тысячъ войска.

Въ Литвѣ и Польшѣ хорошо понимали историческую важность этого момента и всѣ бодро выходили на борьбу съ общимъ врагомъ. Бодро пошли Литовскіе полки, пошли Бѣлорусскіе полки и въ числѣ ихъ полки Смоленской области, подъ начальствомъ доблестнаго Юрія Лугвеніевича, тогдашняго Князя Мстиславскаго. Пошли многіе отряды Малороссійскіе изъ Волынской, Кіевской и Подольской областей. Быстро и шумно собирали свои силы и Поляки. Всего войска на сторонѣ Литвы и Польши собралось слишкомъ 150 т.

Къ 15-му Іюля 1410 г. это громадное войско подошло къ деревнямъ Грюнвальдъ и Танненбергъ или, какъ называютъ эти мѣста наши русскія лѣтописи, «межи грады Дубровна и Острода», въ мѣстности теперешней Восточной Пруссіи, на правой сторонѣ нижней Вислы, на югъ отъ Маріенбурга. Здѣсь сосредоточилось нѣмецкое войско и заняло позицію между этими деревнями, упираясь въ нихъ своими флангами. Литовско-Польское войско расположилось передъ позиціею нѣмцевъ, вытянувшись почти въ прямую линію, фланги которой нѣсколько подвинутые впередъ, были обезпечены отъ обхвата болотистою мѣстностью, пересѣченною ручьями и озерами. Правый флангъ составляли Литовско-русскія войска, лѣвый Польскія. Въ центрѣ, гдѣ сходились вмѣстѣ дороги изъ д. Грюнвальдъ и Танненбергъ, которыми удобнѣе всего было двинуться впередъ нѣмцамъ, заняли Смоленскіе полки.

Витовтъ и его Литовско-русское войско быстро устроилось и сгорало нетерпѣніемъ броситься въ бой. Польское войско плохо устроивалось: трусливый Ягайло медлилъ и горячо отдавался дѣламъ благочестія. Еще до прихода на поле битвы онъ и все его войско исполнили христіанскія обязанности, исповѣдались и пріобщились; но Ягайло счелъ нужнымъ еще разъ отстоять обѣдню и опять исповѣдываться и пріобщаться. Нѣмцы уже подходили, а Ягайло отправился слушать вторую обѣдню. Напрасно Витовтъ торопилъ Ягайло, начинать бой; Ягайло, рѣшившись наконецъ сѣсть на коня все-таки не ѣхалъ къ войску, и, сидя уже верхомъ, вновь началъ исповѣдываться. Нѣмцы же немедлили и, въ то время, пока Ягайло исповѣдывался, ударили всѣми своими силами на Витовта. Литовско-русское войско не выдержало натиска закованныхъ въ сталь рыцарей, дрогнуло и ударилось въ бѣгство. Рыцари, воодушевленные успѣхомъ, преслѣдуютъ войска разбитаго праваго фланга и заходятъ уже въ тылъ Славянамъ, поляки начинаютъ колебаться, часть ихъ отступаетъ. Нѣмцы, увѣренные въ побѣдѣ, пѣли уже Христосъ Воскресе.

Въ этотъ критическій моментъ не смутились одни лишь Смоленскіе полки: они непоколебимою скалою стояли на главномъ пути наступленія Нѣмцевъ, и всѣ усилія послѣднихъ сломить Смольянъ оставались тщетными. Мало того, что Смольяне не отступили во время поголовнаго бѣгства праваго крыла, они, завернувъ свой правый флангъ назадъ, ударили въ бокъ увлекшихся преслѣдованіемъ нѣмцевъ и тѣмъ дали возможность оправиться дрогнувшимъ уже было полякамъ. Витовтъ, понявшій все значеніе этого момента, успѣлъ собрать часть своего разбитаго было войска и поддержать Смольянъ. Опасность миновала, тогда Ягайло собравшись наконецъ съ духомъ,

начинаетъ также дѣйствовать Видя, какъ занимавшіе центръ позиціи Смольяне спокойно держатся противъ всѣхъ усилій нѣмцевъ, увѣренный за свой правый флангъ. Ягайло двигаетъ отрядъ польскаго войска къ Грюнвальду и отсюда ударяетъ во флангъ и тылъ продвинувшимся впередъ рыцарямъ; за этимъ отрядомъ Витовтъ двигаетъ татарское войско и малороссійскіе конные отряды. Татары и малороссы захватываютъ Танненбергъ и бьютъ оттуда въ тылъ нѣмецкимъ латникамъ. Исходъ битвы уже ясенъ: благодаря доблести Смольянъ, Нѣмцы разбиты на голову; до 40 т. рыцарей убито, 15 т. взято въ плѣнъ. Величіе Тевтонскаго ордена пало навсегда.

4. Устряловъ; Иловайскій стр. 74; Еленевъ-Польская Цивилизація и ея вліяніе на Западную Русь; 5. Иловайскій стр. 54, 56; 6. Устряловъ и Иловайскій стр. 142; 7. Устряловъ, т. I, стр. 168; 8. Тамъ же; 9. Еленевъ, Польская Цивилизація стр. 14; 10. Тамъ же; 11. Устряловъ, т. I, стр. 169 и Никитинъ стр. 99; 12. Никитинъ стр. 99; 13. Тамъ же; 14. Ольшанскій, Бѣльскій и др.; 15. Устряловъ, Русская Исторія, т. I; 16. Иловайскій стр. 98; 17. Никитинъ стр. 104; 18. Тамъ же; 19. Тамъ же стр. 115 и приложеніе VII; 20. Тамъ же стр. 106; 21. Тамъ же стр. 108; 22. Тамъ же стр. 110; 23. Тамъ же стр. 109—110; 24. Тамъ же; 25. Тамъ же приложеніе X; 26. Устряловъ, т. I, стр. 209; 27. Тамъ же; 28. Никитинъ стр. 111—112; 29. Тамъ же стр. 112—113; 30. Никитинъ стр. 114—116, Карамзинъ, Устряловъ, Никонова лѣтопись ч. VI; 31. Никитинъ стр. 113.

ГЛАВА IV.

1. Исторія Смоленска соч. Никитина стр. 119; 2. Тамъ же стр. 110 и 121, и Иловайскій стр. 108; 3. Никитинъ стр. 125; 4. Тамъ же стр. 126.

5. Тамъ же.

6. Названіе башенъ и воротъ. Сѣверная сторона, съ востока къ западу: Лучинская (круглая), Стефанская или Голышинская—взорвана въ 1812 г. ворота Крылошевскія или Рачевскія—разобраны въ 1782 г., Костыревская, Лазаревская—взорвана въ 1812 г. Семенская или Стрѣла, Фроловская или Днѣпровская башня съ воротами, круглая Городецкая—взорвана въ 1812 г., Пятницкая водяная взорвана — въ 1812 г., Пятницкая 4-хъ-угольная съ проѣзжими воротами — разобрана за вѣтхостью, Иворовская — разобрана. По западной сторонѣ, къ югу: Богословская — взорвана въ 1812 г., Малая 4-хъ-угольная—тоже, Шеинская (круглая)—разобрана въ 1830 г., Малая 4-хъ-угольная или Гуркина, Круглая, первая 4-хъ-угольная (отъ Копытецкихъ воротъ), Круглая—разрушена въ 1611 г.

По южной сторонѣ къ востоку: Копытецкая, съ заложенными воротами, Бублейка 4-хъ-угольная, Громовая круглая, Тюпинская или Донецъ, Касандаловская круглая — взорвана въ 1812 г., Молоховскія ворота, 4-хъ-угольная и Моховая — всѣ три взорваны въ 1812 г., Круглая—взорвана Шеиномъ въ 1632 г. По восточной сторонѣ, къ сѣверу: 4-хъ-угольная—разобрана въ 1819 г., Естифѣевская или Брикирева, Никольскія или Ельнинскіе ворота, Зимбулка (4-хъ-угольная), Долгочевская или Шембелка, Воронова (4-хъ-угольная), Бѣлуха или Авраамiевская круглая, она-же Золотарная, Авра-

аміевскія ворота, Орелъ или Городецкая круглая, она-же Веселуха, Роговка или Позднякова. Означенный списокъ составленъ по Никитину и планамъ г. Смоленска 1816 г. (Военно-Ученый Архивъ Гл. Шт. № 52003) и 1793 г. (В-У. Архивъ Гл. Шт. № 4846).

7. Никитинъ стр. 126—127.

8. Тамъ же стр. XXXVI.

9. Никитинъ стр. 126 и планъ г. Смоленска—1634 г.

10. Исторія См. эпархіи стр. 222, Карамзинъ и Нититинъ стр. 154; **11.** Живописная Россія т. III, ч. II, стр. 461; **12.** Никитинъ стр. 128; **13.** Тамъ же стр. 130; **14.** Ист. См. эпархіи стр. 26; **15.** Тамъ же стр. 27 и Никитинъ стр. 131; **16.** Никитинъ стр. 133 — 137; **17.** Тамъ же стр. 150 и приложеніе XII; **18.** Тамъ же; **19.** Тамъ же; **20.** Ист. См. эпархіи стр. 28; **21.** Никитинъ стр. 151; **22.** Тамъ же стр. 152; **23.** Ист. См. эпархіи стр. 28, Карамзинъ т. XII, приложеніе 446; **24.** Никитинъ стр. 152; **25.** Карамзинъ т. XII прил. 442; **26.** Ист. См. эпархіи стр. 214, Никитинъ стр. 151, Карамзинъ т. XII прил. 439; **27.** По Соловьеву (т. 8, гл. 6, стр. 896, изд. 1894 г.) у поляковъ было: пѣхоты 5 т., конницы 12 т. и казаковъ 10 т.; **28.** Никитинъ стр. 153; Карамзинъ т. XII, прил. № 442; **29.** Ист. См. эпархіи стр. 270 и Никитинъ стр. 153; **30.** Тамъ же; **31.** Ист. См. эпархіи стр. 222, Карамзинъ т. XII, прил. 442; **32.** Ист. См. эпархіи стр. 220; **33.** Тамъ же стр. 219; Никитинъ стр. 152; **34.** Напр.: 6 Смоленскихъ удальцовъ, среди бѣла дня, на глазахъ у всѣхъ, подплываютъ на лодкѣ къ стану маршала Дорогостойскаго, выходятъ на берегъ, схватываютъ Литовское знамя и, прежде чѣмъ поляки успѣваютъ одуматься, смѣльчаки какъ ни въ чемъ небывало, возвращаются обратно въ Смоленскъ (Никитинъ стр. 154); **35.** Смотри Никитина; **36.** Тамъ же стр. 155; **37, 38, 39.** Оч. Русской Ист. Иловайскаго; **40.** Никитинъ стр. 159, и Иловайскій стр. 136; **41.** Никитинъ стр. 159; **42.** Тамъ же стр. 166; **43.** Ист. См. эп. стр. 28; **44.** Никитинъ стр. 159—160; **45.** Иловайскій стр. 137; **46.** Никитинъ стр. 156—166; Иловайскій стр. 138; **47.** Карамзинъ т. XII, стр. 190; **48.** Тамъ же и Никитинъ стр. 167; **49.** Карамзинъ т. XII, прил. № 771; **50.** Никитинъ 167; Карамзинъ т. XII, стр. 190—191 и прил. №№ 768—776.

ГЛАВА V.

1. Соловьевъ т. 8, глава 6 и соч. Никитина стр. 168; **2.** Карамзинъ т. XII, стр. 193; **3.** Памятная книжка Смол. губ. за 1864—1865 гг.; **4.** Соч. Никитина стр. 171; Иловайскій стр. 153—154; Памятная книжка См. губ. за 1864 — 1865 гг.; **5.** Соч. Никитина стр. 170; **6.** Тамъ же приложеніе XIII; **7.** Тамъ же стр. 171 и Иловайскій стр. 154; **8.** Иловайскій стр. 153, Записки Льва Николаевича Энгельгардта (Москва 1867 г.); **9.** Никитинъ стр. 172; **10.** Тамъ же; **11.** Соч. Никитина, прилож. XIV, XV и XVI; **12.** Никитинъ стр. 299; **13.** Соловьевъ т. 9, стр. 1197; Устряловъ т. I, стр. 292; **14.** Никитинъ стр. 176; **15.** Устряловъ т. I, стр. 292—293; **16.** Планъ осады и обороны Смоленска 1631—1633 гг. и описаніе къ нему, составленное Гундіусомъ, послужили намъ главными данными при изложеніи событій 1631—1633 гг.; числа и мѣсяцы, къ коимъ

приурочены тѣ или другія событія, мы заимствовали изъ соч. Никитина; **17.** Шеина впослѣдствіи обвинили въ томъ, что «приступали къ граду не во время въ ночную пору» и якобы при этомъ Шеинъ «въ Государевыхъ людей стрѣлялъ изъ наряда, отчего много ихъ было побито» (Соловьевъ т. 9, гл III, стр. 1206); **17.** Соловьевъ т. 9, гл. III, стр. 1210—1213; **18.** Никитинъ прилож. XVII; **19.** Тамъ же прилож. XVIII; **20.** Никитинъ стр. 174; **21.** Соловьевъ т. X, гл. IV, стр. 1659—1667.

ГЛАВА VI.

1. Сочиненіе Никитина стр. 193, 196, 199, 200, 202, 207, 208; **2.** Тамъ же стр. 194, 197, 200; **3.** Никитинъ стр. 198; **4.** Никитинъ стр. 202, 203; **5.** Тамъ же стр. 217; **6.** Никитинъ стр. 238—242. Записки Л. Н. Энгельгардта стр. 2; **7.** Никитинъ стр. 242; **8.** Тамъ же стр. 203—206; **9.** Тамъ же стр. 226; **10.** Тамъ же стр. 272—275; **11.** Тамъ же стр. 275; **12.** Тамъ же стр. 276; **13.** Тамъ же стр. 276—277; **14.** Тамъ же стр. 278; **15.** Записки Паскевича (Военно-Ученый Арх. отд. II, № 1864); **16.** Тамъ же; Михайловскій-Данилевскій Отечественная война т. II, стр. 95—99; **17.** Записки Паскевича и соч. Мих.-Дан. т. II, стр. 100—102; **18.** Соч. Мих.-Дан. т. II, стр. 103—105; **19.** Записки Паскевича и соч. Мих.-Дан. т. II, стр. 112—113; **20.** Михайловскій-Данилевскій т. II, стр. 113; **21.** Богдановичъ, Война 1812 г., т. I, стр. 260—268; Михайл.-Данил. т. II, стр. 115 — 116; **22.** Михайл.-Данил. т. II, стр. 123 — 127; Никитинъ стр. 182; **23.** Никитинъ стр. 282 — 284; **24.** Богдановичъ т. I, стр. 312 — 313; **25.** Никитинъ стр. 285; **26.** Тамъ же стр. 286—287; **27.** Богдановичъ т. III, стр. 100; **28.** Тамъ же стр. 110; **29.** Тамъ же; **30.** Тамъ же; **31.** Тамъ же стр. 111; **32.** Тамъ же стр. 111—112; **33.** Тамъ же стр. 131 — 132; **34.** Тамъ же стр. 133; **35.** Никитинъ стр. 289; **36.** Богдановичъ т. III, стр. 133—134; **37.** Никитинъ стр. 291—292.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Приложенія:

Примѣчанія:

2011096624